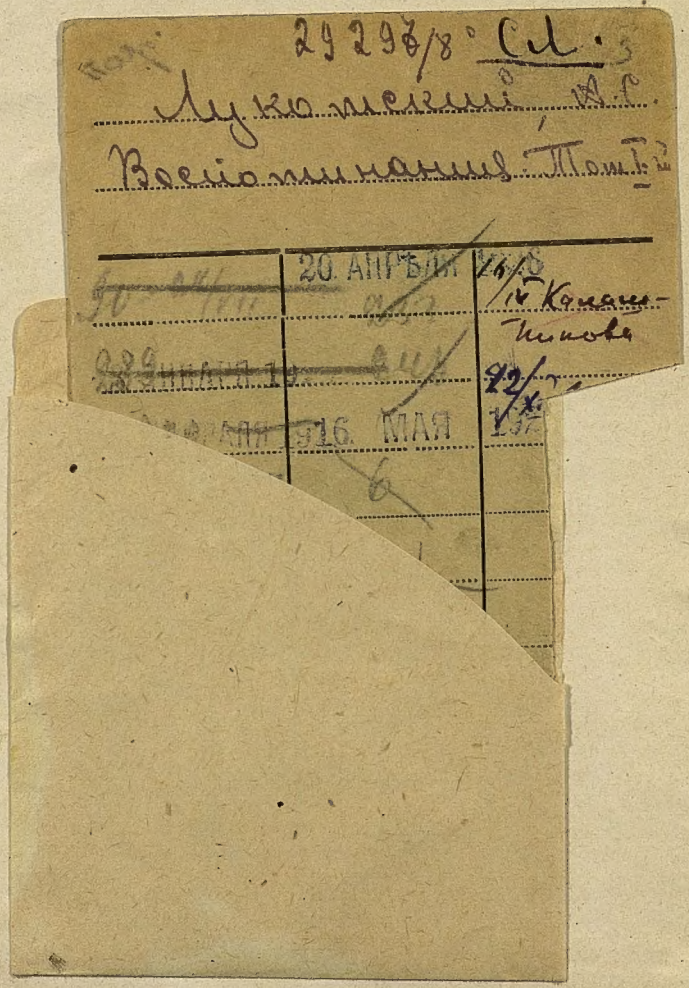
~~184~~ Эп/229
Лукомский, А.С.
Воспоминания.
Т. I


29298/8° Сл.
Лукомский А.С.
Воспоминания. Том I
20. АПРЕЛЯ
16. МАЯ
Канцелярия

ЭР1 — 829

323.2(47)„1917; 1920

Воспоминанія
генерала
А. С. Лукомскаго

Періодъ Европейской войны
Начало разрухи въ Россіи
Борьба съ большевиками

ТОМЪ I

29297/80

С. ф. № 570

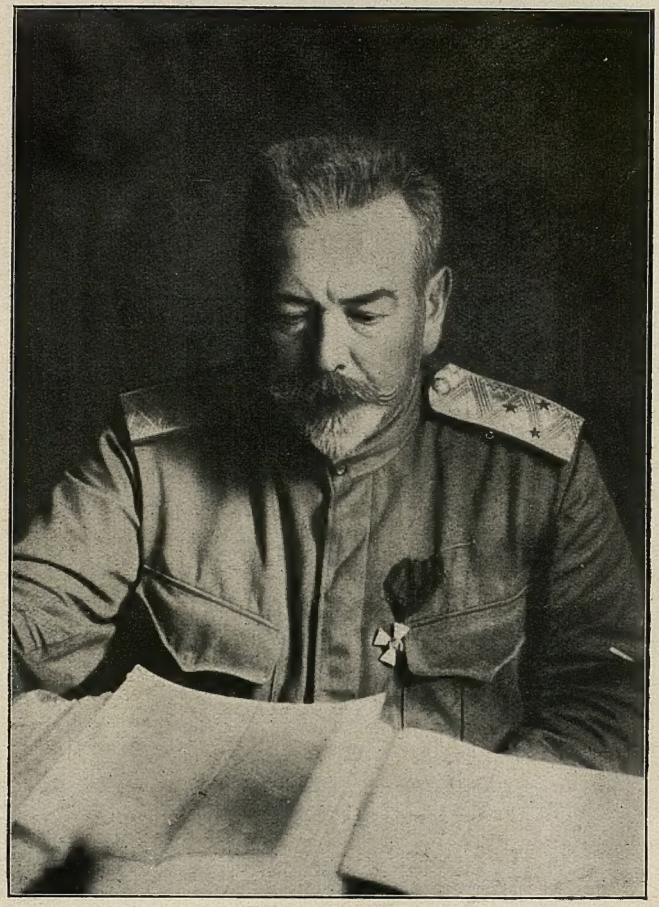
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко.,
BERLIN W. 35, GENTHINERSTR. 19.
1922.

возврата книги

Alle Rechte vorbehalten.
Copyright 1922 by Otto Kirchner & Co., Berlin.

Всѣ права закрѣплены за издательствомъ
ОТТО КИРХНЕРЪ и Ко Берлинъ.

Типографія Шпееръ и Шмидтъ, Berlin S. 42, Ritterstraße 22.



А. Лукомский

Предисловіе.

Правдивая исторія данной эпохи пишется не ея современниками, а послѣдующими историками — которые описаніями современниковъ пользуются, какъ матеріаломъ.

Такимъ матеріаломъ для будущаго историка русской революціи, вылившейся въ настоящее время въ большевизмъ, послужитъ и «Исторія русской революціи», выпускаемая П. Н. Милюковымъ, и всѣ воспоминанія и записки, которыя уже написаны многими лицами и будутъ еще написаны.

У прежнихъ историковъ подъ руками, обыкновенно, были архивы съ оффиціальными и документальными данными. Эти данныя служили канвой, по которой вышивалось, пользуясь описаніемъ событій современниками.

Въ распоряженіи будущихъ историковъ, которые будутъ описывать Европейскую войну, революцію въ Россіи и гражданскую войну — архивовъ можетъ не оказаться.

Вся переписка о началѣ революціи, собранная по моему приказанію въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго въ четыре дѣла, оставалась до большевистскаго переворота въ Могилевѣ.

За два дня до своего убійства въ Могилевѣ, генералъ Духонинъ, исполнявшій должность Верховнаго Главнокомандующаго, хотѣлъ выѣхать изъ Могилева въ Кіевъ. Съ собой онъ хотѣлъ взять наиболѣе важныя дѣла, бывшія въ штабѣ; въ томъ числѣ, какъ мнѣ передавали, и дѣла, содержавшія документы начала революціи. Но писаря и мѣстный революціонный комитетъ воспротивились отъѣзду генерала Духонина, а дѣла уже погруженныя на автомобили, были выброшены на землю. Часть изъ нихъ была внесена обратно въ помѣщеніе штаба, часть разорвана и пущена по вѣтру, часть сожжена.

Что сталось съ дѣлами, касавшимися распоряженій Верховныхъ Главнокомандующихъ по арміямъ, содержащихъ документы по началу революціи и по Корниловскому выступленію — не извѣстно.

Большая часть архивовъ штабовъ фронтовъ пропала.

Мнѣ передавали, что въ періодъ захвата большевиками Петрограда погрому подверглись и архивы Главнаго и Генеральнаго штабовъ.

При занятіи Кіева большевиками, весной 1918 года, арестованныхъ офицеровъ одно время содержали въ помѣщеніи архива штаба округа и они спали на «дѣлахъ». При чемъ, какъ мнѣ передавали, эти «дѣла» шли на топку, на обертку пакетовъ и на другія надобности.

При эвакуаціи Новороссійска погибли многіе документы «Корниловскаго» и «Деникинскаго» періодовъ.

Опасеніе, что многихъ документальныхъ данныхъ, касающихся эпохи Европейской войны, революціи и гражданской войны въ Россіи — можетъ не оказаться, обязываетъ насъ, современниковъ, записать и напечатать все, что мы знаемъ про эти періоды и чему мы были свидѣтелями.

Эти соображенія заставили и меня взяться за перо.

Я прослужилъ, будучи офицеромъ генеральнаго штаба, 12 лѣтъ въ Кіевскомъ военномъ округѣ и черезъ мои руки проходили всѣ вопросы, касавшіеся подготовки войскъ Кіевскаго военнаго округа къ мобилизаціи и къ боевымъ дѣйствіямъ.

Четыре года я былъ начальникомъ мобилизаціоннаго отдѣла главнаго управленія генеральнаго штаба и руководилъ подготовкой къ мобилизаціи всей арміи.

Съ начала войны я былъ начальникомъ канцеляріи военнаго министерства, а съ лѣта 1915 года до апрѣля 1916 года помощникомъ военнаго министра и черезъ меня проходили всѣ вопросы по снабженію арміи.

Въ апрѣлѣ 1916 года я была назначенъ начальникомъ 32 пѣхотной дивизіи, при чемъ имѣлъ честь командовать этой дивизіей, когда она, прорвавъ фронтъ австрійцевъ 22 мая 1916 года и составляя одинъ изъ авангардовъ 9-й арміи, заняла Черновцы и продвинулась въ Карпаты.

Потомъ я былъ начальникомъ штаба 10-й арміи и, съ ноября 1916 по апрѣль 1917 г., генералъ-квартирмейстеромъ Верховнаго Главнокомандующаго. На этой должности я въ Ставкѣ былъ свидѣтелемъ всѣхъ событій начала революціи. Въ апрѣлѣ 1917 года я принялъ 1-й армейскій корпусъ, а съ 3-го іюня 1917 года я былъ начальникомъ штаба при Верховныхъ Главнокомандующихъ Брусиловѣ и Корниловѣ.

Послѣ, такъ называемаго «Корниловскаго выступленія» я, съ Корниловымъ, Деникинымъ и другими, былъ арестованъ по распоряженію Керенскаго и сидѣлъ въ Быховской тюрьмѣ.

19 ноября 1917 года, вмѣстѣ съ другими арестованными, бѣжалъ на Донъ.

Во время гражданской войны я былъ одно время начальникомъ штаба у генерала Корнилова, а при генералѣ Деникинѣ былъ начальникомъ военнаго управленія, помощникомъ главнокомандующаго и, съ іюля 1919 года по январь 1920 года, былъ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія, исполнявшаго функціи правительства.

Въ періодъ генерала Врангеля я былъ его представителемъ при союзномъ командованіи въ Константинополѣ.

Думаю, что мои воспоминанія представятъ интересъ и для современниковъ и для будущихъ историковъ.

Хотя я и обладаю хорошей памятью, но, не имѣя подъ рукой всѣхъ необходимыхъ справокъ и матеріаловъ, могу допустить нѣкоторыя неточности въ изложеніи и ошибки въ датахъ.

Заранѣе за это извиняюсь и прошу тѣхъ, кои могутъ сдѣлать необходимыя исправленія или указать на допущенныя мною ошибки — сообщить объ этомъ мнѣ, или сдѣлать поправки путемъ печати.

Нисколько не претендуя на непогрѣшимость своихъ выводовъ, буду радъ, если и они подвергнутся критикѣ.

„Du choc des opinions jaillit la vérité“.

Буду писать и дѣлать заключенія — какъ это представляется мнѣ. А истина получится изъ сопоставленія различныхъ описаній однихъ и тѣхъ же событій.

А. Лукомскій.

Часть первая.

Періодъ предшествовавшій европейской войнѣ и подготовка къ ней.

ГЛАВА I.

Быстрая мобилизація и сосредоточеніе Германіей арміи на свою западную границу въ 1870 году показали русскимъ военнымъ кругамъ все превосходство, которое въ этомъ отношеніи имѣла она надъ Россіей.

Франко-Германская война открыла также всѣ преимущества Прусской военной организаціи и ярко подчеркнула недочеты организаціи русской арміи.

Выяснилась опасность, которая можетъ грозить Россіи въ случаѣ столкновенія съ Германіей.

Послѣ этой войны, а особенно послѣ Русско-Турецкой войны 1877—1878 годовъ, еще болѣе наглядно выяснившей недочеты по организаціи и по подготовкѣ русской арміи, усиленно велись работы по ихъ устраненію.

Франко-Русскій союзъ заставилъ обратить вниманіе на подготовку къ войнѣ противъ Германіи и Австро-Венгріи; особенно много было сдѣлано для улучшенія и ускоренія мобилизаціи арміи и ускоренія ея сосредоточенія къ западной границѣ Россіи при генералѣ Обручевѣ, бывшемъ начальникомъ главнаго штаба.

Было совершенно ясно, что Германія, въ случаѣ Европейской войны, направитъ противъ Россіи арміи Австро-Венгріи и выставитъ заслоны отъ своихъ армій противъ Варшавскаго и Виленскаго военныхъ округовъ, дабы вос-

препятствовать вторженію въ свои предѣлы тѣхъ частей русской арміи, кои скоро закончатъ свою мобилизацію и сосредоточеніе. Сама же главными своими силами обрушится на Францію и, сломивъ сопротивленіе послѣдней, часть своихъ силъ перебросить на свой восточный фронтъ, чтобы помочь Австро-Венгріи сломить русскую армію.

Расчетъ Германіи на успѣхъ основывался на слѣдующихъ данныхъ:

а) Французская армія закончитъ мобилизацію и сосредоточеніе значительно раньше русской арміи.

б) Германская армія, по расчетамъ, могла быть сосредоточена на французской границѣ раньше окончанія сосредоточенія французской арміи.

в) Русская армія, — значительно запаздывавшая мобилизаціей и сосредоточеніемъ, по имѣвшимся у нѣмцевъ свѣдѣніямъ, въ раіонѣ Варшавскаго военнаго округа должна была сосредоточиваться за Вислой (прикрываясь ею со стороны Германіи), а слѣдовательно, и послѣ окончанія ею сосредоточенія, она не такъ скоро могла достигнуть германской границы.

Непосредственная опасность могла угрожать лишь Восточной Пруссіи.

г) Нанеся сокрушительный ударъ французской арміи, являлась полная возможность, при помощи мощныхъ желѣзнодорожныхъ линій, перебросить значительныя германскія силы на восточный фронтъ и, совмѣстно съ австро-венгерской арміей, обрушиться на русскую армію.

Принимая во вниманіе эти данныя, для русскаго генеральнаго штаба являлась задача, чтобы, насколько возможно, ускоривъ готовность арміи на своемъ западномъ фронтѣ, въ случѣ войны, привлечь на себя значительныя силы германской арміи и не допустить разгрома Франціи Германіей.

Для ускоренія готовности нашей арміи на западномъ фронтѣ было приступлено къ постройкѣ цѣлаго ряда стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій и шоссе.

Была измѣнена дислокація войскъ, съ переводомъ значительнаго числа корпусовъ изъ внутреннихъ раіоновъ

Имперіи въ Виленскій, Варшавскій и Кіевскій военные округа.

Въ зависимости отъ разстоянія раіоновъ расквартированія войсковыхъ частей отъ границы, состава контингента запасныхъ, которые предназначались на укомплектованіе при мобилизаціи мѣстныхъ войсковыхъ частей, а также численности контингента запасныхъ и лошадей въ этихъ раіонахъ, были установлены различные штаты, по которымъ содержались войсковыя части въ мирное время.

При чемъ, тѣ части, готовность коихъ требовалась очень быстрая, — содержались и въ мирное время почти по штатамъ военнаго времени.

Были разработаны планы мобилизаціи войсковыхъ частей и желѣзныхъ дорогъ. Приняты были мѣры къ образованію при войсковыхъ частяхъ неприкосновенныхъ запасовъ — артиллерійскихъ, интендантскихъ, инженерныхъ и санитарныхъ.

Ко времени 1896 года мобилизаціонная готовность арміи стояла еще на очень низкой степени. Главной причиной этого являлось то, что, обративъ должное вниманіе на технику мобилизаціи войсковыхъ частей, совершенно не наладили работу гражданской администраціи по правильному и быстрому сбору въ уѣздахъ къ сборнымъ пунктамъ запасныхъ чиновъ, лошадей и подводъ.

Первымъ на это указалъ командующій войсками Кіевскаго военнаго округа генералъ Драгомировъ, который въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ за 1895 и 1896 года писалъ, что если на это не будетъ обращено серьезнаго вниманія, то общая мобилизація арміи пройдетъ очень скверно и что армія не будетъ укомплектована въ тѣ сроки, какъ это предположено.

Генералъ Драгомировъ обращалъ вниманіе на то, что мобилизація арміи складывается изъ трехъ главнѣйшихъ актовъ:

а) планомѣрный быстрый сборъ къ сборнымъ пунктамъ и пріемъ на нихъ запасныхъ солдатъ, лошадей и повозокъ;

б) доставку этихъ укомплектованій до мѣста квартированія войсковыхъ частей, и

в) собственно мобилизаціи войсковыхъ частей.

Что по п. а) въ сущности говоря ничего не сдѣлано и что гражданская администрація не подготовлена къ выполненію того — отъ чего зависитъ успѣхъ мобилизаціи.

Генералъ Драгомировъ, указывая на то, что это можетъ закончиться катастрофой, настаивалъ на необходимости образованія при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ особаго управленія по дѣламъ о воинской повинности, которое бы, въ полной согласованности съ военнымъ вѣдомствомъ, руководило работами гражданской администраціи по подготовкѣ мобилизаціи.

Кромѣ того, генералъ Драгомировъ настаивалъ на необходимости ежегодно производить въ различныхъ раіонахъ государства опытныя мобилизаціи, съ дѣйствительнымъ призывомъ запасныхъ офицеровъ и солдатъ, и съ поставкою лошадей и повозокъ, и производить дѣйствительную мобилизацію войсковыхъ частей и отдѣльныхъ линій желѣзныхъ дорогъ. Онъ указалъ, что хотя это и вызоветъ значительные ежегодные расходы, но это единственный способъ поставить на высоту мобилизацію арміи и быть увѣреннымъ что когда потребуется, то она будетъ произведена дѣйствительно въ намѣченные сроки.

Доклады генерала Драгомирова были одобрены Государемъ, было сформировано при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ особое управленіе по дѣламъ о воинской повинности и, начиная съ 1897 года, включительно до 1914 года, ежегодно производились въ различныхъ военныхъ округахъ государства опытныя мобилизаціи.

Насколько правъ былъ генералъ Драгомировъ, требуя ежегодной фактической провѣрки подготовки къ мобилизаціи всѣхъ причастныхъ къ ней органовъ и управленій, — показали первыя же опытныя мобилизаціи. То что было изложено въ мобилизаціонныхъ планахъ оказалось не всегда соотвѣтствующимъ дѣйствительности.

При опытной мобилизаціи въ 1897 году въ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ одномъ изъ волост-

ныхъ правленій было обнаружено секретное увѣдомленіе, что въ ближайшіе дни будетъ произведена опытная мобилизація, чтобы къ ней подготовились и чтобы были приняты мѣры, дабы объ этомъ предупрежденіи изъ Петербурга не узналъ кто либо изъ военныхъ чиновъ, которые будутъ контролировать производство мобилизаціи. Между тѣмъ однимъ изъ условій правильнаго заключенія о подготовкѣ къ мобилизаціи являлось производство ея неожиданно, безъ предварительнаго предупрежденія; это же преступное предупрежденіе изъ Петрбурга показало, что были администраторы, которымъ не дорого было общее дѣло, а дорого лишь собственное благополучіе.

Къ 1904 году мы считали, что мобилизація арміи у насъ налажена вполнѣ удовлетворительно.

Одновременно съ работами по подготовкѣ мобилизаціи арміи, шли организаціонныя работы и работы оперативныя (по сосредоточенію отмобилизованной арміи къ границѣ и по выработкѣ задачъ, которыя ей ставились послѣ окончанія мобилизаціи).

Оперативныя работы также велись главнымъ образомъ въ предположеніи войны съ Германіей и Австро-Венгріей.

Въ подтвержденіе насколько большое значеніе придавалось работамъ по подготовкѣ войны противъ Германіи и Австро-Венгріи можно привести слѣдующій фактъ.

Послѣ поѣздки въ 1903 году во Владивостокъ и въ Портъ-Артуръ военнаго министра генерала Куропаткина, поѣздки, которая была связана съ надвигавшимися событіями на Дальнемъ Востокѣ, генералъ Куропаткинъ, немедленно послѣ своего возвращенія въ Петербургъ, прислалъ съ курьеромъ, на имя командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, генерала Драгомирова, письмо, въ которомъ онъ писалъ, что, во время поѣздки во Владивостокъ и обратно, его все время безпокилъ вопросъ о возможности войны на западномъ фронтѣ и что онъ, пользуясь тѣмъ, что съ нимъ была подробная карта Австро-Венгріи, планы окрестностей Львова и Перемышля, и описаніе Австро-Венгріи, составленное русскимъ генеральнымъ штабомъ, въ свободное время, въ вагонѣ, изучалъ по этимъ даннымъ окрестно-

сти Львова и Перемышля и составилъ проектъ какъ лучше ихъ брать, нанеся на карту параллели, которыя придется заложить на мѣстѣ и выбралъ мѣста для артиллеріи. Генералъ Куропаткинъ просилъ генерала Драгомирова срочно поручить генералъ — квартирмейстеру штаба округа провѣрить его соображенія и, по составленіи подробнаго проекта взятія этихъ пунктовъ, таковой ему прислать.

Правда, генералъ Драгомировъ очень нелестно отозвался о непроизводительной работѣ военнаго министра, но этотъ фактъ все же интересенъ, какъ доказательство того, что мысли руководителей русскихъ военныхъ круговъ были постоянно заняты подготовкой къ войнѣ на западномъ фронтѣ.

Въ 1903 году начались тренія съ Японіей изъ за лѣсныхъ концессій на р. Ялу.

Этому, чисто коммерческому предпріятію, въ Японіи придали серьезное политическое значеніе.

Въ связи съ усиленіемъ Владивостока, фактическимъ занятіемъ Россіей Квантунгскаго полуострова, съ постройкой крѣпости въ Портъ-Артурѣ и коммерческаго порта въ Тальенъ-Ванѣ, развитіе лѣсныхъ концессій на р. Ялу, подъ охраной войскъ, — рисовали Японіи серьезную опасность. Получалось впечатлѣніе, что Россія, пользуясь слабостью Китая и Кореи, хочетъ прочно укрѣпиться на Квантунгскомъ полуостровѣ и распространить свое вліяніе и фактическое господство въ Манджуріи и Кореѣ.

Протесты со стороны Японіи ясно указывали, что она съ этимъ помириться не можетъ.

Донесенія, бывшаго въ то время въ Японіи русскимъ военнымъ агентомъ Самойлова, предупреждали о томъ, что Японія настолько опасается дѣйствій Россіи на Дальнемъ Востокѣ, что не остановится и передъ войной, если увидитъ, что не получитъ гарантій, обезпечивающихъ ея интересы въ Кореѣ.

Самойловъ указывалъ, что армія Японіи не такъ слаба, какъ объ этомъ думали въ руководящихъ военныхъ рукахъ Россіи. Что, наоборотъ, подготовка этой арміи стоитъ на высокой степени; что организація арміи хороша; что

при мобилизаціи армія сильно развертывается; что техническая сторона стоитъ на высокой степени развитія; что, наконецъ, за послѣдніе года, искусной пропагандой, японскій народъ подготовляется къ войнѣ съ Россіей; что война съ Россіей будетъ въ Японіи крайне популярна.

Этимъ донесеньямъ ни русское военное министерство, ни министерство иностранныхъ дѣлъ не придали серьезнаго значенія. Повидимому считали, что Самойловъ увлекается, преувеличивая силу и значеніе японской арміи и были увѣрены, что Японія не посмѣетъ объявить войну Россіи. Но, въ то-же время, дабы обезпечить себя вполнѣ на Дальнемъ Востокѣ, было рѣшено усилить тамъ войска. Съ этой цѣлью было рѣшено всѣ сибирскіе стрѣлковые полки немедленно изъ 2-хъ батальоннаго состава переформировать въ трехбатальонные и отправить на Дальній Востокъ двѣ бригады пѣхоты и одну бригаду конницы.

Всѣ эти мѣры, въ связи съ другими, проводимыми въ Сибири для усиленія боевой готовности войскъ, были приняты Японіей, какъ подготовка Россіи къ неизбѣжной войнѣ и она усиленно стала заканчивать подготовку къ войнѣ со своей стороны и затѣмъ, въ концѣ января 1904 года, сама объявила войну Россіи, открывъ военныя дѣйствія неожиданнымъ нападеніемъ на нашу эскадру въ Чемульпо и въ Портъ-Артурѣ.

Еще задолго до Русско-Японской войны генералъ Драгомировъ указывалъ на то, что на Дальнемъ Востокѣ могутъ назрѣть серьезныя событія и къ нимъ надо быть готовыми; что базироваться придется на Европейскую Россію, а это будетъ крайне затруднительно при слабой провозоспособности, строившагося тогда, единственнаго желѣзнодорожнаго пути длиною въ десять тысячъ верстъ; что для дѣйствительной обезпеченности положенія на Дальнемъ Востокѣ необходимо въ раіонѣ Иркутска и Забайкалья устроить значительные базисные склады, а также построить орудійный и оружейный заводы.

Но на это предупрежденіе не было обращено должнаго вниманія. Китай считался совершенно ничтожнымъ по своей полной неподготовленности къ серьезной борьбѣ, а относи-

тельно Японіи, какъ я уже сказалъ, была полная увѣренность, что она не посмѣетъ начать борьбу съ Россіей. Силы же и значеніе Японской арміи преуменьшались. Считалось, что если Японія и рискнетъ на войну, то Сибирскими войсками, съ нѣкоторымъ усиленіемъ ихъ за счетъ войскъ Европейской Россіи, будетъ легко съ ней справиться.

По этому вопросу долженъ сохраниться очень интересный документъ: это докладъ военнаго министра генерала Куропаткина Государю Императору послѣ назначенія Куропаткина Главнокомандующимъ арміей.

Докладъ интересенъ тѣмъ, что показываетъ, насколько увѣренъ былъ генералъ Куропаткинъ въ быстрой и легкой побѣдѣ и насколько ничтожное значеніе придавалось имъ японской арміи. Планъ предстоящей кампаніи изложенъ былъ съ полной увѣренностью въ то, что никакого серьезнаго сопротивленія русская армія не встрѣтитъ; заканчивался докладъ указаніемъ, что послѣ разгрома японской арміи на материкѣ, долженъ быть произведенъ дессантъ въ Японію, должно быть подавлено народное возстаніе и война должна закончиться занятіемъ Токіо.

Резолюціи Государя Императора указываютъ, насколько онъ былъ убѣжденъ, основываясь, конечно, на докладахъ военнаго министра, что война будетъ болѣе чѣмъ легкая и короткая и что Японія, за свою дерзость, будетъ должнымъ образомъ наказана.

Какого либо серьезнаго значенія японскому военному флоту придано не было.

Разочарованія начались съ первыхъ же дней войны.

Генералъ Куропаткинъ, отправляясь на Дальній Востокъ, успокаивалъ взволнованное общественное мнѣніе, ставшими историческими, словами: «терпѣніе, терпѣніе».

Но «терпѣніе» не помогло. Какъ и во всѣ предыдущія войны офицеры и солдаты показали себя героями, но кампанія была проиграна.

Японскія армія и флотъ оказались значительно сильнѣй того, что предполагалось; Японская армія развернула такія силы, какихъ не ожидали; технически ихъ армія оказалась гораздо лучше оборудованной чѣмъ наша; главное

же — у японской арміи и у японскаго флота оказались полководцы и флотоводцы, какихъ не оказалось у насъ. *)

Для борьбы съ Японіей, совершенно неожиданно, Россіи пришлось напречь почти всѣ свои силы.

Послѣ пораженія подъ Мукденомъ русская армія отошла за Телинъ, гдѣ была приведена въ порядокъ, пополнена и усилена новыми корпусами, подвезенными изъ Россіи.

Японія къ этому времени дала напряженіе своихъ силъ и, несмотря на всѣ ея предыдущія побѣды, наступилъ моментъ, когда долженъ былъ произойти переломъ военнаго счастія; успѣхъ долженъ былъ склониться на сторону русской арміи, которая продолжала усиливаться и Россія могла дать много, а Японія — уже ничего дать на усиленіе своей арміи не могла.

Но моральный перевѣсъ пока оставался на сторонѣ японской арміи, а Цусимское пораженіе русской эскадры адмирала Рождественскаго лишило надежды закончить кампанію пораженіемъ Японіи: она на своихъ островахъ стала неуязвимой. Въ лучшемъ случаѣ, путемъ новыхъ большихъ жертвъ и послѣ новой продолжительной кампаніи, можно было заставить японскую армію отойти и покинуть материкъ, но это не дало бы прочнаго и почетнаго мира.

Наконецъ въ самой Россіи назрѣвали серьезныя внутреннія осложненія. Война въ народной массѣ была не популярна. Этимъ воспользовались оппозиціонныя и революціонныя политическія партіи и началась усиленная пропаганда, какъ среди населенія, такъ и среди войскъ.

Отдѣльныя волненія начались еще въ концѣ 1904 года, а послѣ серьезныхъ безпорядковъ, бывшихъ въ Петроградѣ 9 января 1905 года, вспышки революціоннаго характера среди населенія и волненія въ войскахъ стали принимать все болѣе и болѣе угрожающій характеръ.

---

*) Необходимо сдѣлать исключеніе для доблестнаго и высокоодареннаго адмирала Макарова, погибшаго на броненосцѣ „Петропавловскъ“, взорвавшемся на минахъ, при выходѣ изъ Портъ-Артура.

Кромѣ того надо отмѣтить, что генералъ Куропаткинъ, желая руководить всѣмъ самъ и вмѣшиваясь во все до мелочей включительно,— подавлялъ у начальниковъ проявленіе какой-либо иниціативы.

Пришлось, для подавленія безпорядковъ, направлять отмобилизованныя войсковыя части, предназначавшіяся для отправленія на Дальній Востокъ, въ Приволжскія губерніи, въ Прибалтійскій край и на Кавказъ.

Къ лѣту 1905 года безпорядки, начавшіеся въ Сибири, стали угрожать перерывомъ сообщенія между Европейской Россіей и арміей по сибирскому желѣзнодорожному пути.

При этихъ условіяхъ было рѣшено приступить къ мирнымъ переговорамъ съ Японіей, которые и закончили войну.

Продолжавшіеся внутренніе безпорядки заставили пойти на уступки общественному мнѣнію и 17/30 октября 1905 года Государемъ Императоромъ былъ изданъ манифестъ объ образованіи выборнаго законодательнаго органа — Государственной Думы и о предоставленіи ряда политическихъ правъ населенію Россіи.

Этотъ манифестъ не удовлетворилъ многія изъ политическихъ группъ, добивавшихся, по меньшей степени, болѣе мощнаго законодательнаго органа, передъ которымъ правительство было бы отвѣтственно.

Но, къ половинѣ октября, во многихъ мѣстахъ Имперіи начали проявляться сильныя реакціонныя теченія, а армія, въ своей массѣ, осталась вѣрной присягѣ, и продолжать революціонную дѣятельность — стало опаснымъ: можно было потерять и то, что было достигнуто.

ГЛАВА II.

Русско-Японская война открыла такіе серьезные недочеты въ организаціи русской арміи и въ подготовкѣ къ войнѣ, которые указали, что для борьбы на западномъ фронтѣ мы недостаточно подготовлены.

Мобилизація, произведенная во всѣхъ военныхъ округахъ государства, указала, что подготовка къ ней была хороша въ округахъ Кіевскомъ и Варшавскомъ; удовлетворительна въ округахъ Виленскомъ, Петербургскомъ и Московскомъ и совсѣмъ неудовлетворительна въ прочихъ военныхъ округахъ.

Развертываніе Японской арміи наглядно показало, какія громадныя арміи выставятъ Германія и Австро-Венгрія, у которыхъ была принята система скрытыхъ кадровъ, при которой каждая мобилизующаяся часть выдѣляла кадръ, который развертывался въ новую часть, а послѣдняя, въ свою очередь, выдѣляла кадръ для новаго формированія.

Японская война выяснила также недостатокъ техническихъ средствъ въ нашей арміи и необходимость имѣть при корпусахъ и дивизіяхъ артиллерію не только легкую, но и болѣе крупныхъ калибровъ.

Немедленно послѣ окончанія войны и демобилизаціи арміи началась работа по устраненію и исправленію главнѣйшихъ недочетовъ, обнаруженныхъ во время войны.

Для образованія неприкосновенныхъ запасовъ — интендантскихъ, артиллерійскихъ, инженерныхъ, санитарно-медицинскихъ и ветеринарныхъ, какъ израсходованныхъ во время войны, такъ и необходимыхъ въ связи съ проектированной реорганизаціей арміи, требовался громадный кредитъ, который увеличивался предполагаемыми расходами на авіацію и на крѣпости.

Такъ какъ установленіе новой организаціи арміи затягивалось, а неприкосновенные запасы надо было образовывать немедленно, то съ 1907 года стала выполняться программа образованія неприкосновенныхъ запасовъ, составленная въ 1906 году и по исчисленію которой, не считая ежегодныхъ текущихъ расходовъ на армію, требовался экстраординарный расходъ въ 750 милліоновъ рублей. Программа была составлена по 1915 годъ включительно.

Впослѣдствіи въ эту программу вносились измѣненія (наиболѣе крупное послѣ окончательнаго рѣшенія вопроса объ организаціи арміи), но срокъ выполненія программы остался безъ измѣненіи.

Начальникъ Генеральнаго Штаба генералъ Палицынъ, руководя работами по подготовкѣ къ операціямъ, подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ, занялся подготовкой офицеровъ генеральнаго штаба къ полевой работѣ.

Всѣ офицеры русскаго генеральнаго штаба, побывавшіе хоть разъ на полевыхъ работахъ, производившихся генераломъ Палицынымъ въ раіонахъ намѣченнаго сосредоточенія армій, должны признать, что эти поѣздки велись въ высшей степени интересно и приносили громадную пользу.

Постояннымъ участникомъ и ближайшимъ сотрудникомъ генерала Палицына на этихъ поѣздкахъ былъ генералъ — квартирмейстеръ главнаго управленія генеральнаго штаба, генералъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ.

Отличаясь громадной работоспособностью и пунктуальностью при выполненіи работы, генералъ Алексѣевъ являлся образцомъ, по которому старались равняться и другіе участники полевыхъ поѣздокъ. Играло здѣсь роль, конечно, и то, что, хотя на всѣхъ этихъ поѣздкахъ генералъ Алексѣевъ являлся яко-бы одинаковымъ членомъ со всѣми

другими участниками поѣздки, получая и выполняя одинаковыя съ другими задачи, онъ, будучи ближайшимъ помощникомъ начальника генеральнаго штаба являлся фактически лицомъ, которое вліяло на аттестаціи участниковъ поѣздокъ и отъ заключенія котораго могла зависѣть дальнѣйшая служба и старшихъ и младшихъ офицеровъ генеральнаго штаба.

Часто мы ворчали на генерала Алексѣева за то, что изъ за него должны были дѣлать больше того, что требовалъ генералъ Палицынъ, или наша работа, въ глазахъ начальника генеральнаго штаба, могла показаться недостаточно полной и недостаточно аккуратной.

Я помню, что на одной изъ полевыхъ поѣздокъ генералъ Палицынъ намъ сказалъ, чтобы мы работы представляли написанными карандашемъ и не прикладывали къ нимъ особыхъ схемъ, а ограничивались бы подъемомъ картъ цвѣтными карандашами, указывая на картѣ все, что надо.

На слѣдующій день мы всѣ закончили нашу работу къ 8 часамъ вечера и передъ сномъ пошли прогуляться. Вернувшись домой, застали генерала Алексѣева сидящимъ на табуреткѣ около своего чемодана, обращеннаго въ столъ, и что-то пишущаго перомъ. Подойдя мы увидѣли, что у него приготовлено нѣсколько схемъ и что работу свою онъ исполняетъ не карандашемъ, а чернилами. На вопросъ одного изъ насъ, почему онъ это дѣлаетъ вопреки разрѣшенія генерала Палицына представлять работы написанныя карандашемъ и безъ особыхъ схемъ, онъ отвѣтилъ: «Да я знаю, что начальникомъ генеральнаго штаба это разрѣшено и вы можете такъ и дѣлать, но я привыкъ свои работы выполнять аккуратно и иначе не могу. Я, кромѣ того, работы всегда выполняю въ двухъ экземплярахъ — одинъ представляю начальнику генеральнаго штаба, а другой оставляю себѣ, дабы потомъ, когда будетъ свободное время, ихъ еще пересмотрѣть и провѣрить, насколько правильно я принялъ то или иное рѣшеніе».

Особенно горячо на полевыхъ поѣздкахъ обсуждался

вопросъ о возможномъ характерѣ боевыхъ дѣйствій при войнѣ на западномъ фронтѣ.

Характеръ позиціонной войны на западномъ фронтѣ, каковую пріобрѣла Русско-Японская война послѣ первыхъ неудачъ русской арміи, совершенно отрицался. Допускалась возможность отдѣльныхъ эпизодовъ позиціонной войны, но никто не могъ допустить и себѣ представить сплошного укрѣпленнаго фронта отъ Балтійскаго до Чернаго морей....

Представлялось, что война на западномъ фронтѣ будетъ носить чисто полевой характеръ, съ отдѣльными позиціонными участками — преимущественно въ раіонахъ крѣпостей.

Это мнѣніе, въ значительной степени, повліяло впослѣдствіи на то, что на заблаговременную заготовку или на пріобрѣтеніе за границею артиллеріи крупнаго калибра не было обращено должнаго вниманія. Считалось, что крупнѣе 6-ти дюймоваго калибра для полевой войны артиллерію имѣть не надо. Потребуется же артиллерія болѣе крупнаго калибра лишь при взятіи крѣпостей.

Въ 1907 году штабу Кіевскаго военнаго округа удалось получить мобилизаціонный планъ одного изъ пограничныхъ австро-венгерскихъ корпусовъ и данныя о сосредоточеніи австро-венгерской арміи; эти данныя, достовѣрность коихъ была внѣ всякихъ сомнѣній, въ общемъ, подтвердили прежде имѣвшіяся свѣдѣнія и указывали, что австро-венгерская армія будетъ сосредоточена въ двухъ главныхъ группахъ: одна должна была дѣйствовать противъ русскихъ войскъ, сосредоточиваемыхъ въ Кіевскомъ военномъ округѣ, а другая должна была наступать въ Люблинскій раіонъ и на Брестъ-Литовскъ, т. е. во флангъ и тылъ войскамъ, сосредоточиваемымъ въ Варшавскомъ военномъ округѣ.

На полевой поѣздкѣ 1907 года, генералъ Палицынъ провѣрилъ всѣ данныя по сосредоточенію нашихъ войскъ въ раіонѣ Дубно-Проскуровъ и далъ указанія для нѣкоторыхъ измѣненій въ нашемъ планѣ сосредоточенія и планѣ первоначальныхъ дѣйствій.

Генерала Палицына безпокоилъ вопросъ о связи между Юго-Западнымъ фронтомъ (Кіевскій и Одесскій военные округа) и Варшавскимъ раіономъ. Дѣйствительно, въ случаѣ первоначальныхъ неуспѣховъ, Кіевскій раіонъ оказывался отрѣзаннымъ отъ Варшавскаго и чрезвычайное значеніе пріобрѣталъ раіонъ у Ровно, откуда шли единственные возможные для движенія артиллеріи и обозовъ пути на сѣверъ черезъ Полѣсье. Поэтому, послѣ окончанія полевой поѣздки 1907 года, генералъ Палицынъ, съ генераломъ Алексѣевымъ, мною и полковникомъ Добровольскимъ (начальникомъ оперативнаго отдѣленія главнаго управленія генеральнаго штаба) прожилъ мѣсяцъ въ окрестностяхъ Ровно, изучая ихъ и рѣшая, какія мѣры надо принять, дабы обезпечить сохраненіе за нами Ровненскаго раіона.

Какъ слѣдствіе этой поѣздки появился проектъ устройства укрѣпленій у Ровно. Въ 1908 году отъ главнаго инженернаго управленія былъ командированъ полковникъ Колосовскій для составленія на мѣстѣ проекта укрѣпленія Ровно. Для совмѣстной работы съ полковникомъ Колосовскимъ, въ качествѣ представителя отъ генеральнаго штаба, былъ назначенъ я.

Полковникъ Колосовскій сказалъ мнѣ, что онъ получилъ указаніе отъ начальника главнаго инженернаго управленія, генерала Вернандера, составить проектъ крѣпости, что генералъ Вернандеръ не признаетъ «ублюдковъ» въ видѣ временныхъ укрѣпленій и, если надо укрѣплять Ровно, то надо укрѣплять, какъ слѣдуетъ.

По подсчету полковника Колосовскаго на эту работу должно было потребоваться не менѣе ста милліоновъ рублей и, конечно, эта работа должна была быть многолѣтняя.

Я съ этимъ не согласился, указывая, что надо устроить для арміи опорные пункты временнаго характера и что укрѣпленная позиція будетъ усилена и развита тѣми войсками, которымъ придется ее оборонять. То, что я предлагалъ, по грубому подсчету, не должно было превысить расходъ въ 10—12 милліоновъ рублей и работа могла быть закончена въ два — три года.

Наши параллельные проекты были представлены въ

главное инженерное управленіе и начальнику генеральнаго штаба.

Изъ за недостатка средствъ ни одинъ изъ этихъ проектовъ осуществленія не получилъ.

* * *

Въ декабрѣ 1908 года начальникомъ генеральнаго штаба, вмѣсто генерала Палицына, былъ назначенъ генералъ Сухомлиновъ; всѣмъ было ясно, что это временно и что генералъ Сухомлиновъ будетъ назначенъ военнымъ министромъ; въ противномъ случаѣ онъ врядъ ли согласился бы промѣнять свой самостоятельный постъ (командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа и генералъ-губернатора Юго-Западнаго края) на менѣе видный, гораздо меньше оплачиваемый и требующій большой личной работы постъ начальника генеральнаго штаба.

И дѣйствительно вскорѣ состоялось назначеніе генерала Сухомлинова военнымъ министромъ вмѣсто генерала Редигера, а генерала Мышлаевскаго, съ подчиненіемъ военному министру, начальникомъ генеральнаго штаба.

* * *

Всѣ были увѣрены, что избѣжать Европейской войны нельзя будетъ; атмосфера слишкомъ сгущалась и напряженіе всѣхъ государствъ Европы въ подготовкѣ къ войнѣ становилось столь большимъ, что грозило разореніемъ нѣкоторымъ государствамъ и долго продолжаться не могло.

Нарывъ назрѣвалъ. Темпъ германской подготовки къ войнѣ заставлялъ думать, что войну надо ожидать въ 1915 году. Къ этому сроку готовились и мы.

Большая и отвѣтственная работа выпала за этотъ періодъ на долю военнаго министра.

Генералъ Сухомлиновъ, будучи умнымъ человѣкомъ и хорошимъ администраторомъ, все же для поста военнаго министра для даннаго періода не подходилъ.

Быстро схватывая вопросъ, онъ давалъ указанія по

существу и отлично могъ руководить работой. Но, по свойству своего характера, въ детали вдаваться онъ не любилъ, да и не умѣлъ.

Прохожденіе же вопросовъ черезъ законодательныя учрежденія часто требовали личнаго присутствія министровъ для дачи объясненій не только въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ, но и въ комиссіяхъ этихъ учрежденій. Для этого же, конечно, надо было знать проводимые вопросы детально. Кромѣ того, у генерала Сухомлинова былъ недостатокъ, который мало кто зналъ. Будучи отличнымъ ораторомъ и разсказчикомъ при небольшомъ числѣ слушателей, онъ совершенно не могъ говорить рѣчей или давать какія либо оффиціальныя разъясненія, когда слушателей было много; онъ страшно волновался и у него совершенно пропадалъ голосъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ему необходимо было выступать съ рѣчью въ Государственной Думѣ или Государственномъ Совѣтѣ — онъ всегда заранѣе приготовлялъ рѣчь и ее читалъ.

Все это побудило генерала Сухомлинова создать должность помощника военнаго министра и на таковую, въ 1910 году, былъ назначенъ генералъ Поливановъ, который объединилъ дѣятельность всѣхъ довольствующихъ управленій (артиллерійскаго, интендантскаго, инженернаго, санитарнаго и ветеринарнаго) и, руководя работами по составленію смѣтъ военнаго министерства, замѣнялъ военнаго министра въ законодательныхъ учрежденіяхъ.

Работа по подготовкѣ къ войнѣ затруднялась недостаткомъ средствъ. Расходы изъ государственнаго казначейства на текущія надобности, вслѣдствіе реорганизаціи арміи, сильно возросли и министръ финансовъ стремился, насколько возможно, не допускать увеличенія ежегодныхъ экстраординарныхъ расходовъ, не оправдываемыхъ дѣйствительной необходимостью.

Впослѣдствіи, въ началѣ войны, Государственная Дума неоднократно упрекала правительство въ томъ, что не было предусмотрѣно цѣлаго ряда потребностей на нужды арміи и не были своевременно испрошены необходимые кредиты.

Военный министръ на это отвѣчалъ, что ему не позволяли испрашивать большія суммы чѣмъ тѣ, какія проходили черезъ междувѣдомственныя совѣщанія съ участіемъ представителей министерства финансовъ; а министръ финансовъ говорилъ, что военный министръ не настаивалъ на отпускѣ большихъ кредитовъ. . . .

Въ дѣйствительности оба были не правы.

Министръ финансовъ отлично зналъ, что испрашивавшіеся кредиты урѣзывались въ междувѣдомственныхъ комиссіяхъ по требованію министерства финансовъ; а военный министръ не былъ достаточно настойчивъ, не ставилъ вопросъ ребромъ и соглашался на тѣ урѣзки кредитовъ, которыя требовались министерствомъ финансовъ.

* * *

Съ начала дѣятельности Государственной Думы, т. е. съ 1906 года, въ порядкѣ Верховнаго управленія можно было проводить вопросы, касающіеся исключительно одного военнаго вѣдомства и не требующіе новыхъ расходовъ; всѣ же остальные законопроекты и смѣты должны были вноситься на предварительное разсмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Новый порядокъ, конечно, многимъ не нравился. Указывали, что на проведеніе самаго незначительнаго законопроекта требовалось много времени. Но главная причина неудовольствій являлась слѣдствіемъ тѣхъ непріятностей, которыя зачастую приходилось выслушивать представителямъ военнаго вѣдомства, защищавшимъ законопроекты — какъ въ комиссіяхъ Государственной Думы, такъ и на общихъ ея засѣданіяхъ.

Но постепенно работа военнаго министерства съ Государственной Думы налаживалась, и къ 1909 году работа, въ общемъ, пошла гладко.

Комиссія государственной обороны, образованная Государственной Думой, въ своемъ составѣ имѣла людей, дѣйствительно желавшихъ поднять боеспособность арміи и между членами этой комиссіи и представителями военнаго мя-

нистерства установились отношенія, основанныя на взаимномъ довѣріи.

Въ концѣ 1908 года, съ разрѣшенія военнаго министра Редигера, подтвержденнаго въ 1909 году новымъ военнымъ министромъ генераломъ Сухомлиновымъ, генералъ В. І. Гурко, на своей частной квартирѣ, собиралъ представителей различныхъ отдѣловъ военнаго министерства — съ цѣлью знакомить лидеровъ различныхъ партій Государственной Думы и желающихъ членовъ комиссіи обороны Государственной Думы съ различными вопросами ихъ интересовавшими и болѣе детально и подробно разъяснять причины необходимости проведенія тѣхъ или иныхъ законопроектовъ. Члены Государственной Думы на эти собесѣдованія приглашались персонально предсѣдателемъ комиссіи обороны Государственной Думы.

На этихъ собесѣдованіяхъ сообщались такія секретныя данныя, которыя считалось невозможнымъ оглашать не только въ общемъ собраніи Государственной Думы, но даже и на засѣданіяхъ комиссіи обороны.

Это общеніе и даваемыя разъясненія въ значительной степени облегчали проведеніе различныхъ законопроектовъ.

Я долженъ констатировать, что за все время работы 3-й и 4-й Государственныхъ Думъ ни одно изъ представленій военнаго министерства, касавшихся улучшенія боеспособности арміи или обороны страны, не было отклонено.

Государственная Дума на вопросы, касавшіеся обороны страны, обращала самое серьезное вниманіе и неоднократно, по соглашенію съ комиссіей обороны, нами вносились въ Думу такія представленія, о проведеніи которыхъ въ жизнь, безъ участія Государственной Думы, нельзя было и думать, такъ какъ они вызывали очень значительные расходы, на которые министерство финансовъ затруднилось бы дать согласіе.

* * *

Одной изъ наиболѣе срочныхъ и отвѣтственныхъ работъ было пополненіе неприкосновенныхъ запасовъ, израс-

ходованныхъ во время Русско-Японской войны и заготовка новыхъ, въ связи съ вновь проводимой организаціей арміи и измѣненіе нормъ этихъ запасовъ.

Данныя, представляющіяся по главнымъ управленіямъ военному министру за 1909 и 1910 года указывали, что пополненіе запасовъ идетъ правильно. Между тѣмъ изъ военныхъ округовъ, въ теченіе 1910 года, стали поступать свѣдѣнія, которыя показывали, что дѣло обстоитъ не такъ благополучно и что командующіе войсками высказываютъ опасеніе, что если пополненіе запасовъ будетъ продолжаться неудовлетворительно, то къ 1915 году очень многаго не будетъ хватать. Особенно тревожныя свѣдѣнія поступали по артиллерійскому довольствію.

Вслѣдствіе расхожденія этихъ данныхъ съ имѣвшимися въ главныхъ управленіяхъ, осенью 1910 года мобилизаціоннымъ отдѣломъ главнаго управленія генеральнаго штаба было потребовано непосредственно отъ штабовъ военныхъ округовъ представленіе подробныхъ и точныхъ данныхъ о состояніи всѣхъ запасовъ и о дѣйствительномъ ихъ пополненіи за періодъ съ 1908 года. Къ марту 1911 года были получены всѣ свѣдѣнія и по нимъ былъ составленъ отчетъ для доклада военному министру.

Выяснилось, что, при выработанномъ порядкѣ образованія запасовъ, очень многое не будетъ пополнено къ 1915 году. Наиболѣе грустная картина открылась по артиллерійскому снабженію. Оказалось, что, несмотря на ежегодныя очень крупныя денежныя ассигнованія, запасъ огнестрѣльныхъ припасовъ въ 1911 году остается почти на томъ же уровнѣ — какъ былъ въ 1908 году.

Были запрошены объясненія у главнаго артиллерійскаго управленія. Отвѣтъ послѣдовалъ въ томъ смыслѣ, что это не вѣрно, что цифры, даваемыя главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ, вѣрны, а что штабы военныхъ округовъ, вѣроятно, напутали.

Такъ какъ въ мобилизаціоннымъ отдѣлѣ, наоборотъ, была полная увѣренность въ справедливости данныхъ, представленныхъ штабами военныхъ округовъ, данныхъ по годамъ и по каждому складу отдѣльно, то былъ составленъ

подробный докладъ военному министру, въ заключеніи котораго указывалось на то, что, въ сущности, нѣтъ никакого плана пополненія арміи запасами, что средства, ассигнуемыя изъ государственнаго казначейства просто пропорціонально распредѣляются между довольствующими главными управленіями, безъ распредѣленія на нужды главныя и второстепенныя, безъ соображенія, безъ чего мы воевать не можемъ и недостатокъ чего не можетъ имѣть существеннаго значенія; было указано на то, что общей суммы отпускаемой изъ государственнаго казначейства на пополненіе всего недостающаго не хватитъ, а потому необходимо немедленно составить дѣйствительный планъ пополненія запасовъ и срочно приступить къ заготовкѣ того — безъ чего боевая готовность арміи не можетъ быть признана удовлетворительной.

На случай если военный министръ согласился бы съ докладомъ, приложены были для его подписи предписанія начальникамъ главныхъ управленій съ требованіемъ представить въ самый кратчайшій срокъ объясненія по цѣлому ряду вопросовъ и составить планъ дальнѣйшаго пополненія запасовъ, который и представить военному министру черезъ начальника генеральнаго штаба.

Начальникъ генеральнаго штаба представилъ этотъ докладъ военному министру, который, согласившись съ его содержаніемъ, подписалъ приложенныя къ докладу предписанія на имя начальниковъ главныхъ управленій.

На другой день, вечеромъ, меня вызываетъ къ телефону помощникъ военнаго министра, генералъ Поливановъ.

«Вы составляли докладъ военному министру о неприкосновенныхъ запасахъ, представленный ему начальникомъ генеральнаго штаба?»

«Да, я.»

«Какъ же вы могли представить подобный докладъ помимо меня?»

«Я, Ваше Высокопревосходительство, дѣйствовалъ на основаніи закона. По положенію начальникъ мобилизаціоннаго отдѣла обязанъ ежегодно весной представлять док-

ладъ военному министру о состояніи неприкосновенныхъ запасовъ арміи.

Представилъ же этотъ докладъ я не черезъ Васъ, а черезъ начальника генеральнаго штаба, потому что я подчиненъ ему, а не Вамъ.

Если меня и можно въ чемъ либо обвинять, то не въ томъ, что я представилъ докладъ военному министру черезъ начальника генеральнаго штаба, а въ томъ, что я, будучи начальникомъ мобилизаціоннаго отдѣла съ января 1909 года, только теперь разобрался въ этомъ вопросѣ, а до сихъ поръ я вѣрилъ даннымъ, получавшимся изъ главныхъ управленій».

«Прежде всего Вашъ докладъ составленъ недопустимо рѣзко. Вы совершенно незаслуженно обидѣли главнаго интенданта генерала Шуваева. Бѣдный старикъ чуть не плачетъ. Онъ былъ сейчасъ у меня. Пришелъ прямо отъ военнаго министра. Онъ доложилъ военному министру, что просить — или взять назадъ присланное ему предписаніе, или освободить его отъ должности главнаго интенданта. Военный министръ очень смущенъ всѣмъ тѣмъ, что произошло, взялъ свое предписаніе отъ генерала Шуваева обратно и сейчасъ говорилъ со мной по телефону и приказалъ мнѣ разобрать все дѣло».

«Я буду очень радъ, если Вы разберете вопросъ о пополненіи неприкосновенныхъ запасовъ. Я, какъ составитель доклада, конечно, за него отвѣтственъ; но ручаюсь, что онъ составленъ правильно».

«Это я разберу, но пока все же считаю необходимымъ высказать свое удивленіе по поводу Вашего утвержденія, что не существуетъ никакого плана пополненія запасовъ.

Вамъ, какъ начальнику мобилизаціоннаго отдѣла, должно быть извѣстно, что, подъ моимъ предсѣдательствомъ, провѣряется планъ пополненія неприкосновенныхъ запасовъ, на основаніи котораго и испрашивается отпускъ экстраординарныхъ кредитовъ».

«Я все это знаю и продолжаю настаивать, что плана пополненія неприкосновенныхъ запасовъ такого, каковъ онъ долженъ быть, не существуетъ. Ни разу не было опре-

дѣлено, безъ чего именно армія воевать не можетъ и что надо заготовить въ первую голову. То что дѣлается теперь— это просто, почти механическое, распредѣленіе кредитовъ между главными управленіями, безъ должнаго отдѣленія главнаго отъ второстепеннаго».

«Ну сегодня мы спорить не будемъ. А завтра потрудитесь быть у меня къ 10 часамъ утра со всѣми имѣющимися у Васъ данными. Будутъ всѣ начальники главныхъ управленій. Тогда мы и поговоримъ».

Въ назначенное время я былъ у генерала Поливанова. Адъютантъ провелъ меня въ кабинетъ, гдѣ собирались лица, вызванныя помощникомъ военнаго министра.

Вскорѣ вышелъ генералъ Поливановъ и, случайно или умышленно, со мной не поздоровался. Пригласивъ всѣхъ сѣсть, онъ сказалъ, что начальникомъ генеральнаго штаба представленъ военному министру докладъ, рисующій въ самыхъ мрачныхъ краскахъ состояніе неприкосновенныхъ запасовъ арміи. Что этотъ докладъ поразилъ и военнаго министра и его, генерала Поливанова, такъ какъ выводы доклада рѣзко расходятся съ данными, неоднократно представлявшимися начальниками главныхъ управленій. Что вопросы, затронутые въ докладѣ крайне серьезны если данныя, послужившія основаніемъ докладу, вѣрны. Но что начальники главныхъ управленій настаиваютъ, что ихъ свѣдѣнія правильны, а докладъ, составленный генераломъ Лукомскимъ, не вѣренъ. Что военный министръ приказалъ ему, какъ своему помощнику и объединяющему дѣятельность довольствующихъ управленій, во всемъ этомъ разобраться и представить ему докладъ. Что онъ съ этой цѣлью собралъ настоящее собраніе и предлагаетъ начать съ главнаго артиллерійскаго управленія.

Я, такимъ образомъ, попалъ въ положеніе подсудимаго, котораго должны были сейчасъ разоблачить начальники главныхъ управленій.

Генералъ Поливановъ предоставилъ слово начальнику главнаго артиллерійскаго управленія.

Генералъ Кузьминъ Караваевъ заявилъ, что онъ считаетъ данныя, мною помѣщенныя въ докладѣ, совершенно

невѣрными и просилъ разрѣшенія генерала Поливанова позволить его помощнику, генералу Леховичу, сообщить дѣйствительныя данныя о состояніи запасовъ.

Генералъ Леховичъ сдѣлалъ докладъ.

Послѣ этого я попросилъ слово и заявилъ, что всѣ эти данныя мнѣ хорошо извѣстны, но они рѣзко расходятся съ тѣми заявленіями, которыя поступили отъ командующихъ войсками округовъ. Что это и послужило мнѣ основаніемъ затребовать всѣ данныя отъ штабовъ округовъ. Что я ихъ получилъ и они меня убѣдили, что свѣдѣнія, имѣющіяся въ главномъ артиллерійскомъ управленіи, не вѣрны.

Приведя рядъ цифровыхъ данныхъ я заявилъ, что если начальникъ главнаго артиллерійскаго управленія можетъ ихъ опровергнуть, то онъ долженъ это сдѣлать.

На предложеніе генерала Поливанова ни генералъ Кузьминъ Караваевъ, ни его помощникъ никакихъ объясненій дать не могли, заявивъ, что оспаривать цифры, полученныя съ мѣстъ они не могутъ, что въ этомъ надо разобраться и что они не понимаютъ какъ могла произойти такая разница въ данныхъ, такъ какъ и главное артиллерійское управленіе провѣряетъ свои данныя со свѣдѣніями, получаемыми отъ окружныхъ артиллерійскихъ управленій.

Генералъ Поливановъ, будучи совершенно не удовлетворенъ объясненіями, данными начальникомъ главнаго артиллерійскаго управленія, наговорилъ ему много непріятностей и предложилъ перейти къ разсмотрѣнію вопросовъ по главному интендантскому управленію.

Главный интендантъ, генералъ Шуваевъ, совершенно неожиданно, заявилъ:

«Прошу сегодня вопросы по интендантскому управленію не разсматривать. Разрѣшите первоначально мнѣ, совмѣстно съ генераломъ Лукомскимъ, провѣрить имѣющіяся у насъ данныя».

Начальникъ главнаго инженернаго управленія заявилъ, что онъ не можетъ возражать противъ моего заключенія, касающагося инженернаго довольствія; что же касается деталей моего доклада, то онъ также проситъ ихъ предварительно провѣрить со мной.

Тонъ генерала Поливанова по отношенію ко мнѣ совершенно измѣнился и, въ результатѣ нашего засѣданія, было рѣшено немедленно образовать комиссію, которой, въ самомъ срочномъ порядкѣ, выяснить дефекты по пополненію и образованію неприкосновенныхъ запасовъ и, затѣмъ, опредѣливъ сумму, потребную на дополнительные расходы по заготовкѣ запасовъ, составить необходимый законопроектъ для представленія въ Государственную Думу не позже какъ черезъ мѣсяцъ.

Въ частности отнсительно артиллерійскихъ запасовъ оказалось, что въ 1908 году главное артиллерійское управленіе ошибочно показало преувеличенную цифру наличія огнестрѣльныхъ припасовъ и не учитывало расходъ на практическую стрѣльбу: отъ этого получилось, что деньги на заготовленіе огнестрѣльныхъ запасовъ отпускались значительныя, а запасы съ 1908 года, яко-бы, не увеличивались.

Черезъ законодательныя учрежденія, въ срочномъ порядкѣ, былъ испрошенъ на заготовленіе неприкосновенныхъ запасовъ дополнительный экстраординарный кредитъ въ размѣрѣ около 70 милліоновъ рублей.

* * *

Принципіальные вопросы по снабженію арміи разсматривались въ засѣданіяхъ особаго комитета подъ предсѣдательствомъ начальника генеральнаго штаба.

Генеральный штабъ неоднократно указывалъ, что, въ случаѣ войны на западномъ фронтѣ, у насъ можетъ оказаться недостатокъ артиллерійскихъ снарядовъ. Представители главнаго артиллерійскаго управленія каждый разъ отвѣчали, что это опасеніе ни на чемъ не основано и что снарядовъ будетъ вполнѣ достаточно.

Въ 1911 году генеральный штабъ поднялъ вопросъ о томъ, что, помимо недостаточной нормы выстрѣловъ, принятыхъ у насъ, какъ неприкосновенный запасъ, на орудіе на случай войны (по одной тысячѣ на орудіе) и эти снаряды будутъ приведены въ готовый видъ слишкомъ поздно.

Надо сказать, что въ Европейской Россіи содержались

въ полной боевой готовности въ мирное время только два мѣстныхъ парка (одинъ въ Варшавскомъ, другой въ Кіевскомъ военныхъ округахъ). Всѣ же остальные мѣстные парки содержались не въ боевой готовности, т. е. съ объявленіемъ мобилизаціи надо было снаряжать снаряды и ввинчивать въ нихъ дистанціонныя или ударныя трубки. Готовность многихъ парковъ доходила до 300-350 дня мобилизаціи. Такимъ образомъ, только на приведеніе въ боевую готовность имѣющагося запаса требовалось около года.

На этотъ недочетъ было обращено вниманіе и главному артиллерійскому управленію было приказано немедленно приступить къ устройству снаряжательныхъ мастерскихъ и довести, при мобилизаціи, успѣхъ работы до такой степени, чтобы всѣ мѣстные парки закончили снаряженіе снарядовъ не позже какъ къ концу третьяго мѣсяца со дня объявленія мобилизаціи.

Въ 1912 году вновь былъ поднятъ вопросъ о недостаткѣ принятой у насъ нормы снарядовъ на одно орудіе.

Въ засѣданіи комитета, подъ предсѣдательствомъ начальника генеральнаго штаба, генерала Жилинскаго, этотъ вопросъ былъ всесторонне разсмотрѣнъ.

Представителями артиллеріи на этомъ засѣданіи были — Великій Князь Сергій Михайловичъ, начальникъ главнаго артиллерійскаго управленія генералъ Кузьминъ-Караваевъ со своимъ помощникомъ генераломъ Леховичемъ и начальникъ хозяйственнаго отдѣла главнаго артиллерійскаго управленія генералъ Смысловскій.

Представители генеральнаго штаба указывали, что въ арміяхъ западныхъ государствъ установлена норма въ 2000 — 3000 снарядовъ на орудіе; что Германія норму въ 3000 снарядовъ считаетъ недостаточной и, что намъ необходимо, немедленно установивъ, хотя бы, норму въ 2000 снарядовъ на орудіе, въ самомъ срочномъ порядкѣ, приступить къ заготовкѣ потребнаго числа снарядовъ.

Представители главнаго артиллерійскаго управленія, основываясь на данныхъ расхода снарядовъ въ теченіе Русско-Японской войны, указывали, что, хотя и были случаи, когда въ теченіе одного боя, отдѣльныя орудія выпускали

до 500 выстрѣловъ, но общій расходъ снарядовъ, за все время войны не превзошелъ 500 выстрѣловъ на орудіе и, что норма въ 1000 выстрѣловъ на орудіе, принятая у насъ, совершенно достаточна.

Особенно горячо доказывалъ отсутствіе какихъ либо данныхъ для увеличенія нормы снарядовъ генералъ Смысловскій, приводившій цѣлый рядъ статистическихъ данныхъ, касающихся расхода снарядовъ за всѣ послѣднія войны.

Представители генеральнаго штаба настаивали на предложенной ими нормѣ, указывая, что Русско-Японская война носила совершенно особый позиціонно-прерывчатый характеръ; что послѣ боя русская армія, не преслѣдуемая японцами, отходила на новую позицію, которая укрѣплялась и, послѣ значительнаго промежутка времени Японцы вновь наступали, вновь происходилъ бой и опять большой перерывъ между боями. Что, въ случаѣ борьбы на нашемъ западномъ фронтѣ, повторенія характера Русско-Японской войны ожидать нельзя и что расходъ снарядовъ будетъ значительно больше.

Окончательнаго разрѣшенія въ комитетѣ этотъ вопросъ не получилъ и былъ представленъ генераломъ Жилинскимъ на рѣшеніе военному министру. Генералъ Сухомлиновъ остановился на нормѣ 1500 выстрѣловъ на орудіе, которая и была утверждена.

Въ 1913 году былъ испрошенъ кредитъ на заготовленіе снарядовъ по новой нормѣ, но это исполнить не успѣли и къ началу войны даже не было въ запасѣ полностью старой нормы. Мы начали войну имѣя по 850 выстрѣловъ на орудіе.

Съ главнымъ инженернымъ управленіемъ у генеральнаго штаба было расхожденіе во взглядахъ по вопросу о крѣпостяхъ.

Группа молодыхъ профессоровъ академіи генеральнаго штаба доказывала, что, при силѣ современнаго артиллерійскаго огня, старая система крѣпостей (ядро крѣпости съ отдѣльными фортами) уже отжила свой вѣкъ; что нынѣ форты должны быть, такъ сказать, расчленены на мѣстно-

сти, представляя собой каждый группы опорныхъ пунктовъ хорошо примѣненныхъ къ мѣстности и связанныхъ между собой; что нынѣшніе форты, какъ бы они ни были прочно построены, будутъ; отъ современнаго огня, быстро приведены въ груду развалинъ и теряютъ свое значеніе.

Мысль эта пріобрѣтала все большее и большее число сторонниковъ и среди военныхъ инженеровъ. Но инженерные авторитеты, ставшіе у власти отстаивали прежнюю форму крѣпостей и вновь строившіяся крѣпости — въ Ковно и во Владивостокѣ — строились по старой системѣ.

Много разногласій вызывала постройка крѣпости во Владивостокѣ. Многіе считали, что разъ мы еще много десятковъ лѣтъ не будемъ въ состояніи имѣть отдѣльную Тихоокеанскую эскадру, то совершенно безсмысленно тратить болѣе ста милліоновъ рублей на постройку приморской крѣпости. Что было бы много цѣлесообразнѣй эти средства употребить на усиленіе мощи и боевой готовности полевой арміи.

Заговоривъ о крѣпостяхъ, нельзя обойти молчаніемъ нашумѣвшее рѣшеніе военнаго министра, утвержденное Государемъ, объ упраздненіи ряда крѣпостей на западномъ нашемъ фронтѣ въ то именно время, когда мы предвидѣли возможность войны съ Германіей и Австро-Венгріей.

За это рѣшеніе многіе называли генерала Сухомлинова чуть ли не измѣнникомъ, предателемъ родины.

Но надо сказать, что большая часть изъ нашихъ крѣпостей была болѣе чѣмъ въ печальномъ видѣ; крѣпостныя сооруженія устарѣвшаго типа, не соотвѣтствующія силѣ современнаго артиллерійскаго огня; въ крѣпостяхъ было много старой не дальнобойной артиллеріи самыхъ разнообразныхъ калибровъ, не могущей противостоять артиллеріи новѣйшихъ образцовъ.

Расходы же вызываемые поддержаніемъ въ порядкѣ этихъ крѣпостей и по ихъ содержанію были очень значительные.

Военный министръ считалъ, что лучше имѣть меньше крѣпостей, но въ полномъ порядкѣ, чѣмъ много, но такихъ,

которыя и дорого будутъ стоить и станутъ легкими трофеями для непріятеля.

Работа военнаго министерства въ періодъ съ 1909 года до войны, въ значительной степени, затруднялась частой перемѣной лицъ, стоявшихъ во главѣ наиболѣе отвѣтственныхъ управленій.

Генералъ Сухомлиновъ, будучи назначенъ на постъ военнаго министра въ началѣ 1909 года, на постъ начальника генеральнаго штаба провелъ генерала Мышлаевскаго, который очень горячо принялся за работу по реорганизаціи арміи и по усиленію ея боевой мощи. Но уже въ концѣ лѣта чувствовалась нѣкоторая натянутость отношеній между нимъ и генераломъ Сухомлиновымъ и генералъ Мышлаевскій нѣсколько разъ высказывалъ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, что ему иногда стоитъ большихъ усилій поддерживать съ военнымъ министромъ прежнія добрыя отношенія; что онъ чувствуетъ, что военный министръ что то противъ него имѣетъ. И дѣйствительно, для всѣхъ совершенно неожиданно, въ томъ числѣ и для самого генерала Мышлаевскаго, осенью 1909 года ему было объявлено военнымъ министромъ, что онъ на должности начальника генеральнаго штаба не остается, что ему, для будущей его карьеры, было бы полезно прокомандовать корпусомъ и онъ получилъ предложеніе принять корпусъ на Кавказѣ.

Генералъ Мышлаевскій принялъ корпусъ, а начальникомъ генеральнаго штаба былъ назначенъ генералъ Гернгроссъ.

Генералъ Гернгроссъ былъ извѣстенъ, какъ отличный строевой начальникъ, безукоризненно честный и порядочный человѣкъ, но никогда, со времени окончанія академіи генеральнаго штаба, ни въ какомъ штабѣ не служившій.

Съ точки зрѣнія дѣловой всѣ пожалѣли уходъ генерала Мышлаевскаго, такъ какъ въ него вѣрили и были убѣждены, что нъ сумѣетъ быстро и блестяще провести всѣ намѣченныя работы.

Причина смѣны генерала Мышлаевскаго такъ и осталась не выясненной. Говорили, что генералъ Сухомлиновъ

настоялъ на его уходѣ, имѣя точныя данныя, что генералъ Мышлаевскій, яко бы, противъ него интриговалъ и самъ хотѣлъ занять постъ военнаго министра.

Вновь назначенный начальникомъ генеральнаго штаба генералъ Гернгроссъ усиленно работалъ, чтобы войти въ курсъ дѣла, но, отлично сознавая, что пока не познакомится съ дѣлами, не въ силахъ руководить работой, онъ предоставилъ своимъ ближайшимъ помощникамъ работать вполнѣ самостоятельно.

Дѣло, конечно, отъ этого страдало, такъ какъ не было никого объединяющаго работу и не было подбадриванія въ работѣ и требованія срочно исполнять ее — какъ это было при генералѣ Мышлаевскомъ.

Въ началѣ 1911 года у генерала Гернгросса, вслѣдствіе переутомленія случился ударъ и вмѣсто него начальникомъ генеральнаго штаба былъ назначенъ генералъ Жилинскій.

Генералъ Жилинскій былъ опытный штабной работникъ и прошелъ всѣ строевыя должности до командира корпуса включительно. Но еще незадолго до назначенія начальникомъ генеральнаго штаба онъ перенесъ очень тяжелую болѣзнь печени, очень берегъ свое здоровье, да и по характеру не подходилъ къ той кипучей работѣ, которая въ этотъ періодъ требовалась отъ начальника генеральнаго штаба. Кромѣ того, онъ болѣе чѣмъ отрицательно относился къ Государственной Думѣ и это очень скверно отражалось на работѣ и вызывало рядъ треній и недоразумѣній.

Весной 1914 года генералъ Жилинскій былъ назначенъ командующимъ войсками Варшавскаго военнаго округа и Варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, а на его мѣсто начальникомъ генеральнаго штаба былъ назначенъ начальникъ академіи генеральнаго штаба генералъ Янушкевичъ.

Какъ мною уже было указано, въ началѣ 1910 года была утверждена должность помощника военнаго министра и на нее былъ назначенъ генералъ Поливановъ.

Въ высшей степени энергичный, отлично знакомый съ организаціонными вопросами и, по своей предыдущей службѣ, отлично знавшій дѣятельность всѣхъ главныхъ управ-

леній, генералъ Поливановъ былъ лучшимъ изъ всѣхъ, кто могъ бы быть назначенъ на должность помощника военнаго министра. А если къ этому прибавить, что, по свойствамъ своего характера, онъ умѣлъ поддерживать со всѣми отличныя отношенія, былъ однимъ изъ немногихъ генераловъ, къ которымъ Государственная Дума относилась съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ; что онъ обладалъ прекраснымъ даромъ слова и могъ блестяще давать требующіяся разъясненія въ Государственной Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ, — то станетъ ясно, что выборъ военнаго министра и назначеніе генерала Поливанова привѣтствовалось всѣми.

До лѣта 1912 года отношенія между генералами Сухомлиновымъ и Поливановымъ были наилучшія, но съ этого времени начало чувствоваться, что они начали портиться.

Осенью 1912 года, возвращаясь съ одной изъ моихъ поѣздокъ въ Петербургъ, я въ Харьковѣ на вокзалѣ увидѣлъ генерала Сухомлинова, возвращавшагося изъ Ливадіи, куда онъ ѣздилъ съ докладомъ къ Государю.

Военный министръ пригласилъ меня зайти къ нему въ вагонъ. Когда я пришелъ, онъ мнѣ сказалъ, что генералъ Поливановъ больше не помощникъ военнаго министра; что, вмѣсто него, назначенъ генералъ Вернандеръ (былъ генералъ-инспекторомъ Инженерныхъ войскъ).

«Этотъ, по крайней мѣрѣ, меня не подведетъ и я буду увѣренъ, что за моей спиной не будетъ противъ меня никакихъ интригъ» — добавилъ генералъ Сухомлиновъ.

На Петроградскомъ вокзалѣ среди встрѣчавшихъ военнаго министра былъ и генералъ Поливановъ.

Поздоровавшись съ нимъ, генералъ Сухомлиновъ сказалъ, что состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи его, генерала Поливанова, членомъ Государственнаго Совѣта, а что помощникомъ военнаго министра назначенъ генералъ Вернандеръ.

Генералъ Поливановъ поклонился и отошелъ въ сторону.

Истинная причина освобожденія генерала Поливанова

отъ должности помощника военнаго министра мнѣ не извѣстна, но ходила версія, что генералу Сухомлинову дали знать изъ Ливадіи, что пріѣхавшій съ докладомъ предсѣдатель Совѣта Министровъ (онъ же министръ финансовъ) графъ Коковцовъ сказалъ Государю о невозможности дальнѣйшаго оставленія генерала Сухомлинова на посту военнаго министра; что противъ него страшное возбужденіе среди членовъ Государственной Думы и что если Государь назначитъ военнымъ министромъ генерала Поливанова, то это удовлетворитъ всѣхъ. Что Государь на это ничего опредѣленнаго не отвѣтилъ и что генералу Сухомлинову рекомендуется немедленно пріѣхать въ Ливадію.

Версія эта правдоподобна, такъ какъ къ этому времени отношенія между гр. Коковцовымъ и генераломъ Сухомлиновымъ очень испортились, а среди членовъ Государственной Думы противъ военнаго министра дѣйствительно было большое возбужденіе.

Особенно сильные нападки на генерала Сухомлинова со стороны членовъ Государственной Думы были изъ за дѣятельности главнаго артиллерійскаго управленія. Главнѣйшее недовольство было изъ за того, что всѣми дѣламп главнаго артиллерійскаго управленія фактически вершилъ Великій Князь Сергій Михайловичъ, будучи въ то же время совершенно безотвѣтственнымъ и неуязвимымъ для Государственной Думы.

Но собственно въ этомъ вопросѣ генералъ Сухомлиновъ виновенъ только въ томъ, что не умѣлъ и не хотѣлъ ставить вопросъ ребромъ, до своей отставки включительно.

Великій Князь Сергій Михайловичъ, будучи генералъ-инспекторомъ артиллеріи, дѣйствительно былъ фактическимъ негласнымъ, начальникомъ главнаго артиллерійскаго управленія. У него былъ служебный кабинетъ въ управленіи и ни одинъ существенный вопросъ по артиллерійской части не проходилъ помимо него. Ему докладывалъ не только начальникъ управленія, но и начальники отдѣловъ; случалось, что для детальнаго доклада Великій Князь вызывалъ и начальниковъ отдѣленій.

Русская полевая артиллерія очень многимъ обязана

Великому Князю. Благодаря его знаніямъ и громадной энергіи, съ которой онъ проводилъ подготовку личнаго состава, постоянно лично объѣзжая и контролируя, наша полевая артиллерія и въ Японскую и въ Европейскую войны была на должной высотѣ.

Но, какъ администраторъ, Великій Князь себя ничѣмъ не проявилъ, да и быть генералъ-инспектору начальникомъ главнаго управленія совсѣмъ не подобало. А фактически такъ было и создавалось самое невѣроятное положеніе.

Начальника главнаго артиллерійскаго управленія генерала Кузьмина-Караваева часто бранили генералы Сухомлиновъ и Поливановъ, на него нападали и въ Государственной Думѣ. А онъ фактически исполняя указанія Великаго Князя, не могъ это сказать и всѣ удары принималъ на себя.

Генералъ Кузьминъ-Караваевъ, бывшій начальникомъ главнаго артиллерійскаго управленія, былъ человѣкъ безукоризненно честный и порядочный, но онъ былъ отличнымъ строевымъ офицеромъ и очень неудовлетворительнымъ начальникомъ управленія. Онъ тяготился своимъ положеніемъ, съ радостью бы ушелъ со своей должности, но его не пускалъ Великій Князь, а генералъ Кузьминъ-Караваевъ, какъ объясняли, не хотѣлъ его огорчать, страдалъ отъ создавшейся обстановки, но терпѣлъ и оставался на мѣстѣ.

Генералъ Поливановъ нѣсколько разъ былъ болѣе чѣмъ рѣзокъ съ генераломъ Кузьминымъ-Караваевымъ. Военный министръ докладывалъ Государю, но Великій Князь оставался въ этомъ вопросѣ побѣдителемъ и военный министръ не могъ измѣнить создавшагося положенія. Только, какъ результатъ этой борьбы, отношенія между военнымъ министромъ и Великимъ Княземъ крайне обострились.

* * *

Къ концу 1912 года всѣ работы по мобилизаціонному отдѣлу, намѣченныя къ проведенію за текущій періодъ, были закончены.

Вновь составленный въ 1912 году мобилизаціонный планъ для производства мобилизаціи арміи былъ въ полномъ порядкѣ, подготовка по военнымъ округамъ была закончена и произведенныя повѣрки дали полную увѣренность, что, когда потребуется, мобилизація пройдетъ хорошо.

Такъ какъ мобилизаціонные планы нами составлялись примѣрно черезъ три года, то на ближайшій періодъ, до 1915 года, по мобилизаціонному отдѣлу оставалась лишь текущая работа и постепенная подготовка къ слѣдующему пересоставленію и вводу новаго мобилизаціоннаго расписанія.

Въ декабрѣ 1912 года, по генералъ-квартимейстерской части, пересоставлялись списки предназначеній по генеральному штабу на различныя должности на случай войны.

Я пошелъ къ начальнику генеральнаго штаба и попросилъ, чтобы меня предназначили на какую нибудь должность и, въ случай войны, позволили бы мнѣ сдать должность начальника мобилизаціоннаго отдѣла моему помощнику, который былъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, а мнѣ разрѣшено было отправиться въ армію. Генералъ Жилинскій мнѣ отвѣтилъ, что онъ на это согласиться не можетъ и что я могу получить назначеніе въ армію лишь послѣ окончанія мобилизаціи.

Зная на основаніи горькаго опыта (меня не пустили въ армію во время Русско-Японской войны, сказавъ, что во время войны нельзя снимать съ отвѣтственныхъ должностей въ штабахъ), что это равносильно тому, что я на время войны буду прикрѣпленъ къ мобилизаціонному отдѣлу, я рѣшилъ, при первомъ же представившемся случаѣ, перейти на какую либо другую должность, которая меня не закрѣпоститъ.

Случай скоро представился.

Помощникъ начальника канцеляріи военнаго министерства, генералъ Янушкевичъ, получилъ назначеніе на должность начальника академіи генеральнаго штаба, а мнѣ была предложена его должность.

Я отвѣтилъ, что согласенъ при условіи, что, въ случаѣ войны, буду отпущенъ въ армію. Начальникъ канцеляріи военнаго министерства, генералъ Даниловъ, на это согласился и въ январѣ 1913 года я получилъ новое назначеніе.

Часть вторая.

Періодъ европейской войны и государственный переворотъ.

ГЛАВА III.

Въ первыхъ числахъ іюня 1914 года, я взялъ отпускъ и поѣхалъ лѣчиться въ Саки.

Окончивъ курсъ лѣченія, я переѣхалъ на морскія купанія въ Евпаторію.

Конфликтъ возникшій, послѣ Сараевскаго событія, въ концѣ іюня и началѣ іюля между Австро-Венгріей и Сербіей и непримиримая позиція, которую, повидимому, заняла Австро-Венгрія — меня обезпокоили. Я предназначался, въ случаѣ войны, генералъ-квартирмейстеромъ штаба юго-западнаго фронта, который долженъ былъ формироваться въ Кіевѣ. Естественно, что, въ случаѣ мобилизаціи, я долженъ былъ немедленно отправиться въ пунктъ формированія штаба. Поэтому я, 7/20 іюля, послалъ срочную телеграмму въ Петербургъ начальнику канцеляріи военнаго министерства, генералу Данилову, съ просьбой меня ориентировать и сообщить, не требуется ли мой пріѣздъ въ Петербургъ. На другой же день я получилъ отвѣтную телеграмму вполнѣ успокоительнаго содержанія: «Ничего серьезнаго нѣтъ. Спокойно заканчивайте лѣченіе и отпускъ не сокращается».

12/25 іюля я отправился въ Севастополь.

Узнавъ изъ телеграммъ объ ультиматумѣ, полученномъ Сербіей отъ Австро-Венгріи, я 12/25 іюля, вновь послалъ телеграмму генералу Данилову. Четырнадцатаго

(двадцать седьмого) іюля утромъ получилъ отъ него отвѣтную телеграмму, чтобы я не безпокоился и, что если будетъ нужно, онъ меня вызоветъ. Я рѣшилъ, если будетъ возможно, отпуска не сокращать (заканчивался 25 іюля (7 августа), и 14/27 іюля вечеромъ выѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ сѣверную часть Крыма поохотиться у моихъ знакомыхъ.

16/29 іюля рано утромъ, какъ сейчасъ помню, послѣ удачнаго выстрѣла по дрофѣ, я увидѣлъ скачущаго ко мнѣ всадника. Оказалось, что онъ мнѣ привезъ телеграмму отъ генерала Данилова, пересланную мнѣ изъ Севастополя.

Телеграмма изъ Петербурга отправлена 15/28 іюля и въ ней сообщалось, что положеніе крайне серьезно и мнѣ предлагалось немдленно вернуться.

17/30 утромъ я былъ въ Севастополѣ и въ тотъ же день вечеромъ выѣхалъ въ Петербургъ.

Въ Севастополѣ уже говорили о полученномъ объявленіи о мобилизаціи.

На узловыхъ станціяхъ царило оживленіе, всюду были видны офицеры, возвращающіеся къ своимъ частямъ, а въ Орлѣ я уже видѣлъ кавалерійскія части, готовящіяся къ посадкѣ для отправленія на фронтъ.

19 іюля/1 августа утромъ я былъ въ Петербургѣ.

Здѣсь меня ожидало серьезное огорченіе.

Генералъ Даниловъ сообщилъ мнѣ, что въ ночь на 16/29 іюля уже объявлено о мобилизаціи корпусовъ, предназначенныхъ для дѣйствія противъ Австро-Венгріи и тогда же было приказано начать подготовку для общей мобилизаціи. Что его, генерала Данилова, совершенно неожиданно для него самого, рѣшено назначить начальникомъ снабженій сѣверо-западнаго фронта, а меня приказано оставить въ Петербургѣ въ качествѣ начальника канцеляріи военнаго министерства.

Я обратился къ военному министру, прося не измѣнять первоначальнаго рѣшенія относительно назначенія меня генералъ-квартирмейстеромъ юго-западнаго фронта. Но мнѣ было отвѣчено, что теперь это измѣнить нельзя, что уже состоялись Высочайшіе приказы о назначеніи генерала

Данилова и генерала Пустовойтенко (послѣдняго на должность, на которую предназначался я).

Военный министръ категорически заявилъ, что онъ не можетъ одновременно отпустить меня и Данилова, но что, въ будущемъ, когда это окажется возможнымъ, — онъ обѣщаетъ меня отпустить въ армію.

Для меня было ясно, что послѣднія слова только любезность и что я вновь обреченъ, какъ и во время Русско-Японской войны, сидѣть въ тылу.

* * *

Необходимо остановиться на вопросѣ — могла ли Россія ограничиться только мобилизаціей корпусовъ, предназначенныхъ для дѣйствія противъ Австро-Венгріи, и не объявлять общей мобилизаціи, дабы не давать повода Германіи объявить войну Россіи?

По этому вопросу уже было нѣсколько статей въ прессѣ; затѣмъ, бывшій французскій посолъ въ Россіи г-нъ Палеологъ, какъ онъ указываетъ въ своихъ мемуарахъ, при сообщеніи ему г-номъ Базили, 16/29 іюля 1914 года, о сдѣланномъ распоряженіи русскаго правительства о мобилизаціи корпусовъ, назначенныхъ для дѣйствія противъ Австро-Венгріи и приказаніи начать секретно общую мобилизацію, спросилъ, не представится ли возможнымъ ограничиться одной частичной мобилизаціей. Наконецъ, въ будущемъ, Германія, конечно, будетъ доказывать, что въ Европейской войнѣ виновна Россія, подстрекавшая Сербію и объявившая общую мобилизацію, которая была направлена и противъ Германіи.

Для того, чтобы не давать въ 1914 году повода Германіи говорить объ опасности, которая угрожала ей, нужно было въ пограничной полосѣ объявить мобилизацію лишь въ Кіевскомъ и Одесскомъ военныхъ округахъ. Корпуса же, отмобилизованные во внутреннихъ округахъ, сосредоточивать къ границѣ только въ раіонѣ Кіевскаго военнаго округа, непосредственно соприкосавшагося съ Австро-Венгріей.

Всякая же мобилизація на территоріи Варшавскаго

военнаго округа или сосредоточеніе въ этомъ округѣ корпусовъ, отмобилизованныхъ во внутреннихъ округахъ, были бы, конечно, признаны Германіей — какъ непосредственная угроза ей.

Отказаться отъ мобилизаціи въ Варшавскомъ военномъ округѣ, съ технической точки зрѣнія, конечно, можно было еслибъ этому округу не угрожало опасности со стороны Австро-Венгріи. Но отказаться отъ мобилизаціи въ этомъ округѣ и отказаться отъ сосредоточенія на его территоріи корпусовъ, мобилизуемыхъ въ Петроградскомъ, Московскомъ и Казанскомъ военныхъ округахъ было не возможно, такъ какъ мы знали доподлинно, что сильная группа австро-венгерскихъ войскъ, по окончаніи сосредоточенія, будетъ наступать въ разрѣзъ между Кіевскимъ и Варшавскимъ военными округами въ Люблинскій раіонъ и на Брестъ-Литовскъ.

Слѣдовательно, отказавшись отъ мобилизаціи и сосредоточенія въ Варшавскомъ военномъ округѣ, мы заранѣе обрекали себя на невозможность въ будущемъ произвести мобилизацію значительной части Варшавскаго округа и на невозможность сосредоточить армію въ намѣченномъ раіонѣ.

Это было бы равносильно обреченію себя на проигрышъ кампаніи.

Еслибъ Россія сдѣлала эту невѣроятную ошибку, то, все равно, нѣсколько только позже, Германія нашла бы предлогъ поддержать свою союзницу и объявила бы войну Россіи, но только въ лучшихъ для себя условіяхъ, нарушивъ мобилизацію и сосредоточеніе русскихъ армій, а слѣдовательно имѣя болѣе развязанныя руки для дѣйствія противъ Франціи и располагая большимъ временемъ для дѣйствій на французской территоріи, не опасаясь за свой тылъ.

Можно говорить лишь о томъ, могла ли Россія не объявлять никакой мобилизаціи, но говорить о возможности для Россіи объявить частичную мобилизацію противъ Австріи (безъ права свободнаго выбора раіоновъ мобилизаціи и сосредоточенія!) могутъ говорить или не понимающіе въ

создавшейся обстановкѣ, или дѣлающіе видъ, что ее не понимали и не понимаютъ.

Все поведеніе Австро-Венгріи по отношенію Сербіи ясно указывало, что ей было сказано «дерзай», такъ какъ Сараевскимъ событіемъ рѣшено было воспользоваться для начала Европейской войны; войны, которая назрѣвала, къ которой готовились всѣ — и Германія искала благовидный предлогъ ее начать.

Предлогъ былъ найденъ и предлогъ вѣрный: Россія не могла измѣнить своей традиціонной политикѣ и предать родную ей — маленькую Сербію.

Начать же войну въ 1914 году для Германіи и Австро-Венгріи было выгодно, такъ какъ, конечно, онѣ отлично знали, что въ Россіи далеко еще не закончены приготовленія къ войнѣ съ центральными державами, а оттяжка на годъ, на два — шла только на усиленіе Россіи.

Германія только ошиблась въ мощи Австро-Венгерской арміи, въ быстротѣ мобилизаціи и сосредоточенія Русской арміи и въ вѣрности ей Италіи.

* * *

Объявленіе о войнѣ съ Германіей было принято съ энтузіазмомъ всѣмъ русскимъ обществомъ. Говорю «съ Германіей», такъ какъ про Австріи-Венгрію какъ то мало говорили; противъ нея не чувствовалось никакого озлобленія, а всѣ считали, что во всемъ виновенъ «нѣмецъ».

Императорскій выходъ, послѣ объявленія войны, и манифестаціи на площади Зимняго Дворца отразили въ себѣ воодушевленіе всего русскаго народа. Никто не можетъ сказать, что народъ сгоняли къ Зимнему Дворцу, или что манифестаціей руководила «полиція»; нѣтъ, чувствовалось, что все населеніе сливается въ одно цѣлое и въ общемъ порывѣ хочетъ броситься на врага, чтобы отстоять свою независимость.

Мобилизація и сосредоточеніе войскъ прошли хорошо и въ намѣченные сроки.

Правда въ нѣкоторыхъ раіонахъ (въ нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ Сибири и на Волгѣ) были заминки въ мобилизаціи даже безпорядки (въ Барнаулѣ, въ Сибири, даже серьезныя), но, въ общемъ, это нисколько ни отразилось на ея ходѣ.

Назначеніе Великаго Князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ привѣтствовалось всѣми. Извѣстенъ былъ его волевой характеръ и была полная увѣренность, что онъ поведетъ армію къ побѣдѣ.

Даже впослѣдствіи, въ періодъ самыхъ тяжелыхъ неудачъ, армія никогда не теряла вѣры въ своего Главнокомандующаго. Среди солдатъ и рядового офицерства Великій Князь пользовался громадной популярностью. Между ними распространялись про Великаго Князя самыя невѣроятныя легенды. Эти легенды создавались на основаніи слуховъ — то о раскрытіи Великимъ Княземъ какой нибудь измѣны; то о томъ, какъ онъ разносилъ или расправлялся съ какимъ нибудь высокимъ начальникомъ за его лѣность, или за неумѣніе руководить войсками, или за плохое обращеніе съ офицерами и солдатами.

Слухамъ этимъ давалась полная вѣра; разсказывали самыя невѣроятныя небылицы.

Передавая ихъ, Великаго Князя неизмѣнно выставляли какъ рыцаря, какъ борца за правду, карателя всякихъ германофильскихъ теченій и какъ неизмѣннаго заступника за младшихъ офицеровъ и солдатъ.

Мнѣ самому въ Карпатахъ на позиціяхъ, когда уже Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ Государь, приходилось слышать разсказы солдатъ про Великаго Князя Николая Николаевича и заявленія, что «его боялись только высокіе начальники, а офицеровъ и солдатъ онъ любилъ».

Назначеніе начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго генерала Янушкевича, въ военныхъ кругахъ, было встрѣчено скорѣй отрицательно.

Генералъ Янушкевичъ былъ извѣстенъ какъ хорошій профессоръ администраціи, какъ безукоризненно порядочный и честный человѣкъ. Но онъ не проходилъ стажа ни строевой, ни штабной службы на отвѣтственныхъ постахъ;

человѣкъ былъ слишкомъ мягкаго, покладистаго характера и его считали безвольнымъ.

* * *

Кампанія началась для насъ блестяще.

Войска юго-западнаго фронта сломили сосредоточенныя противъ нихъ австро-венгерскія арміи и неудержимо продвигались къ Львову, а затѣмъ и къ Перемышлю. Южная группа войскъ сѣверо-западнаго фронта также разбила другую мощную австро-венгерскую группу въ Люблинскомъ раіонѣ и продвигалась къ Сану.

Австро-венгерскія арміи потеряли способность сопротивляться и отходили даже при слабомъ натискѣ нашихъ войскъ. Подъемъ духа въ войскахъ былъ громадный.

Армія генерала Ренненкампфа, перейдя въ наступленіе изъ Виленскаго района на территорію Восточной Пруссіи, также сломила сопротивленіе германцевъ.

Въ Варшавскомъ раіонѣ заканчивалось сосредоточеніе армій, которыя должны были частью своихъ силъ развить начавшіеся успѣхи арміи Ренненкампфа въ Восточной Пруссіи (2-я армія Самсонова), а другими силами перейти въ наступленіе въ направленіи на Познань и Бреслау.

Въ этотъ же первый періодъ кампаніи Германія главной массой своихъ силъ, нарушивъ нейтралитетъ Бельгіи и предавъ послѣднюю огню и мечу, обрушилась на Францію.

Французскія арміи, геройски отбиваясь, отходили къ Марнѣ.

Судьба Франціи висѣла на волоскѣ; непосредственная опасность уже угрожала Парижу.

Но Франція была спасена и прежде всего была спасена Россіей. Это должна признать и Франція, нисколько этимъ не умаляя доблести своихъ войскъ и таланта маршала Жофра.

Начавшійся разгромъ австро-венгерской арміи и непосредственная угроза Восточной Пруссіи — заставили германское командованіе снять со своего западнаго фронта

значительное число войскъ и спѣшно ихъ направить для ликвидаціи успѣховъ русской арміи въ Восточной Пруссіи и на поддержку Австро-Венгріи.

* * *

Война 1914 года, какъ мною уже было отмѣчено, застала русское военное вѣдомство еще не закончившимъ заготовку всего того, что было необходимо для арміи.

Съ первыхъ же дней мобилизаціи военнымъ министромъ было отдано распоряженіе начальникамъ главныхъ довольствующихъ управленій развить максимальную производительность всѣхъ казенныхъ заводовъ и мастерскихъ и срочно дать заказы частной промышленности на заготовку всего недостающаго.

Къ сожалѣнію въ мирное время ничего не было сдѣлано для перевода при мобилизаціи частной промышленности на заготовки для надобностей арміи. Вопросъ объ этомъ подымался нѣсколько разъ, но не получилъ никакого разрѣшенія.

Впрочемъ, въ первые полтора мѣсяца войны не чувствовали неспособности нашей промышленности удовлетворить нужды арміи, такъ какъ никто правильно эти нужды и не опредѣлялъ.

Еще сравнительно болѣе точно были опредѣлены нужды арміи по интендантскому вѣдомству. Съ одной стороны, по интендантской части были довольно правильно установлены нормы по опыту Русско-Японской войны, а съ другой стороны главный интендантъ, генералъ Шуваевъ, оказался наиболѣе предусмотрительнымъ и наиболѣе осторожнымъ, чѣмъ остальные начальники главныхъ управленій.

Въ концѣ сентября изъ штаба юго-западнаго фронта, впервые поступили свѣдѣнія о недостаткѣ снарядовъ.

Но этимъ заявленіямъ не было придано серьезнаго значенія. Главное артиллерійское управленіе настойчиво доказывало, что на эти заявленія нѣтъ надобности обращать серьезное вниманіе, что они основаны на донесеніяхъ нѣкоторыхъ начальниковъ артиллерійскихъ бригадъ, кото-

рые просто неразумно разстрѣливали снаряды чуть ли не по отдѣльнымъ всадникамъ; что, по имѣющимся въ главномъ артиллерійскомъ управленіи свѣдѣніямъ нѣкоторые начальники артиллерійскихъ бригадъ, при короткихъ остановкахъ на позиціяхъ, устраиваютъ немедленно склады снарядовъ, доставляемыхъ изъ парковъ, а при движеніи черезъ нѣсколько дней впередъ, эти склады бросаются и они пропадаютъ; что во многихъ случаяхъ просто не умѣютъ организовать подвозъ снарядовъ; но что вообще снарядовъ достаточно и тѣ заказы, кои даны, покроютъ потребность съ избыткомъ.

Начались пререканія между главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ и инспекторами артиллеріи фронтовъ. Время такимъ образомъ шло, новыхъ заказовъ (сверхъ уже данныхъ) на снаряды не давалось, а съ фронта начали доноситься уже вопли объ ихъ недостаткѣ.

Съ октября 1914 года, кромѣ указаній о недостаткѣ снарядовъ, стали поступать свѣдѣнія о необходимости позаботиться о дальнѣйшемъ развитіи производства винтовокъ, ружейныхъ патроновъ, телеграфнаго и телефоннаго имуществъ.

Винтовокъ передъ войной, кромѣ полнаго комплекта на армію, было еще два комплекта на запасные батальоны. Съ тѣмъ количествомъ, которое вырабатывалось на оружейныхъ заводахъ, общій запасъ винтовокъ казался достаточнымъ.

Но % порчи винтовокъ въ войскахъ, вслѣдствіе дурного ухода и % порчи и потери ихъ въ бояхъ, былъ такъ великъ, что всѣ расчеты мирнаго времени оказались никуда не годными.

Расходъ ружейныхъ патроновъ былъ не такъ великъ въ бояхъ, какъ велика опредѣлилась утеря патроновъ солдатами на походѣ и въ бояхъ.

Телефонное и телеграфное имущество, выдаваемое войскамъ, положительно горѣло; но и нормы телефоннаго имущества на каждую часть и штабы оказались недостаточными.

* * *

Когда началась война, то только очень немногіе изъ военныхъ авторитетовъ допускали возможность, что она затянется больше года. Большинство же считало, что то колоссальное напряженіе, которое вызвано войной, долго продолжаться не можетъ, и она должна закончиться въ теченіе 6-9 мѣсяцевъ. Даже тѣ, которые допускали, что война продлится болѣе года, все же не считали возможнымъ, чтобы она затянулась на срокъ блѣе полутора-двухъ лѣтъ.

Я въ первый разъ услышалъ о возможности очень продолжительной войны отъ англійскаго офицера изъ велико-британской военной миссіи, бывшаго у меня по какому то дѣлу въ концѣ 1914 года *). Закончивъ со мной разговоръ по вопросу, который его привелъ ко мнѣ, онъ меня спросилъ, что я думаю о продолжительности войны.

Я отвѣтилъ, что совершенно не раздѣляю мнѣніе тѣхъ, кои считаютъ, что она закончится въ теченіе шести мѣсяцевъ; что эта война ставитъ на карту самое существованіе государствъ, а потому будетъ и ожесточенной и продолжительной.

«Но все же, какъ Вы думаете о томъ — сколько она будетъ продолжаться?»

«Ну, это опредѣлить невозможно».

«Какой же все-таки срокъ Вы считаете наибольшимъ?»

«Я думаю, что война продлится года полтора. Если же продлится дольше, то это будетъ полной катастрофой даже для государствъ побѣдительницъ».

«Ну, Вы все-же не отвѣчаете, какой Вы допускаете наибольшій срокъ войны».

«Ну, два — три года».

Мой собесѣдникъ, прощаясь со мной, сказалъ:

«Эта война — мировая катастрофа, и она короткой быть не можетъ. Я считаю, что, въ лучшемъ случаѣ, она закончится черезъ три года, а можетъ затянуться и на шесть лѣтъ, а возможно и больше».

Это убѣжденіе въ краткости войны, въ связи съ тѣмъ,

*) Къ сожалѣнію я твердо не помню кто именно былъ этотъ офицеръ, но кажется, это былъ полковникъ Ноксъ.

что никто въ началѣ ея не могъ себѣ представить тѣхъ колоссальныхъ требованій различнаго матеріальнаго имущества, которыя предъявитъ армія, объясняетъ отчасти, почему главныя довольствующія управленія такъ медленно и такъ неохотно дѣлали крупные заказы.

Къ этому надо прибавить, что къ требованіямъ, поступающимъ изъ армій, относились съ недовѣріемъ, считая ихъ преувеличенными и объясняя часто ихъ тѣмъ, что войска хотятъ заготовить крупные запасы «на всякій случай», «въ прокъ», а не вызываемые дѣйствительной потребностью.

Какъ я уже отмѣтилъ, единственное главное управленіе, которое шло на крупныя заготовки, — это интендантское; но и оно еще недостаточно поняло, — до какого масштаба придется развить свою дѣятельность.

Съ октября 1914 года начали поступать изъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго требованія объ усиленіи дѣятельности тыла по снабженію арміи всѣмъ необходимымъ.

Военный министръ приказалъ своему помощнику, генералу Вернандеру (на обязанности котораго и лежало объединять дѣятельность главныхъ довольствующихъ управленій), немедленно принять мѣры для выясненія дѣйствительной потребности арміи во всемъ необходимомъ и наблюсти, чтобы заказы были даны и выполнены въ кратчайшій срокъ.

Мнѣ было приказано принимать участіе во всѣхъ засѣданіяхъ, которыя будетъ собирать помощникъ военнаго министра.

Начиная съ октября состоялся цѣлый рядъ засѣданій съ представителями главныхъ управленій. И на этихъ засѣданіяхъ наибольшія тренія были съ представителями главнаго артиллерійскаго управленія, очень неохотно соглашавшимися на большое увеличеніе заказовъ.

Наконецъ, въ ноябрѣ было установлено, что производство снарядовъ для полевой артиллеріи должно быть доведено до 300.000 въ мѣсяцъ. Въ декабрѣ, подъ предсѣдательствомъ помощника военнаго министра, были собраны

представители всѣхъ болѣе крупныхъ заводовъ, изготовлявшихъ снаряды для арміи, и были распредѣлены по заводамъ новые наряды.

Между тѣмъ событія на фронтѣ начали пріобрѣтать для насъ неблагопріятный оборотъ. Послѣ ряда неуспѣховъ на сѣверо-западномъ фронтѣ начались, въ апрѣлѣ 1915 года, неудачи и въ Галиціи.

Въ концѣ 1914 и началѣ 1915 годовъ Верховный Главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ, прислалъ военному министру рядъ рѣзкихъ телеграммъ, упрекающихъ его въ плохомъ снабженіи арміи; въ телеграммахъ указывалось, что снарядовъ нѣтъ; что арміямъ приходится отбивать атаки почти голыми руками; что арміи изъ за недостатка огнестрѣльныхъ припасовъ, несутъ колоссальныя потери. Великій Князь настаивалъ на немедленной присылкѣ достаточнаго количества винтовокъ, патроновъ и снарядовъ.

Главное артиллерійское управленіе продолжало упорствовать, что подача въ армію ежемѣсячно 300.000 полевыхъ снарядовъ будетъ совершенно достаточна.

Эта цифра совершенно не удовлетворяла военное министерство, тѣмъ болѣе что поступавшія требованія указывали, что это недостаточно, а главное артиллерійское управленіе не давало исчерпывающихъ объясненій, почему оно останавливается именно на этой цифрѣ.

Обслѣдованіе этого вопроса съ данными по изготовленію составныхъ частей снарядовъ открыло причину, почему артиллерійское управленіе указывало цифру въ 300.000. Оказалось, что наши заводы не могутъ дать большее число ударныхъ и дистанціонныхъ трубокъ.

Послѣ этого было приказано главному артиллерійскому управленію, путемъ заказовъ за границей и путемъ производства въ Россіи болѣе простыхъ трубокъ французскаго образца, — увеличить, въ срочномъ порядкѣ, полученіе ударныхъ и дистанціонныхъ трубокъ.

Неуспѣхи нашихъ армій на фронтѣ вызвали большую потерю матеріальной части, а переходъ на нѣкоторыхъ

участкахъ къ позиціонной войнѣ — вызвалъ цѣлый рядъ новыхъ въ ней потребностей.

Англійская и французская промышленность все что могла давала на свои арміи и избытка пока еще не производила. Оставались Америка и Японія.

Изъ Америки приходили неутѣшительныя свѣдѣнія о томъ, что все что возможно скупается нѣмцами и на быстрое выполненіе заказовъ въ Америкѣ, разсчитывать нельзя. Въ Японіи же заказы можно было дать, но сложныя производства, какъ напримѣръ дистанціонныя трубки, также требовали много времени, такъ какъ ихъ нужно было ставить наново.

Въ эти страны были командированы спеціалисты для обслѣдованія положенія на мѣстѣ, а пока, черезъ различныхъ комиссіонеровъ и представителей фирмъ, стали давать заказы за границу на менѣе сложные предметы, требуемые для арміи и на поставку коихъ были предложенія.

Неудачи нашихъ армій продолжались. Началось отступленіе по всему фронту: 22 мая (5 іюня) былъ оставленъ Перемышль, а 9/22 іюня Львовъ.

Помимо недостатка снарядовъ для нашей артиллеріи, сильно вліявшаго на моральное состояніе бойцовъ, мы встрѣтили у противника въ полевыхъ бояхъ артиллерію крупнаго калибра, которая эфектомъ своего дѣйствія, еще болѣе ухудшала положеніе.

Явилась новая потребность — срочно дать полевой арміи артиллерію крупнаго калибра, которая могла бы уравнять наши шансы съ шансами противника и дала бы намъ возможность обезпечить въ будущемъ успѣхъ борьбы за укрѣпленныя позиціи.

Мы начали срочно формировать батареи тяжелой артиллеріи изъ имѣющихся у насъ орудій. Но этого было мало; надо было обратиться за полученіемъ тяжелой артиллеріи къ нашимъ союзникамъ.

По ходатайству предсѣдателя Государственной Думы послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи Особаго совѣщанія по оборонѣ.

Предсѣдателемъ въ совѣщаніи былъ военный ми-

нистръ, членами начальники главныхъ управленій военнаго министерства, помощникъ военнаго министра, начальникъ генеральнаго штаба, предсѣдатель и три члена Государственой Думы и, по приглашенію, представители промышленности.

Я былъ назначенъ управляющимъ дѣлами совѣщанія и членомъ его.

Съ образованіемъ Особаго совѣщанія по оборонѣ вопросъ заготовокъ для арміи пріобрѣлъ несравненно болѣе живой характеръ.

Къ этому времени образовался военно-промышленный комитетъ, который постепенно сталъ объединять промышленность и открылась болѣе широкая возможность производить успѣшныя заготовки для нуждъ арміи внутри страны.

Помимо вновь образовавшагося военно-промышленнаго комитета, къ военному вѣдомству обратились всероссійскіе земскій и городской союзы съ предложеніемъ давать нѣкоторые заказы для арміи и черезъ нихъ. Эти союзы указали, что у нихъ уже налажена связь съ заграницей и есть надежная агентура во всѣхъ раіонахъ государства; что они сумѣютъ срочно и исправно провести заказы, которые имъ будутъ даны военнымъ вѣдомствомъ.

Съ начала войны всероссійскіе земскій и городской союзы очень широко развернули свою дѣятельность по устройству лазаретовъ для раненыхъ и больныхъ внутри государства, по сформированію лазаретовъ, санитарныхъ, перевязочныхъ и дезинфекціонныхъ отрядовъ и бань въ раіонѣ армій и по устройству въ раіонахъ армій и вблизи позицій чайныхъ и продовольственныхъ пунктовъ. Впослѣдствіи земскій союзъ былъ привлеченъ къ организаціи особыхъ дружинъ для окопныхъ работъ.

Во время отступленія въ 1915 году армій сѣверо-западнаго фронта, когда громадная масса населенія, раіоновъ угрожаемыхъ нашествіемъ германцевъ, панически бросилась назадъ, земскій и городской союзы, по соглашенію съ военнымъ вѣдомствомъ, организовали по пути движенія населенія питательные и медицинско-санитарные пункты.

Эта послѣдняя помощь со стороны земскаго и городского союзовъ была организована поразительно быстро и умѣло и благодаря ей спасены были десятки тысячъ мирнаго населенія, которое, безъ этого, погибло бы въ дорогѣ безъ пищи, отъ холода и эпидемическихъ болѣзней.

Въ значительной степени дѣятельности этихъ союзовъ государство обязано и тѣмъ, что эта страшная война прошла почти безъ эпидемическихъ заболѣваній.

Нельзя обойти молчаніемъ тѣ нападки, которые часто раздавались въ обществѣ и въ военныхъ кругахъ на городской и земскій союзы.

Указывалось на то, что штаты ихъ слишкомъ велики; что среди служащихъ есть много уклоняющихся отъ строя, мѣсто которымъ въ войскахъ, а не среди «земгусаръ», какъ ихъ часто называли; указывали, что лица, руководящія этими организаціями, почти поголовно принадлежатъ къ лѣвымъ политическимъ партіямъ; что всюду очень широко допускаются евреи и что, съ первыхъ же дней войны, ведется пропаганда среди войскъ; что земскій и городской союзы подготовляютъ революцію, которую надѣются провести немедленно послѣ окончанія войны.

Что всѣ лѣвыя политическія группы были недовольны существовавшимъ въ Россіи государственнымъ строемъ и стремились его измѣнить революціоннымъ, а не эволюціоннымъ путемъ, то, въ этомъ, конечно, нѣтъ сомнѣнія. Но, чтобы съ этой цѣлью велась какая либо опредѣленная пропаганда среди войскъ по указанію лицъ, руководившихъ дѣятельностью союзовъ, то данныхъ это подтверждающихъ не было. Были открыты единичные случаи пропаганды отдѣльными лицами въ тылу арміи и были случаи пропаганды въ лазаретахъ среди выздоравливающихъ и раненыхъ солдатъ; но связывать это съ именами лицъ, стоявшихъ во главѣ организацій, не было достаточныхъ основаній. Но слухи объ этомъ, періодически, были такъ упорны, что вызывали опасеніе въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго, и земскому и городскому союзамъ нѣсколько разъ грозила опасность если не прекращенія, то сокращенія ихъ дѣятельности въ раіонахъ расположенія войскъ.

Что касается указанія на то, что среди служащихъ этихъ союзовъ было много уклоняющихся отъ службы въ строю, то, думаю, что ихъ было не больше, чѣмъ въ другихъ тыловыхъ организаціяхъ и учрежденіяхъ.

Первоначальная работа военно-промышленнаго комитета, земскаго и городского союзовъ въ смыслѣ поставки всего необходимаго для арміи развивалась медленно, такъ какъ, естественно, сразу сильно развить промышленность и кустарное производство было невозможно.

Между тѣмъ ясно стало, что война приметъ затяжной характеръ и потребность въ матеріальномъ снабженіи стала опредѣляться въ колоссальныхъ цифрахъ.

Составъ совѣщанія по оборонѣ, образованнаго подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, не удовлетворялъ общественные круги, которые хотѣли стать въ плотную къ работѣ на армію, знать что дѣлается для ея снабженія и вліять на него.

Со стороны военнаго министра не было возраженій противъ расширенія состава совѣщанія и привлеченія въ него представителей всѣхъ заинтересованныхъ группъ.

Въ срочномъ порядкѣ былъ проведенъ черезъ законодательныя учрежденія законъ и образовано «Особое Совѣщаніе по оборонѣ Государства», подъ предсѣдательствомъ военнаго министра. Въ составъ совѣщанія, кромѣ представителей военнаго вѣдомства, вошли министры морской, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія, торговли и промышленности и путей сообщеній (могли замѣщаться товарищами министровъ), предсѣдатели Государственнаго Совѣта и Государственой Думы, по 9 членовъ отъ этихъ законодательныхъ учрежденій и представители военно-промышленнаго комитета, земскаго и городского союзовъ и представители отъ промышленности.

Аналогичныя «Особыя Совѣщанія» были образованы подъ предсѣдательствомъ министровъ земледѣлія и торговли и промышленности, по продовольствію и топливу.

Особое совѣщаніе по оборонѣ получилось нѣсколько громоздкимъ, но главная подготовительная работа велась въ

комиссіяхъ и общія засѣданія, обыкновенно, не загромождались мелочами.

Періодъ переформированія «Особаго Совѣщанія по оборонѣ» совпалъ съ кампаніей, открытой противъ военнаго министра генерала Сухомлинова.

Дѣятельностью тыла были недовольны арміи и Верховный Главнокомандующій. Большинство членовъ законодательныхъ учрежденій и многіе общественные дѣятели недостаточное снабженіе арміи приписывали всецѣло винѣ военнаго министра, указывая, что онъ совершенно не справляется со своей задачей.

Кампаніей противъ генерала Сухомлинова руководили, главнымъ образомъ, предсѣдатель Государственной Думы, М. В. Родзянко, и членъ Государственнаго Совѣта, бывшій предсѣдатель Государственной Думы, А. И. Гучковъ.

Къ обвиненіямъ военнаго министра въ легкомысленномъ отношеніи къ дѣлу и неумѣніи наладить снабженіе арміи, стали добавляться, распространяемые очень широко, самые невѣроятные темные слухи.

Въ послѣднемъ отношеніи генералу Сухомлинову особенно повредило его заступничество за жандармскаго ротмистра (или полковника хорошо не помню) Мясоѣдова, впослѣдствіи повѣшеннаго на фронтѣ по обвиненію въ шпіонствѣ.

Этотъ Мясоѣдовъ, еще до войны, былъ взятъ генераломъ Сухомлиновымъ въ свое распоряженіе и ему, лично военнымъ министромъ, поручались работы по контръ-развѣдкѣ.

То, что генералъ Сухомлиновъ приблизилъ къ себѣ Мясоѣдова, уволеннаго передъ тѣмъ со службы по жандармскому корпусу и которому министръ внутреннихъ дѣлъ далъ самую отрицательную аттестацію, удивило и возмутило всѣхъ, кто зналъ подробности дѣла.

По этому поводу былъ даже запросъ въ Государственной Думѣ. Но генералъ Сухомлиновъ упорно отстаивалъ Мясоѣдова.

Когда же послѣдняго на фронтѣ обвинили въ шпіонствѣ, то этотъ вопросъ вновь вызвалъ разговоры въ обще-

ствѣ и противъ военнаго министра посыпались самыя серьезныя обвиненія.

12/25 іюня 1915 года генералъ Сухомлиновъ былъ смѣщенъ съ должности, а на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Поливановъ.

Вслѣдъ за этимъ я былъ назначенъ помощникомъ военнаго министра, съ оставленіемъ и въ должности начальника канцеляріи военнаго министерства. На меня была возложена задача по объединенію дѣятельности довольствующихъ главныхъ управленій (артиллерійскаго, интендантскаго, военно-техническаго, санитарнаго и ветеринарнаго). Съ этого времени я сталъ отвѣтственнымъ лицомъ по вопросамъ снабженія арміи.

Назначеніе на постъ военнаго министра генерала Поливанова, извѣстнаго своей энергіей и пользовавшагося полнымъ довѣріемъ законодательныхъ учрежденій и общественныхъ организацій, удовлетворило всѣхъ.

Наибольшія нападки вызывали за свою дѣятельность главное артиллерійское и военно-техническое управленія.

Во главѣ главнаго артиллерійскаго управленія былъ поставленъ генералъ Маниковскій, энергія котораго давала увѣренность, что онъ въ корнѣ измѣнитъ характеръ работы управленія.

Трудно было выбрать подходящаго кандидата на должность начальника главнаго военно-техническаго управленія. Наконецъ, военный министръ остановился на кандидатѣ, предложенномъ мною, — на генералѣ Милеантѣ.

Генералъ Милеантъ окончилъ академіи инженерную и генеральнаго штаба; будучи военнымъ инженеромъ онъ, проходя почти всю службу по генеральному штабу, не былъ связанъ кастовыми недостатками, столь сильными среди военныхъ инженеровъ. Будучи на фронтѣ сначала начальникомъ штаба арміи, а затѣмъ начальникомъ дивизіи и командиромъ корпуса, онъ долженъ былъ знать хорошо потребности арміи и чувствовать ея пульсъ. Онъ пользовался репутаціей, хотя человѣка съ очень тяжелымъ характеромъ, но безусловно честнаго и знающаго.

Послѣ своего назначенія, онъ, явившись ко мнѣ, сказалъ, что ему придется замѣнить около половины изъ числа старшихъ чиновъ управленія; что онъ ихъ хорошо знаетъ и многимъ изъ нихъ довѣрять не можетъ. Но прошель мѣсяцъ и на мой вопросъ, кого онъ рѣшилъ въ управленіи замѣнить и кѣмъ, онъ отвѣтилъ, что никого подходящаго найти не можетъ, что уже сидящіе въ управленіи дѣло знаютъ и что лучше оставить ихъ, лишь внимательно присматривая за ихъ работой.

«А то наберешь и не знающихъ и, въ добавокъ еще, воровъ и взяточниковъ» — добавилъ генералъ Милеантъ.

Это, между прочимъ, характеризуетъ вообще трудное положеніе, создавшееся въ тылу. Все лучшее было на фронтѣ и дѣлать замѣны въ личномъ составѣ было трудно.

Работа генерала Поливанова, совмѣстно съ преобразованнымъ «Особымъ Совѣщаніемъ по оборонѣ Государства», пошла очень успѣшно. Какъ девизъ было принято — лучше перезаказать, чѣмъ не дозаказать. Лучше имѣть избытокъ, чѣмъ недостатокъ. Въ смыслѣ отпуска средствъ на заказы всего необходимаго пошли очень широко, строго, конечно, контролируя, чтобы не переплачивать и не давать заказы, въ выполненіи которыхъ не было увѣренности.

Прежде всего были составлены параллельныя вѣдомости; военное вѣдомство составило вѣдомости всему тому что надо заказать и въ какомъ количествѣ; военно-промышленный комитетъ, земскій и городской союзы составили вѣдомости на тѣ предметы, на кои могли принять заказы, съ указаніемъ примѣрно сколько и въ какіе сроки они могутъ поставить.

Изъ сопоставленія этихъ вѣдомостей съ данными главныхъ управленій о производительности тѣхъ заводовъ и мастерскихъ, коими уже заказы выполнялись, было, на годовой срокъ, опредѣлено, что надо заказать за границей и что можно заказать и получить въ Россіи.

Нѣкоторые заказы было рѣшено дать болѣе чѣмъ на годовой срокъ, но принципіально было рѣшено, давъ заказы на годовой срокъ, затѣмъ въ зависимости отъ обстановки, ихъ продолжать.

Для обезпеченія снабженія артиллерійскими снарядами было рѣшено дать большіе, въ дополненіе къ прежнимъ, заказы за границу и, кромѣ того, отечественное производство довести въ кратчайшій срокъ до 100 полевыхъ парковъ въ мѣсяцъ (паркъ, кругло, около 29.000 снарядовъ).

Этотъ примѣръ показываетъ, какъ широко было рѣшено поставить дѣло заготовокъ.

Большіе заказы были даны военно-промышленному комитету, который взялся заготовить стаканы для снарядовъ. Еще раньше большая заготовка была поручена, черезъ главное артиллерійское управленіе, генералу Ванкову, который сумѣлъ широко наладить изготовленіе снарядовъ (гранатъ) французскаго образца.

Приступлено было къ устройству ряда снаряжательныхъ мастерскихъ.

Наибольшія трудности мы должны были встрѣтить по заготовкамъ и заказамъ: орудій, пулеметовъ, взрывчатыхъ веществъ, удушающихъ газовъ, дистанціонныхъ трубокъ, авіаціонныхъ аппаратовъ и винтовокъ. На все остальное предложеній на поставку изъ за границы поступало много (преимущественно изъ Англіи и Америки) и многое можно было заготовить въ Россіи.

На орудія и пулеметы, помимо заказовъ отечественнымъ заводамъ, были даны заказы въ Англію, Францію и Америку.

Для изготовленія дистанціонныхъ трубокъ строились два завода въ Россіи, но, кромѣ того, были даны заказы на трубки во Францію и Японію.

Въ Америкѣ были заказаны полные снаряды (т. е. уже снаряженные и съ трубками).

Взрывчатыя вещества, хотя и были заказаны за границей (преимущественно въ Америкѣ), но доставка ихъ была затруднительна, опасна и стоили они страшно дорого. Рѣшено было установить достаточное производство толуола въ Россіи. Поручено это было извѣстному химику генералу Ипатьеву. Съ большимъ трудомъ, но блестяще онъ впослѣдствіи выполнилъ задачу, подготовивъ полученіе толуола въ

Донецкомъ угольномъ бассейнѣ, на Волгѣ, въ Бакинскомъ и Грозненскомъ нефтяныхъ раіонахъ.

При этомъ мы столкнулись съ очень интереснымъ фактомъ. Въ Донецкомъ бассейнѣ оказалось много или чисто нѣмецкихъ предпріятій, или построенныхъ на арендныхъ условіяхъ на землѣ, принадлежавшей нѣмцамъ. Оказалось, что нигдѣ не установлено улавливателей каменноугольныхъ газовъ; а въ арендныхъ условіяхъ имѣлись особые пункты, воспрещающіе установку этихъ приспособленій.

Дѣлалось это, конечно, съ цѣлью, насколько возможно, не допустить развитія красочнаго производства въ Россіи, дабы не создать конкурренціи Германіи; но допустимо считать, что здѣсь играли роль и болѣе дальновидныя соображенія — поставить Россію, въ случаѣ войны, передъ невозможностью быстро наладить толуоловое производство.

Генералу же Ипатьеву было поручено поставить производство удушающихъ газовъ, которые нужно было примѣнять въ отвѣтъ на примѣненіе ихъ германцами. Начавъ съ хлора, онъ и съ этой задачей впослѣдствіи справился.

Для изготовленія авіаціонныхъ аппаратовъ у насъ было построено два частныхъ завода; но съ главными заказами мы все же принуждены были обратиться заграницу.

Наиболѣе трудно разрѣшался вопросъ съ заказами на винтовки.

Наши ружейные заводы не могли сильно расширить производство винтовокъ въ Россіи, необходимо было дать заказъ и за границей.

Франція и Англія въ этотъ періодъ помочь не могли; оставалась Америка.

Но съ заграничными заказами дѣло еще не было хорошо налажено.

Предложеній на принятіе заказовъ на винтовки и на продажу готовыхъ было много, однако ни одного серьезнаго внушающаго довѣрія, предложенія не было.

Вообще разбираться въ предложеніяхъ на заказы всего необходимаго для арміи, не только за границей, но и въ Россіи — было трудно.

Я еженедѣльно, не менѣе двухъ-трехъ часовъ, принималъ всевозможныхъ лицъ, являвшихся съ предложеніями доставить то или иное.

Ко мнѣ обращались лица самыхъ разнообразныхъ профессій и самаго разнообразнаго общественнаго положенія. Приходили знатные иностранцы, купцы, промышленники, бывшіе и настоящіе сановники, студенты, кокотки, комиссіонеры, отставные генералы и даже упорно добивалась получить поставку на армію одна дама, именовавшая себя бывшей фрейлиной Государынь Императрицъ.

Большинство жаловалось, что на ихъ обращенія въ главныхъ довольствующихъ управленіяхъ и въ общественныхъ организаціяхъ обращаютъ мало вниманія, что ихъ предложенія являются наиболѣе выгодными, наиболѣе серьезными и т. под.

Многія изъ этихъ лицъ стремились получить заказъ, получить авансъ, а только послѣ этого изыскать способъ его выполнить, или перепродать его кому либо другому. Были и просто мошенники, старавшіеся сорвать хоть что нибудь.

Для упорядоченія заграничныхъ заказовъ нами былъ образованъ въ Лондонѣ центральный заготовительный органъ, во главѣ котораго былъ поставленъ генералъ Гермоніусъ, заказы въ Америкѣ стали даваться преимущественно черезъ фирму Моргана.

Въ частности предложеній на винтовки, какъ я уже сказалъ, поступало много. Предполагалось продать винтовки, имѣвшіяся въ какихъ то складахъ въ Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ штатахъ; предлагалось два милліона готовыхъ винтовокъ, имѣвшихся, яко-бы, въ Парагваѣ. По этимъ предложеніямъ комиссіонеры даже соглашались никакого аванса не получать, но конечно, не поставили и никакихъ винтовокъ.

Предлагавшихъ дать имъ заказъ на изготовленіе винтовокъ въ Америкѣ было такъ же много, но всѣ предложенія, по ихъ провѣркѣ, оказались дутыми, свѣдѣнія поступавшія изъ Англіи и Америки, указывали съ полной очевидностью, что въ Америкѣ можно заказать винтовки только на крупныхъ оружейныхъ заводахъ съ которыми и ве-

лись переговоры. Заказъ былъ, въ концѣ концовъ, данъ заводу «Ремингтонъ» (выполненіе этого заказа очень затянулось). Англія обѣщала установить у себя производство нашихъ 3-хъ линейныхъ винтовокъ, но нѣсколько позже.

Между тѣмъ вопросъ со снабженіемъ арміи винтовками стоялъ очень остро, чѣмъ и объясняется, что военное вѣдомство, не довольствуясь заказами винтовокъ заводу «Ремингтонъ» и обѣщаніемъ Англіи установить у себя винтовочное производство, всюду искало возможности получить винтовки.

Среди предложеній на заказъ винтовокъ въ Америкѣ выдѣлялось по своей выгодности и кажущейся надежности, въ смыслѣ выполненія заказа, предложеніе, исходившее отъ трехъ русскихъ, изъ коихъ одинъ, принадлежавшій къ одной изъ старинныхъ фамилій, жилъ большую часть времени въ Парижѣ.

Эта группа лицъ указала заводы, на которыхъ немедленно можетъ быть установлено производство винтовокъ.

Я, телеграммой въ Вашингтонъ, предложилъ представителю главнаго артиллерійскаго управленія обслѣдовать заводы. Получился отвѣтъ, что фактически заводы не оборудованы и фирма, которая, яко бы, берется выполнить заказъ, — съ нимъ не справится.

Я отказалъ соискателямъ, домогавшимся получить этотъ заказъ. Они выразили удивленіе, что присланъ такой отвѣтъ на мой запросъ и обѣщали представить новыя данныя.

Черезъ нѣсколько времени они опять явились и принесли телеграмму изъ Америки, опровергающую заключеніе представителя главнаго артиллерійскаго управленія и утверждающую, что заказъ на винтовки будетъ выполненъ въ срокъ.

Я, несмотря на протесты этихъ господъ, рѣшилъ еще разъ провѣрить солидность предложенія. Была послана телеграмма начальнику нашего органа снабженія въ Лондонѣ генералу Гермоніусу (онъ долженъ былъ въ это время ѣхать въ Америку по вопросамъ заготовокъ) и ему было

предложено лично и черезъ фирму Морґана еще разъ обслѣдовать на мѣстѣ — насколько предложеніе основательно.

Впослѣдствіи отъ генерала Гермоніуса былъ полученъ отвѣтъ, что заказъ на винтовки указанными заводами не будетъ выполненъ.

Между тѣмъ, до полученія отвѣта отъ генерала Гермоніуса, вокругъ этого вопроса была поднята цѣлая буча.

Въ «Особомъ совѣщаніи по оборонѣ» члены Государственного Совѣта и Государственной Думы требовали по этому вопросу объясненій.

Мои объясненія ихъ удовлетворили. Но, послѣ этого, я получилъ отъ военнаго министра запечатанный пакетъ при запискѣ, въ которой онъ сообщалъ, что посылаетъ мнѣ докладъ, представленный Государю Императору Великимъ Княземъ Борисомъ Владиміровичемъ, и проситъ срочно дать объясненіе.

Въ докладѣ излагалось, что армія терпитъ страшную нужду въ винтовкахъ, а, между тѣмъ, происходитъ что то странное. Помощнику военнаго министра нѣсколькими русскими лицами (были перечислены фамиліи) уже давно сдѣлано предложеніе на заказъ винтовокъ въ Америкѣ на очень выгодныхъ условіяхъ для казны. Что указанныя лица дѣлаютъ предложеніе отъ имени американскихъ предпринимателей, заслуживающихъ полнаго довѣрія. Что сами предлагающіе являются истинными русскими патріотами и добиваются заказа не ради своихъ личныхъ выгодъ, а исключительно съ цѣлью дать наконецъ винтовки русской арміи, которая чуть ни палками отбиваетъ атаки противника.

Докладъ заканчивался фразой, въ которой Великій Князь отмѣтилъ, что вслѣдствіе государственной важности вопроса, онъ считаетъ своимъ долгомъ представить его на благоусмотрѣніе Государя.

Государь положилъ слѣдующую резолюцію: «Предложить генералъ-лейтенанту Лукомскому представить исчерпывающее объясненіе».

Мое положеніе оказалось не изъ пріятныхъ. Предложеніе, по видимости, было выгодное и пріемлемое. Заключеніе представителя главнаго артиллерійскаго управленія

въ Америкѣ не являлось непреложнымъ, такъ какъ были уже примѣры, что заключенія имъ дававшіяся были иногда легкомысленныя (это и было одной изъ причинъ командировки генерала Гермоніуса въ Америку, дабы онъ на мѣстѣ выяснилъ американскій рынокъ, заключенія о коемъ лицами, командированными главными управленіями, не сходились съ данными, имѣвшимися изъ другихъ источниковъ), а отъ генерала Гермоніуса еще отвѣта не было. Я же, скорѣй по чутью, относился къ этому предложенію съ недовѣріемъ.

На мое счастіе въ этотъ же день пришла почта изъ Парижа и въ ней, среди другой корреспонденціи, оказалось предупрежденіе французскаго и великобританскаго военныхъ министерствъ относиться съ большой осторожностью къ предложеніямъ на заказы винтовокъ въ Америкѣ. Въ присланной бумагѣ было указано, что, по имѣющимся во французскомъ и великобританскомъ военныхъ министерствахъ свѣдѣніямъ, русское правительство получитъ предложеніе на заказъ въ Америкѣ винтовокъ отъ такихъ то лицъ (были указаны фамиліи лицъ, которыя и добивались полученія этого заказа). Что эти господа просто комиссіонеры, которые получатъ извѣстный %, если заказъ будетъ данъ. Что они сами введены въ заблужденіе относительно солидности этого предложенія. Что въ дѣйствительности это предложеніе на поставку винтовокъ дѣлается черезъ германскихъ агентовъ. Что оно составлено хорошо и если основательно не разобраться, то должно внушить полное довѣріе. Что если заказъ будетъ данъ, то ружейный заводъ будетъ дѣйствительно оборудованъ, русское министерство успокоится на томъ, что оно заказъ дало, но что онъ никогда не будетъ выполненъ.

Мнѣ оставалось только составить краткій всеподданнѣйшій докладъ и приложить бумагу, полученную изъ Парижа.

Но еще труднѣй, чѣмъ съ поставщиками, было имѣть дѣло съ изобрѣтателями. Чего только не предлагалось; и самодвижущіяся мины; и подземные броненосцы (а мы не въ силахъ были приготовить и надземныхъ танковъ!); и пу-

леметы съ особыми раструбами, позволяющими держать нѣсколькими пулеметами громадныя пространства подъ такимъ огнемъ, что не пролетитъ и воробей; и особыя всесжигающія жидкости, которыми можно сжечь чуть ли ни всю германскую армію; и быстрое (чуть ли не въ два мѣсяца) проведеніе изъ Баку и Грознаго на фронтъ армій особыми трубами нефти, которая позволитъ, когда нужно, устроить передъ фронтомъ сплошную завѣсу огня; и фіолетовые лучи, посредствомъ которыхъ можно взрывать на разстояніи всѣ непріятельскіе огнестрѣльные склады.... Всего нѣтъ возможности перечислить.

И всѣ приходившіе были искренно увѣрены, что если ихъ предложеніе будетъ принято, то нѣмцы будутъ сейчасъ же побиты.

Одинъ земскій дѣятель и помѣщикъ доказывалъ, что онъ ручается прорвать фронтъ... собаками. Онъ просилъ дать ему средства и обѣщалъ, въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ, выдрессировать массу собакъ, которыхъ надо было затѣмъ доставить къ участку фронта, гдѣ мы предполагаемъ атаковать, прикрѣпить къ нимъ взрывчатыя вещества и пустить на проволочныя загражденія. Говорилъ, что, хотя много собакъ погибнетъ, но проволочныя загражденія будутъ разрушены, новая серія собакъ бросится впередъ, противникъ не выдержитъ и, въ результатѣ, полная побѣда...

Теперь все это кажется анекдотомъ и смѣшно, но принимать и выслушивать изобрѣтателей было не смѣшно...

А не принимать и не выслушивать было невозможно. На предложенія обращаться въ соотвѣтствующее главное управленіе, гдѣ имѣются техническіе комитеты и гдѣ ихъ предложенія разсмотрятъ, обыкновенно получались отвѣты, что тамъ не хотятъ выслушивать; что тамъ признаютъ только то — что изобрѣли сами; что хотятъ имѣть дѣло только со мной и т. под.

На почвѣ недовѣрія со стороны изобрѣтателей и лицъ имъ покровительствовавшихъ къ техническимъ комитетамъ главныхъ управленій, происходили и курьезные и печальные случаи.

Могу разсказать два.

Однажды ко мнѣ на пріемъ явился графъ Х. По его разсказу, онъ узналъ, что на юго-западномъ фронтѣ, въ одномъ изъ саперныхъ баталіоновъ находится солдатъ, получившій образованіе за границей, отличный механикъ и химикъ, знающій какое то чрезвычайно сильное взрывчатое вещество и имѣющій всѣ данныя для устройства прибора для взрывовъ на разстояніи. Узнавъ, что на фронтѣ этого солдата не могутъ поставить въ условія, дающія ему возможность выполнить его изобрѣтеніе, онъ, графъ Х. рѣшилъ обратиться къ главнокомандующему юго-западнымъ фронтомъ, съ просьбой командировать этого солдата въ его распоряженіе. Но, къ сожалѣнію, онъ опоздалъ и объ этомъ солдатѣ узнали въ главномъ военно-техническомъ управленіи, которое его и вызвало.

Въ Петроградѣ же, вмѣсто того, чтобы дать этому солдату возможность работать, его передали въ электро-техническую школу, гдѣ начальникъ школы, почему то, приказалъ его держать подъ арестомъ.

Что, узнавъ объ этомъ онъ, гр. Х., сопоставляя это съ тѣмъ, что начальникъ школы носитъ нѣмецкую фамилію (генералъ Бурманъ), изъ опасенія, что изобрѣтателю просто не дадутъ возможности работать, рѣшилъ его выкрасть и поставить въ прекрасныя условія для работы.

Что онъ, гр. Х., совмѣстно съ однимъ докторомъ, этого солдата выкрали и помѣстили около Петрограда, давъ ему возможность работать въ прекрасно оборудованной мастерской. Но, что случилось несчастіе, приготовленное взрывчатое вещество взорвалось, солдатъ раненъ, а его сожительница убита.

Что обо всемъ этомъ узналъ начальникъ главнаго военно-техническаго управленія и теперь привлекаетъ его, гр. Х., къ уголовной отвѣтственности; что его уже допрашивалъ слѣдователь, по словамъ котораго за это грозитъ чуть ли ни каторга.

Сообщивъ мнѣ объ этомъ, гр. Х. просилъ о прекращеніи дѣла.

Я предложилъ ему подать мнѣ обо всемъ имъ разсказанномъ письменный докладъ.

На другой день я вызвалъ къ себѣ начальника главнаго военно-техническаго управленія и начальника электротехнической школы.

Изъ ихъ докладовъ выяснилось, что дѣйствительно въ военно-техническомъ управленіи было получено свѣдѣніе о томъ, что въ одномъ изъ саперныхъ батальоновъ имѣется очень интересный солдатъ, хорошо знающій механику и химію, и говорящій, что онъ изобрѣтатель. Солдатъ былъ вызванъ и переданъ начальнику электро-технической школы, которому было поручено предоставить ему полную возможность выполнить свои изобрѣтенія.

Изобрѣтатель оказался пьяницей и уклоняющимся отъ работы; проводилъ цѣлые дни внѣ школы на квартирѣ у своей сожительницы. Поэтому начальникъ школы запретилъ этому солдату ходить въ отпускъ, кромѣ воскресныхъ дней. Несмотря на принятыя мѣры и угрозу, что онъ будетъ отправленъ обратно въ батальонъ, изобрѣтатель работалъ очень вяло и не было довѣрія, что изъ его работы будетъ какой нибудь толкъ.

Черезъ нѣсколько времени солдатъ безслѣдно исчезъ, а за нѣсколько дней до доклада мнѣ этого дѣла графомъ Х. въ школу пришелъ сынъ сожительницы изобрѣтателя, подробно разсказалъ про похищеніе солдата, про отвозъ его на автомобилѣ въ имѣніе гр. Х. и про то, что тамъ его дѣйствительно хорошо устроили и предоставили въ его распоряженіе лабораторію; что вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ разрѣшили жить и ему съ матерью.

Дальше мальчикъ разсказалъ, что, наканунѣ его прихода въ школу, его мать, переставляя банку съ какой-то жидкостью, приготовленной изобрѣтателемъ, ее уронила и произошелъ взрывъ. Что его мать убита, изобрѣтатель раненъ, а его, силой взрыва, выбросило въ садъ. Что затѣмъ гр. Х. и докторъ, принимавшій участіе въ похищеніи изобрѣтателя, напуганные всѣмъ тѣмъ что произошло, опасаясь отвѣтственности, зарыли трупъ его матери въ саду, солдата-изобрѣтателя лѣчатъ дома въ имѣніи, а его заперли не позволяя никуда выходить; но что онъ бѣжалъ и явился въ школу, чтобы разсказать о всемъ томъ, что произошло.

Начальникъ главнаго военно-техническаго управленія приказалъ произвести дознаніе, которое подтвердило справедливость заявленія мальчика и дѣло было передано слѣдователю.

Пришлось все это дѣло, съ заключеніемъ главнаго военнаго прокурора, представить Государю.

Государь приказалъ дѣлу дальнѣйшаго хода не давать.

Второй случай былъ болѣе сложный и болѣе серьезный.

Въ декабрѣ 1915 года изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ ко мнѣ поступилъ запросъ, на какомъ основаніи и для какой надобности, распоряженіемъ главнаго начальника Петроградскаго военнаго округа, явно незаконно реквизировано нѣсколько домовъ въ Петроградѣ.

Я немедленно соединился по телефону съ главнымъ начальникомъ Петроградскаго военнаго округа, княземъ Тумановымъ, и спросилъ его, правда ли это.

— «Да, правда».

— «На какомъ же основаніи Вами реквизированы эти дома и для какой надобности»?

— «По Высочайшему повелѣнію. Въ точности я не знаю, что предположено дѣлать, но эти дома приказано передать въ распоряженіе одного изобрѣтателя, Братолюбова, подъ мастерскія и подъ жилье рабочимъ».

— «Кто Вамъ передалъ это Высочайшее повелѣніе и почему Вы не доложили военному министру, или не сообщили мнѣ,»

— «Эти распоряженія я получилъ въ видѣ писемъ на мое имя отъ Великаго Князя Михаила Александровича; въ письмахъ опредѣленно сказано, что распоряженія дѣлаются по Высочайшему повелѣнію.

У меня не было никакого сомнѣнія въ подлинности подписи подъ письмами и я думалъ, что военный министръ и Вы объ этомъ знаете. Тѣмъ болѣе, что, по распоряженію второго помощника военнаго министра, генерала Бѣляева, въ распоряженіе этого же изобрѣтателя назначаются рабочіе — солдаты».

— «Вамъ должно быть извѣстно, что подобное распоряженіе о реквизиціи домовъ въ городѣ закономъ не предусмотрѣно и явно незаконно».

— «Но вѣдь распоряженіе сдѣлано отъ Высочайшаго имени. Какъ же оно можетъ быть незаконно?»

— «Не законно потому, что закономъ не предусмотрѣно. Можетъ получиться крупный скандалъ.

Получивъ эти распоряженія Вы обязаны были немедленно доложить военному министру. Военный министръ доложилъ бы Государю и недоразумѣніе, конечно, выяснилось бы и было бы приказано эти распоряженія въ исполненіе не приводить».

— «Какъ же мнѣ быть? Завтра уже назначено выселеніе жильцовъ изъ одного изъ домовъ».

— «Прошу васъ, князь, распоряженіе о выселеніи жильцовъ изъ реквизируемаго дома временно отмѣнить. А Васъ прошу завтра, къ 10 часамъ утра, быть у военнаго министра, захвативъ съ собой всѣ письма, полученныя Вами отъ Великаго Князя».

Затѣмъ я соединился по телефону съ генераломъ Бѣляевымъ, который мнѣ подтвердилъ, что и имъ получено письмо отъ Великаго Князя Михаила Александровича съ указаніемъ, что, по Высочайшему повелѣнію, онъ долженъ назначить въ распоряженіе изобрѣтателя Братолюбова (указанъ адресъ) рабочихъ солдатъ — въ числѣ, которое послѣдній потребуетъ.

Я попросилъ и генерала Бѣляева быть на другой день утромъ у военнаго министра.

Послѣ доклада военному министру было рѣшено всякія реквизиціи пока пріостановить, а мнѣ было поручено устроить свиданіе Великаго Князя съ военнымъ министромъ.

Великій Князь Михаилъ Александровичъ былъ въ это время въ Петроградѣ.

Я въ тотъ же день вызвалъ къ себѣ начальника штаба Великаго Князя генерала Юзефовича. Отъ него я узналъ, что, дѣйствительно, Великому Князю было дано какое то порученіе Государемъ Императоромъ. Но подробностей Юзе-

фовичъ не зналъ и обѣщалъ въ тотъ же день доложить Великому Князю желаніе военнаго министра его видѣть.

На другой же день Великій Князь былъ у военнаго министра; въ результатѣ ихъ разговора было рѣшено, что Его Высочество договорится о подробностяхъ дѣла со мной.

Черезъ день пріѣхалъ ко мнѣ Юзефовичъ и сказалъ, что Великій Князь не можетъ принять меня на квартирѣ своей жены, такъ какъ тамъ у него нѣтъ буквально угла, гдѣ можно было бы безъ помѣхи переговорить и что, съ разрѣшенія Вдовствующей Императрицы, Его Высочество приметъ меня въ Аничкиномъ дворцѣ.

Въ назначенный день и часъ я тамъ былъ.

Великій Князь разсказалъ мнѣ слѣдующее: Какъ то одинъ изъ Великихъ Князей доложилъ въ Ставкѣ Государю, что есть нѣкій Братолюбовъ, изобрѣвшій замѣчательную всесжигающую жидкость, которую съ большимъ успѣхомъ можно примѣнить на фронтѣ. Но что, къ сожалѣнію, главное военно-техническое управленіе, по обыкновенію, отнеслось къ изобрѣтателю недоброжелательно: жидкость его не приняли; не произвели никакихъ опытовъ, а просто заявили, что она не нужна.

Великій Князь просилъ разрѣшенія привезти Братолюбова въ Могилевъ и показать опыты съ жидкостью Государю.

Государь заинтересовался и поручилъ Великому Князю переговорить съ начальникомъ штаба, генераломъ Алексѣевымъ, и показать ему (Государю) опыты съ жидкостью.

Опыты состоялись на полигонѣ около Могилева. Великій Князь Михаилъ Александровичъ, будучи въ это время въ Ставкѣ, попалъ на опыты случайно.

Опыты дали блестящіе результаты. Оказалось, что деревянныя сооруженія, приготовленныя чучела и даже совершенно сырое дерево и сырая солома, облитыя этой жидкостью, сгораютъ до тла, развивая страшный жаръ. Загорается же эта жидкость или самостоятельно подъ дѣйствіемъ воздуха или отъ удара пуль, въ которыя вставляются капсюли съ особымъ возбудителемъ.

Было доложено Государю, что пользоваться этой жид-

костью можно различно; можно съ аэропланов поливать постройки и поля съ хлѣбомъ; можно особыми помпами поливать окопы противника; можно, наконецъ, устраивать особые резервуары въ видѣ ранцевъ со шлангами и употреблять эту жидкость при атакахъ укрѣпленныхъ позицій.

Послѣ опытовъ Государь рѣшилъ, что Братолюбову заказъ на жидкость дать надо и, обращаясь къ генералу Алексѣеву, спросилъ не будетъ ли правильно поручить кому нибудь, по его Государя выбору, наблюсти за правильностью и срочностью выполненія этого заказа. Генералъ Алексѣевъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, это будетъ правильно.

Тогда Государь обратился къ Великому Князю Михаилу Александровичу и, сказалъ, что скоро на фронтъ тотъ не поѣдетъ и потому свободенъ, и поручилъ ему принять на себя руководство организаціей дѣла по заказу этой жидкости и наблюсти за правильностью и срочностью выполненія этого заказа.

Великій Князь отвѣтилъ, что во всемъ этомъ онъ мало понимаетъ, но что если ему помогутъ, то онъ съ удовольствіемъ приметъ на себя общее руководство.

На этомъ и было рѣшено.

Все дальнѣйшее и явилось слѣдствіемъ совершенно неправильной постановки дѣла.

Нельзя не винить начальника штаба, генерала Алексѣева, который долженъ былъ предвидѣть, что могутъ получиться самыя невѣроятныя осложненія и что такъ заказы давать нельзя.

Великій Князь сказалъ мнѣ, что какой то юристъ и его адъютантъ ему помогаютъ въ этомъ дѣлѣ и увѣрили его, что всѣ распоряженія, которыя до сихъ поръ имъ сдѣланы, не противорѣчатъ законамъ. Что на послѣднее онъ самъ нѣсколько разъ обращалъ вниманіе, опасаясь какъ бы не сдѣлать чего нибудь такого — что онъ дѣлать не имѣетъ права. Но его увѣрили, что все ведется правильно.

Изъ разговора выяснилось, что заказовъ дано болѣе, чѣмъ на шестьдесятъ милліоновъ рублей; что заказана не только жидкость, но и особые аппараты для ея выбрасыванія и предположено заказать аэропланы и блиндирован-

ныя машины для перевозки этой жидкости. Братолюбову заказы давались письмами за подписью Великаго Князя; такихъ писемъ было написано около двѣнадцати.

Я доложилъ Великому Князю, что порядокъ дачи этихъ заказовъ можетъ вызвать запросъ въ Государственной Думѣ и можетъ создать очень трудное положеніе; что цѣлый рядъ распоряженій Великаго Князя, сдѣланныхъ отъ имени Государя, противорѣчитъ дѣйствующимъ законамъ; что, вообще, надо болѣе внимательно провѣрить предложеніе Братолюбова.

Въ результатѣ Великій Князь просилъ меня взять все это дѣло въ мое вѣдѣніе и просить Государя освободить его отъ этого непріятнаго порученія, въ которомъ, какъ выразился Великій Князь, «я совсѣмъ запутался и вижу, что мои совѣтники меня сильно подвели».

Послѣ разговора съ Великимъ Княземъ я вызвалъ Братолюбова.

Этотъ изобрѣтатель держалъ себя крайне вызывающе и сбавилъ тонъ только послѣ того, какъ я его припугнулъ.

Онъ мнѣ показалъ не подлинныя письма Великаго Князя, а фотографическіе съ нихъ снимки.

Ясно было, что приходится имѣть дѣло съ опытнымъ господиномъ, который постарается сорвать все что только возможно.

Поѣхалъ я осмотрѣть заводъ Братолюбова (домъ и сарай уже реквизированные для него по распоряженію главнаго начальника Петроградскаго военнаго округа), рядомъ съ которымъ былъ трехэтажный домъ, подлежавшій реквизиціи подъ квартиры рабочимъ и подъ контору.

Работа по подготовкѣ завода къ работѣ кипѣла; устанавливались станки, проводились электрическіе провода.

Но что собственно будетъ производить заводъ было не ясно: были на заводѣ какіе то старые аэропланы, подлежавшіе исправленію; была модель новаго аэроплана; были грузовики, подлежавшіе бронированію; но не было ничего относившагося до изготовленія «всесжигающей жидкости», на которую, однако, былъ данъ заказъ на большую часть всей суммы.

На мой вопросъ, гдѣ же приготовляется жидкость, я получилъ отвѣтъ, что — въ другомъ мѣстѣ.

На другой день ко мнѣ на пріемъ явился какой-то прибалтійскій нѣмецъ, по виду простой ремесленникъ, очень плохо говорившій по русски (фамилію его, къ сожалѣнію, я забылъ). Разсказалъ онъ мнѣ, что имъ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изобрѣтена жидкость, которой можно сжигать все что угодно. Что онъ обращался и тогда и теперь во время войны въ главное военно-техническое управленіе, но тамъ его жидкость признали годной только для сжиганія труповъ, сказавъ, что въ обращеніи она слишкомъ опасна и для употребленія на войнѣ войсками не пригодна.

Но, что онъ познакомился съ Братолюбовымъ, который обѣщалъ это дѣло провести и затѣмъ, получивъ заказъ, полвину чистаго барыша отдавать ему — изобрѣтателю. Что теперь Братолюбову заказъ данъ и послѣдній требуетъ отъ него секретъ приготовленія жидкости, предлагая за все это всего нѣсколько тысячъ рублей.

Закончилъ онъ заявленіемъ, что Братолюбову сообщать секретъ изготовленія жидкости онъ не хочетъ и предложилъ передать составъ своей жидкости мнѣ.

Я немедленно вызвалъ прокурора и слѣдователя, которымъ нѣмецъ и далъ свои показанія.

Затѣмъ для нѣмца было составлено заявленіе въ судъ о мошенничествѣ Братолюбова, которое онъ и представилъ по принадлежности.

Химическій составъ своей жидкости изобрѣтатель мнѣ сообщилъ, а я поручилъ начальнику военно-техническаго управленія заказать ему пудовъ двадцать жидкости и произвести съ ней всесторонніе опыты.

Черезъ нѣсколько дней «настоящій» изобрѣтатель уже работалъ на одномъ изъ полигоновъ около Петрограда.

Былъ составленъ по этому дѣлу всеподданнѣйшій докладъ и послѣдовало Высочайшее соизволеніе освободить Великаго Князя отъ наблюденія за исполненіемъ сдѣланныхъ заказовъ, а все дѣло направить и рѣшить по усмотрѣнію военнаго министра.

Послѣ этого я вновь вызвалъ Братолюбова и предло-

жилъ ему, временно прекратить исполненіе сдѣланныхъ ему заказовъ, сообщивъ мнѣ составъ его жидкости. Онъ категорически отказался. Я тогда сказалъ ему то, что мнѣ было извѣстно отъ нѣмца-изобрѣтателя.

Братолюбовъ признался, что это правда. Ему было объявлено, что дѣло ликвидируется и чтобы онъ представилъ всѣ данныя, подтверждающіе его дѣйствительные расходы, которые ему будутъ возмѣщены.

Трудно было отъ него получить подлинныя письма Великаго Князя и негативы фотографическихъ съ нихъ снимковъ; но, въ концѣ концовъ, онъ ихъ сдалъ.

Великій Князь заѣзжалъ ко мнѣ нѣсколько разъ и былъ очень доволенъ, когда наконецъ дѣло было окончательно ликвидировано.

Описываю все это я подробно, такъ какъ до меня тогда же доходили слухи, что Братолюбовъ, сохранивъ, конечно, фотографически снимки съ писемъ Великаго Князя, хотѣлъ впослѣдствіи ихъ опубликовать.

При ликвидаціи этого дѣла мнѣ пришлось два раза дѣлать подробные доклады въ Совѣтѣ министровъ и, въ результатѣ, на возмѣщеніе расходовъ, вызванныхъ этимъ дѣломъ, было ассигновано, если не ошибаюсь, 250.000 рублей.

Жидкость — для употребленія въ войскахъ оказалась совершенно не пригодной и, какъ содержащая въ своемъ составѣ фосфоръ, очень опасной въ обращеніи.

* * *

Среди моей большой работы, частью производительной, а частью мало производительной, но отнимавшей массу времени, я, конечно, встрѣчался съ массой лицъ и былъ въ курсѣ того, что говорилось и дѣлалось въ Петроградѣ.

Злободневными вопросами, во всю вторую половину лѣта 1915 года и въ послѣдующій періодъ, кромѣ, конечно, войны — были разговоры о Распутинѣ, о германскомъ шпіонажѣ и о бывшемъ военномъ министрѣ Сухомлиновѣ.

О Распутинѣ говорили много со времени появленія его при Дворѣ; но особенно страстно, въ различныхъ слояхъ Петроградскаго общества, сталъ обсуждаться о немъ вопросъ въ 1915 году.

Я лично никогда Распутина не видѣлъ и никогда отъ него не получалъ никакихъ записокъ, которыя онъ, съ различными просьбами, имѣлъ обыкновеніе писать всѣмъ занимавшимъ болѣе или менѣе видное положеніе.

Разъ только я видѣлъ у военнаго министра, генерала Поливанова, записку отъ Распутина такого содержанія: «Милой, исполни просьбу такой то (была указана фамилія). Ужъ очень она ко мнѣ пристаетъ. Григорій Новыхъ». (Новыхъ — фамилія, которой онъ подписывался вмѣсто своей).

Генералъ Поливановъ приказалъ эту просительницу не принимать.

Еще до войны, я у одного моего знакомаго офицера генеральнаго штаба Бончъ-Бруевича (одного изъ первыхъ русскихъ генераловъ, пошедшихъ на службу къ большевикамъ) познакомился съ его братомъ Владиміромъ Бончъ-Бруевичемъ (впослѣдствіи правая рука у Ленина). Этотъ Бончъ-Бруевичъ заинтересовалъ меня разсказами о своихъ поѣздкахъ при изученіи различныхъ сектъ.

Я его спросилъ, считаетъ ли онъ Распутина сектантомъ и если да, то къ какой сектѣ онъ принадлежитъ.

Бончъ-Бруевичъ отвѣтилъ, что этотъ вопросъ его самого интересовалъ и что задолго до нашего разговора, по порученію, исходившему отъ канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, ему было предложено обслѣдовать вопросъ, къ какой сектѣ можетъ принадлежать Распутинъ.

Получивъ средства прилично одѣться, онъ былъ введенъ въ два дома, гдѣ бывалъ Распутинъ.

Сначала онъ наблюдалъ его въ гостиной, при чемъ разговаривать имъ почти не приходилось.

Затѣмъ Бончъ-Бруевичъ съ нимъ разговорился и Распутинъ пригласилъ его къ себѣ.

По первоначальнымъ наблюденіямъ Распутинъ произвелъ на него впечатлѣніе умнаго мужика, очень нахальнаго, который пользуясь положеніемъ человѣка, которому все разрѣшается, безъ всякаго стѣсненія обращался съ бывшими въ гостиной дамами.

У Распутина онъ былъ нѣсколько разъ, обѣдалъ и послѣ обѣдовъ они вели бесѣду.

У Бончъ-Бруевича сложилось убѣжденіе, что Распутинъ ни къ одной изъ сектъ не принадлежалъ; что онъ даже плохо разбирался въ сектахъ, зная о нихъ очень поверхностно. Что Распутинъ безусловно умный и очень хитрый человѣкъ, съ громадной силой воли и обладавшій гипнотическимъ даромъ. Что, когда надо, онъ подъ видомъ набожности, просто ловко обдѣлывалъ свои дѣла.

Изъ сопоставленія всѣхъ разсказовъ, изъ самыхъ различныхъ источниковъ, ясно было, что Распутинъ не только безобразничаетъ, пьянствуетъ и развратничаетъ — когда только можетъ, но и вмѣшивается въ вопросы назначеній на высшія должности, дѣйствуя черезъ различныхъ высокопоставленныхъ лицъ.

Этому потакало и это поощряло само общество. Къ сожалѣнію было много такихъ лицъ, не исключая и занимавшихъ очень высокое положеніе, которыя считали за честь быть близкими съ Распутинымъ. Это доказываютъ многочисленные фотографическіе снимки, дѣлавшіеся во время и послѣ всевозможныхъ кутежей на частныхъ квартирахъ и ходившіе въ Петроградѣ по рукамъ.

Распутинъ привыкъ, что ему позволяли все.

На Распутинѣ многіе надѣялись строить себѣ карьеру.

Что касается Царскаго Дома, то имѣвшіе мѣсто факты высылки Распутина изъ Петрограда и запрещеніе ѣхать въ Ливадію ясно показываютъ, что Государь относился къ нему скорѣй отрицательно и хотѣлъ отъ него избавиться.

Но затѣмъ возвращеніе Распутина обратно въ Петроградъ изъ ссылки, разрѣшеніе опять посѣщать Царское Село — указываютъ, что въ этихъ измѣненіяхъ въ отношеніяхъ къ нему Государя играло роль что-то, какъ будто, непонятное.

Императрица явно держалась за Распутина и, конечно, по ея настоянію его вернули изъ ссылки на родину въ Сибирь обратно въ Петроградъ и допускали въ Царское Село.

До Царской Семьи, конечно, если и не о всѣхъ продѣлкахъ и безобразіяхъ Распутина, то объ очень многихъ — слухи и свѣдѣнія доходили; и, нормально, это должно бы-

ло закрыть ему доступъ въ Царское Село; но его продолжали принимать, зная, что это порождаетъ различные разговоры въ обществѣ и всѣхъ возмущаетъ.

Въ чемъ же причина?

Причина — одна вполнѣ ясная, опредѣленная и не подлежащая сомнѣнію.

Это страхъ за здоровье и жизнь Наслѣдника Цесаревича, а затѣмъ и за всю Царскую Семью.

Распутинъ сумѣлъ убѣдить Императрицу, которая вообще была мистично настроена, что только онъ является хранителемъ и спасителемъ Наслѣдника и Царской Семьи.

Страшная болѣзнь Цесаревича держала всегда въ страхѣ Государя и Императрицу за его здоровье.

Какъ то фатально выходило, что когда Распутинъ около — Наслѣднику лучше; когда его нѣтъ — Наслѣднику хуже.

Я отъ лицъ, заслуживавшихъ полнаго довѣрія, слышалъ, что было нѣсколько случаевъ, когда начавшееся кровотеченіе доктора остановить не могли, а появлялся Распутинъ и кровотеченіе останавливалось.

Мнѣ разсказывали, что даже былъ такой случай: однажды вечеромъ Распутина срочно вызвали по телефону во дворецъ въ Царское Село.

Распутинъ только что вернулся съ обѣда и былъ въ такомъ видѣ, что ѣхать въ Царское Село не могъ. Онъ отвѣтилъ, что боленъ и пріѣхать не можетъ. Ему сказали, что у Наслѣдника идетъ носомъ кровь и остановить не могутъ. Онъ, будто бы, отвѣтилъ, что кровь сейчасъ остановится; но что если не остановится, то просить ему сказать черезъ часъ.

Кровотеченіе у Наслѣдника, яко бы, дѣйствительно остановилось.

Эти факты, при настроеніи Императрицы, сдѣлали то, что за него, несмотря на всѣ разсказы и слухи про него, Государыня держалась, считала его, если не святымъ, то, во всякомъ случаѣ, — хранителемъ Наслѣдника.

Затѣмъ Распутинъ неоднократно говорилъ Импера-

рицѣ: «меня не будетъ — Васъ всѣхъ не будетъ». Это я слышалъ еще до убійства Распутина.

* * *

Относительно шпіонажа Петроградъ былъ полонъ слухами.

Еще въ іюлѣ 1914 года, въ дни мобилизаціи, разсказывали про одну графиню съ нѣмецкой фамиліей, что ее поймали съ поличнымъ.

Одинъ гвардейскій кавалерійскій офицеръ, въ этотъ періодъ, послалъ на телеграфъ для отправки своей матери въ деревню такую телеграмму: «Сегодня съ полкомъ отправляюсь на фронтъ Вильно. Въ Петербургѣ ничего новаго, только графиню Х. повѣсили».

Эту телеграмму, какъ содержащую данныя о сосредоточеніи, прислали съ телеграфа въ военное министерство.

Впослѣдствіи, когда эта же графиня появилась въ Зимнемъ Дворцѣ шить бѣлье на армію, то среди дамъ поднялся настоящій бунтъ и было сдѣлано заявленіе, чтобы «шпіонку» во дворецъ не пускали.

Насколько правъ былъ въ данномъ случаѣ «гласъ народа» осталось не выясненнымъ, но германская шпіонская организація, вообще, работала великолѣпно.

Многое, что говорилось и дѣлалось въ центральныхъ управленіяхъ въ Петроградѣ, и многія распоряженія высшихъ штабовъ доходили до нѣмцевъ скорѣй, чѣмъ до нашихъ войскъ, до которыхъ они относились.

Извѣстны случаи, когда на германскихъ позиціяхъ выставлялись плакаты, въ которыхъ сообщалось о предстоящемъ передвиженіи частей, стоявшихъ передъ нѣмцами. И дѣйствительно, черезъ день — два, такое распоряженіе получалось.

Впослѣдствіи выяснилось, что германцы дѣйствительно были хорошо освѣдомлены не только о томъ, что дѣлается у насъ на фронтѣ, но и въ глубокомъ тылу.

Виновны, конечно, были въ этомъ прежде всего сами русскіе. Ужъ очень любимъ мы дѣлиться всякими новостями, не соображаясь съ ихъ секретнымъ характеромъ, ни гдѣ и съ кѣмъ говориться!

Къ сожалѣнію, кромѣ мелкихъ агентовъ, никакую серьезную шпіонскую организацію открыть не удавалось.

Слухъ о казни полковника Мясоѣдова, обвинявшагося въ шпіонствѣ, быстро распространился, и общество было довольно, что наконецъ пойманъ и казненъ не мелкій агентъ, а крупный шпіонъ.

* * *

Начавшееся слѣдствіе о дѣятельности бывшаго военнаго министра Сухомлинова взволновало всѣхъ. Обвинялся онъ въ шпіонажѣ, въ бездѣйствіи власти, вслѣдствіе чего армія оказалась не снабженной ко времени войны всѣмъ необходимымъ, и во взяточничествѣ.

Противники Сухомлинова, добивавшіеся его смѣщенія и назначенія слѣдствія, радовались, что послѣднее имъ удалось.

Но громадное большинство общества испытывало крайне сложное чувство. Съ одной стороны было вполнѣ правильно и необходимо, если военный министръ оказался предателемъ и преступникомъ, его судить со всей строгостью закона.

Но, съ другой стороны, невольно являлось сомнѣніе въ справедливости предъявляемыхъ обвиненій.

Было просто невѣроятно допустить мысль, что умный человѣкъ, считавшійся всегда однимъ изъ лучшихъ офицеровъ русскаго генеральнаго штаба, георгіевскій кавалеръ, генералъ-адъютантъ, военный министръ — могъ оказаться предателемъ родины.

Что касается другихъ обвиненій, если отбросить первое, то многимъ казалось, что лучше было бы, отчисливъ его отъ должности, отложить дѣло до окончанія войны, а не подымать его въ разгаръ европейской борьбы. Отложить его до тѣхъ поръ, когда можно было бы, при болѣе спокойной обстановкѣ, обслѣдовать его болѣе внимательно и болѣе основательно.

Многіе считали, что обвиненіе Сухомлинова является позоромъ не только для него, но и для Россіи, которая могла дать такого военнаго министра.

Но о преступленіяхъ Сухомлинова слишкомъ много и громко кричали и Государь призналъ необходимымъ пойти въ этомъ отношеніи на уступку отдѣльнымъ лицамъ и общественнымъ группамъ, настаивавшимъ на преданіи Сухомлинова суду, и приказалъ начать слѣдствіе.

Что касается лично меня, хорошо знавшаго генерала Сухомлинова, то я не допускалъ и не допускаю мысли въ справедливости обвиненія его въ шпіонажѣ, въ способствованіи нашимъ врагамъ. Это, впрочемъ, было впослѣдствіи признано и судомъ.

По этому вопросу я допускаю другое.

Въ гостиную дома генерала Сухомлинова попасть было очень легко. И дѣйствительно, кто только тамъ не бывалъ. Вполнѣ возможно, что могли попасть и люди, которые интересовались узнать непосредственно отъ военнаго министра, или близкихъ къ нему лицъ, какія либо новости и воспользоваться ими во вредъ Россіи.

Что касается второго обвиненія — бездѣйствія власти, то если въ этомъ разобраться внимательно и добросовѣстно, — врядъ ли подобное обвиненіе справедливо.

Вѣдь надо признать, что въ смыслѣ подготовки къ войнѣ, за періодъ съ 1908 года, т. е. за шесть лѣтъ (изъ нихъ Сухомлиновъ военнымъ министромъ былъ пять лѣтъ) сдѣлано столько — сколько не было сдѣлано за всѣ предыдущіе двадцать лѣтъ.

Могутъ сказать, что надо было сдѣлать еще больше; надо было добиться, чтобы наша промышленность была подготовлена къ снабженію арміи во время войны; надо было принять мѣры, чтобы армія не ощущала недостатка въ винтовкахъ, орудіяхъ, снарядахъ....

Да, конечно, все это надо было сдѣлать; особенно послѣднее.

Но надо учесть и то, что никто не предвидѣлъ такого расхода въ огнестрѣльныхъ припасахъ и винтовкахъ, который оказался въ дѣйствительности; никто не предвидѣлъ, что война приметъ такой затяжной и позиціонный характеръ.

Военный министръ, конечно, во всемъ этомъ виновенъ. Но виновны, одинаково съ нимъ, и бывшіе начальники генеральнаго штаба, виновны генералъ-инспекторъ артиллеріи и начальникъ главнаго артиллерійскаго управленія.

Если за это долженъ былъ сѣсть на скамью подсудимыхъ военный министръ, то надо было привлечь къ судебной отвѣтственности и тѣхъ, на непосредственной обязанности коихъ (и это было установлено закономъ) лежало опредѣленіе нормъ запасовъ и ихъ заготовленіе.

Но, думаю, что если бъ допустить, что всѣ эти лица были на высотѣ положенія, если бъ они правильно разсчитали и опредѣлили потребность арміи, то и тогда это не было бы выполнено.

Не было бы выполнено потому, что на это потребовались бы громадные расходы, на покрытіе которыхъ не могли быть отпущены изъ государственнаго казначейства необходимые кредиты.

Сухомлинова можно и должно обвинить въ томъ, что онъ не умѣлъ быть настойчивымъ, не умѣлъ ставить вопросы ребромъ; повидимому слишкомъ держался онъ за свое мѣсто и слишкомъ легко мѣнялъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, смѣна коихъ приносила безусловный ущербъ дѣлу.

Наконецъ, по вопросу о взяточничествѣ судъ не нашелъ подтверждающихъ вину обстоятельствъ.

* * *

23 августа/5 сентября 1915 года Государь Императоръ принялъ на себя обязанности Верховнаго Главнокомандующаго и на должность начальника своего штаба назначилъ генерала Алексѣева.

Къ зимѣ 1915 года наступленіе противника на всемъ фронтѣ было остановлено.

Снабженіе арміи всѣмъ необходимымъ налаживалось и была увѣренность, что къ началу весны 1916 года арміи, обезпеченныя снарядами, будутъ готовы къ переходу въ наступленіе.

Но, наряду съ успѣшной работой по усиленію снабженія арміи, очень много говорилось о злоупотребленіяхъ,

какъ со стороны органовъ, дающихъ заказы, такъ и со стороны поставщиковъ.

Была провѣрена дѣятельность фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ, получившихъ заказы. Дѣйствительно выяснилось, что нѣкоторые предприниматели получили заказы, которые они выполнить не могутъ. Доказать, что въ этихъ случаяхъ были какія либо преднамѣренно преступныя дѣянія со стороны чиновъ главныхъ довольствующихъ управленій, обязанныхъ слѣдить за тѣмъ, чтобы заказы давались въ вѣрныя руки и исполненіе заказовъ было обезпечено, — было невозможно. Чувствовалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ проявленіе злой воли, но формально все было обставлено правильно.

Пришлось ограничиться отчисленіемъ отъ должностей нѣсколькихъ лицъ, причастныхъ къ поставкамъ.

Въ февралѣ 1916 года я получилъ свѣдѣнія, что на одномъ изъ крупныхъ заводовъ около Петрограда служитъ какой то господинъ, получающій на заводѣ небольшое жалованіе, но фактически играющій тамъ видную роль и что, будто бы, только при его посредствѣ заводъ получаетъ крупные заказы отъ главнаго артиллерійскаго управленія; что этотъ господинъ за эти заказы, яко бы, получаетъ отъ 2 до 3 процентовъ съ суммы заказа.

Это сообщеніе казалось настолько неправдоподобнымъ, что я сначала на него не обратилъ вниманія, тѣмъ болѣе, что мнѣ не могли назвать фамилію этого господина.

Но затѣмъ эти же свѣдѣнія дошли до меня изъ нѣсколькихъ другихъ источниковъ и была названа фамилія этого служащаго.

Посовѣтовавшись съ главнымъ военнымъ прокуроромъ, я возбудилъ вопросъ о назначеніи въ мое распоряженіе опытнаго гражданскаго слѣдователя для разбора подобныхъ дѣлъ.

Въ мое распоряженіе министромъ юстиціи былъ назначенъ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ. Ему я и поручилъ обслѣдовать полученныя свѣдѣнія.

Проходитъ недѣли двѣ. На одномъ изъ докладовъ слѣдователь мнѣ говоритъ, что ничего опредѣленнаго онъ

выяснить не можетъ; слуховъ много, но фактовъ нѣтъ. По его мнѣнію нужно было бы произвести обыскъ на квартирѣ этого служащаго на заводѣ.

— «Если же ничего не найду, то возможенъ скандалъ. Поэтому прошу Вашего указанія — рискнуть мнѣ на производство этого обыска или нѣтъ» — добавилъ слѣдователь.

Я отвѣтилъ, что разъ другого средства провѣрить поступающія свѣдѣнія нѣтъ, то надо произвести обыскъ.

Дня черезъ два слѣдователь приходитъ ко мнѣ и докладываетъ:

— «Въ ночь на сегодня я обыскъ произвелъ. Этотъ господинъ былъ дома и былъ очень взволнованъ моимъ налетомъ. Я ничего пока не нашелъ. Но картина все же очень странная.

Квартира маленькая; очень бѣдно, нищенски обставлена.

Въ письменномъ столѣ я нашелъ не уплаченные счета прачкѣ, портному, въ лавочку. Но въ одномъ изъ ящиковъ того же стола оказалось болѣе 200.000 рублей и чековая книжка одного изъ здѣшнихъ банковъ. Этотъ господинъ и бѣденъ и богатъ. Но больше, повторяю, ничего не нашелъ. Всѣ письма оказавшіяся въ ящикахъ письменнаго стола, я взялъ на просмотръ; пришелъ Вамъ доложить пока объ этомъ и сейчасъ иду заканчивать просмотръ писемъ».

На другой день слѣдователь мнѣ доложилъ, что найденныя деньги врядъ ли помогутъ что либо открыть, такъ какъ, по объясненію администраціи завода, это деньги заводскія, предназначенныя для расплаты съ поставщиками на заводъ различныхъ матеріаловъ; что они положены на имя служащаго, которому заводъ довѣряетъ, и проведены по конторскимъ заводскимъ книгамъ.

— «Но я все же кое что нашелъ» — сказалъ слѣдователь.

— «Что же именно?»

— «Среди писемъ оказалось одно очень интересное. Авторъ этого письма напоминаетъ господину, у котораго былъ произведенъ обыскъ, что съ послѣдняго онъ долженъ полу-

чить, какъ было условлено, 80.000 рублей, за то, что онъ былъ введенъ въ одинъ домъ (указана извѣстная въ Петроградѣ фамилія), гдѣ онъ можетъ встрѣчаться съ лицами, съ которыми можетъ вступить въ дѣловыя сношенія.

Далѣе авторъ письма указываетъ, что уже два мѣсяца прошло со дня, когда указанный господинъ былъ введенъ въ этотъ домъ, но что онъ не только не уплачиваетъ условленной суммы, но и не отвѣчаетъ на письма и уклоняется отъ встрѣчи.

Затѣмъ слѣдуетъ угроза, что если деньги не будутъ внесены, то онъ откроетъ, кому слѣдуетъ, всѣ махинаціи этого господина. Свою фамилію авторъ письма подписалъ четко и указалъ даже свой адресъ».

— «Ну вотъ и отлично. Вызывайте автора этого письма и приступайте къ слѣдствію».

— «А Вы не боитесь, что въ это дѣло могутъ оказаться замѣшанными очень крупныя лица и, въ результатѣ, мы съ Вами попадемъ въ грязную исторію?»

Я отвѣтилъ слѣдователю, чтобы онъ, прежде всего, вызвалъ автора этого письма, допросилъ его, а что затѣмъ все дѣло будемъ докладывать военному министру.

Авторъ письма на допросѣ подтвердилъ все, что имъ было написано и далъ цѣлый рядъ новыхъ существенныхъ показаній.

Получалось дѣйствительно очень серьезное дѣло; мошенничество велось въ очень крупномъ масштабѣ и были, повидимому замѣшаны довольно крупныя лица.

Военный министръ далъ указаніе, не трогая пока главныхъ лицъ, вести слѣдствіе такъ, чтобы первоначально выяснить всю картину мошеннической махинаціи. Затѣмъ, когда эта часть слѣдствія будетъ закончена, то доложить все Государю и, послѣ доклада, привлечь къ слѣдствію главныхъ дѣятелей.

Дѣло дальше пошло обычнымъ порядкомъ, но слѣдствіе нѣсколько затянулось, такъ какъ дѣйствовать надо было осторожно, чтобы не спугнуть главныхъ виновниковъ.

Въ теченіе февраля и марта военный министръ нѣс-

колько разъ мнѣ говорилъ, что онъ чувствуетъ, что отношеніе къ нему Государя мѣняется.

Дѣйствительно внезапно въ концѣ марта 1916 года генералъ Поливановъ былъ освобожденъ отъ должности военнаго министра; вмѣсто него былъ назначенъ главный интендантъ, генералъ Шуваевъ.

Пріѣхавшій изъ Ставки генералъ Шуваевъ вызвалъ меня къ себѣ и, когда я пришелъ, началъ съ разсказа о томъ, какъ онъ совершенно неожиданно для него попалъ на должность военнаго министра; что онъ просилъ его не назначать, но что Государь категорически сказалъ, что отказываться онъ не можетъ.

Затѣмъ новый министръ сказалъ мнѣ, что знаетъ о томъ, что я неоднократно просился на фронтъ и что, если я не раздумалъ, то мнѣ могутъ дать дивизію или корпусъ.

Я на это отвѣтилъ, что, такъ какъ я дивизіей не командовалъ, то прошу дать мнѣ именно дивизію и я съ наслажденіемъ уѣду на фронтъ отъ тѣхъ гадостей и мерзостей, которыя дѣлаются въ тылу.

Въ тотъ же день я послалъ телеграмму начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ просьбой дать мнѣ дивизію на юго-западномъ фронтѣ, съ которымъ я хорошо знакомъ.

На другой же день я получилъ отвѣтъ съ предложеніемъ принять одну изъ трехъ дивизій, начальники коихъ получали новыя назначенія.

Я выбралъ тридцать вторую пѣхотную дивизію.

На мое мѣсто, помощникомъ военнаго министра по части снабженія арміи, былъ назначенъ членъ Государственнаго Совѣта и сенаторъ Гаринъ.

Воспользовавшись нѣсколькими свободными днями, я составилъ и приказалъ отпечатать въ нѣсколькихъ экземплярахъ подробную записку, въ которой изложилъ главнѣйшія недоразумѣнія въ связи со снабженіемъ арміи, а также исторію послѣдняго незаконченнаго слѣдствія.

Въ Петроградѣ эту записку я передалъ военному министру и моему замѣстителю.

Сенаторъ Гаринъ, ознакомившись съ моей запиской, мнѣ сказалъ:

— «Все знакомыя лица. Вѣдь Ваше разслѣдованіе начинается, въ сущности говоря, съ того мѣста, на которомъ я, послѣ японской войны, принужденъ былъ прекратить свою сенаторскую ревизію о дѣятельности главнаго артиллерійскаго управленія.
но сломаешь шею».

Я просто не знаю, что теперь и дѣлать. Тутъ навѣр-

Я на это отвѣтилъ, что это ужъ его дѣло и дѣло новаго министра.

3 апрѣля 1916 года состоялся приказъ о моемъ назначеніи начальникомъ 32 пѣхотной дивизіи.

Я немедленно выѣхалъ къ мѣсту моей новой службы, но по дорогѣ заѣхалъ въ Ставку.

Копіи записки, переданной генералу Шуваеву и сенатору Гарину, я передалъ въ Ставкѣ генералу Алексѣеву и Дежурному Генералу. Сдѣлалъ я это съ тѣмъ, чтобы какъ нибудь записка не затерялась.

Впослѣдствіи, уже будучи генералъ-квартирмейстромъ Верховнаго Главнокомандующаго, я спросилъ генерала Шуваева о судьбѣ моей записки, переданной ему и его помощнику.

Генералъ Шуваевъ отвѣтилъ, что, послѣ обсужденія поднятаго мною дѣла съ сенаторомъ Гаринымъ, они рѣшили ему хода не давать.

Опасеніе сенатора Гарина, повидимому, нашло откликъ у генерала Шуваева...

ГЛАВА IV.

Изъ Ставки я проѣхалъ въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ находился въ то время штабъ IX-й арміи.

При представленіи командующему арміей, генералу Лечицкому, я узналъ, что, приблизительно черезъ мѣсяцъ, предположенъ переходъ въ наступленіе и что на мою дивизію, вѣроятно, будетъ возложена серьезная задача.

Фронтъ IX-й арміи почти совпадалъ съ государственной границей между Россіей и Австро-Венгріей. Лѣвымъ своимъ флангомъ армія примыкала къ Румынской границѣ.

32-я пѣхотная дивизія, которую я принялъ, стояла на позиціи верстахъ въ 20 къ сѣверу отъ Румынской границы.

Какъ я узналъ отъ командира XI-го армейскаго корпуса, въ составъ котораго входила моя дивизія, на нашъ корпусъ будетъ возложенъ прорывъ австрійской позиціи и что мѣсто прорыва выбирается особо назначенными офицерами генеральнаго штаба и артиллеристами, производящими подробную рекогносцировку позиціи.

Въ двадцатыхъ числахъ (по старому стилю) апрѣля участокъ позиціи, который былъ намѣченъ для прорыва, былъ выбранъ и XI-й корпусъ былъ переведенъ на позицію противъ этого участка.

Выбранный для прорыва участокъ представлялъ изъ себя куртину между двумя очень сильно укрѣпленными высотами.

Съ точки зрѣнія тактики атаковать этотъ участокъ казалось безумiемъ, ибо мы могли попасть въ клещи, не взявъ сильныхъ опорныхъ пунктовъ, бывшихъ на флангахъ выбраннаго участка.

На выборѣ же его настояли артиллеристы (главнымъ образомъ полковникъ Кирѣй), такъ какъ противъ него, на нашей сторонѣ, были превосходные наблюдательные пункты, дававшіе возможность видѣть не только позицію противника, но и ея тылы. А такъ какъ для этой операціи предположено было сосредоточить къ участку атаки значительную тяжелую артиллерію, то и рѣшили, что успѣхъ будетъ тамъ, гдѣ будетъ возможность въ полной мѣрѣ воспользоваться силой артиллерійскаго огня.

Атака позиціи противника первоначально предполагалась не позже 2/15 мая, но затѣмъ была отложена вслѣдствіе неготовности на другихъ фронтахъ.

Между тѣмъ положеніе итальянцевъ было очень тяжелое и союзное командованіе настаивало на скорѣйшемъ переходѣ къ активнымъ дѣйствіямъ на русскомъ фронтѣ.

Отъ начальника штаба IX-й арміи, генерала Санникова, я узналъ, что Ставкой нмѣченъ слѣдующій планъ дѣйствій:

Въ день, который будетъ сообщенъ по телеграфу, должна быть произведена атака непріятельской позиціи: на фронтѣ IX-й арміи на участкѣ между Днѣстромъ и Румынской границей и на фронтѣ VIII-й арміи на Луцкомъ направленіи. Затѣмъ, черезъ 4—5 дней, нѣсколько сѣвернѣй Луцка, на юго-западномъ же фронтѣ, будетъ произведена атака позицій противника довольно сильной группой войскъ тамъ сосредоточенной. Еще черезъ нѣсколько дней будетъ произведена главная атака непріятельскихъ позицій на западномъ фронтѣ, гдѣ, для этой цѣли, сосредоточены большія силы и главная масса имѣвшейся у насъ тяжелой артиллеріи.

Задача IX-й арміи сводилась къ тому, чтобы удержать передъ собой всѣ находящіяся передъ фронтомъ арміи австро-венгерскія части, а если возможно, то заставить противника еще усилить свои части на этомъ фронтѣ.

Задача сѣверной группы юго-западнаго фронта заключалась въ томъ, чтобы дѣйствіями въ направленіи на Львовъ заставить командованіе австро-венгерскими, а главнымъ образомъ, германскими войсками, для спасенія положенія на этомъ направленіи, снять часть войскъ съ позицій, находящихся противъ войскъ нашего западнаго фронта, послѣ чего нанести рѣшительный ударъ на участкѣ западнаго фронта (къ западу отъ Молодечно).

Главный ударъ на фронтѣ IX-й арміи долженъ былъ быть произведенъ, на участкѣ позиціи нѣсколько къ югу отъ Днѣстра, 32-й пѣхотной дивизіей, на фронтѣ которой была сосредоточена почти вся тяжелая артиллерія, бывшая въ распоряженіи командующаго арміей.

Одновременно съ атакой моей дивизіи мои сосѣди, находившіеся сѣвернѣй меня (11-ая пѣхотная и Заамурская дивизіи) должны были попытаться занять первую линію укрѣпленій противника.

За моей дивизіей, какъ ея ближайшій резервъ, находилась 19-ая пѣхотная дивизія; а какъ общій резервъ за Заамурской, 11-й, 32-й и 19-й пѣхотными дивизіями находились 12-я пѣхотная дивизія, Текинскій конный полкъ и Донская казачья дивизія.

18/31 мая командиръ XI-го корпуса, генералъ графъ Баранцевъ, получилъ приказаніе атаковать 22 мая/4 іюня.

Командиръ корпуса немедленно собралъ совѣщаніе, на которое были приглашены начальники дивизій съ ихъ начальниками штабовъ и старшіе артиллерійскіе начальники.

Цѣль совѣщанія была окончательно договориться относительно деталей атаки.

На этомъ совѣщаніи начальникъ 19-й пѣхотной дивизіи, генералъ Н., выступилъ съ рѣзкой критикой намѣченнаго плана атаки. Онъ доказывалъ, что просто безумье атаковать куртину позиціи, имѣющую на флангахъ сильно укрѣпленные опорные пункты. Онъ говорилъ, что, въ лучшемъ случаѣ, намъ удастся занять участокъ позиціи, намѣченный для атаки, но что затѣмъ части войскъ его за-

нявшія — будутъ просто уничтожены. Что вся эта операція можетъ закончиться катастрофой.

Генералъ Н. настаивалъ на томъ, чтобы планъ атаки былъ измѣненъ и атаковался бы одинъ изъ опорныхъ пунктовъ.

Послѣ долгихъ споровъ и доказательствъ, что послѣ произведенной уже подготовки атаки (въ смыслѣ размѣщенія артиллеріи, выбора и устройства наблюдательныхъ пунктовъ и сближенія съ противникомъ) мѣнять планъ нельзя, ибо, прежде всего, нѣтъ времени,—было рѣшено въ планѣ атаки ничего не мѣнять.

Начальникъ 19-й пѣхотной дивизіи, послѣ этого, передалъ командиру XI-го корпуса какой то пакетъ, сказавъ: «Дабы въ будущемъ остался для исторіи слѣдъ, что я предупреждалъ о невозможности рѣшаться на такую безумную атаку, я, въ представляемой Вамъ запискѣ, излагаю то, что я имѣлъ честь докладывать на словахъ».

За два дня до атаки у генерала Н. пошли, кажется, камни печенью и онъ подалъ рапортъ о болѣзни. 19-я пѣх. дивизія, какъ мой ближайшій резервъ, была подчинена мнѣ.

22-го мая съ разсвѣтомъ началась артиллерійская подготовка. Ровно въ 12 часовъ дня 32-я пѣх. дивизія и сосѣдній къ сѣверу отъ дивизіи Якутскій полкъ 11-й пѣх. дивизіи поднялись съ окоповъ и пошли въ атаку.

Всѣ три линіи окоповъ противника были заняты и уже черезъ часъ стали прибывать плѣнные; всѣ австрійцы, оставшіеся въ живыхъ на участкѣ атаки, сдались въ плѣнъ.

Въ этотъ же день Заамурской дивизіи удалось прорвать позицію противника и занять укрѣпленный замокъ около с. Окно.

Австро-венгерское командованіе къ мѣсту прорыва бросило всѣ свои резервы, бывшіе передъ фронтомъ IX-й арміи.

Съ 23-го мая/5-го іюня противъ нашихъ войскъ, прорвавшихъ непріятельскую позицію, начались контръ-атаки. Онѣ продолжались 23/5, 24/6 и 25/7 мая-іюня.

Я ввелъ въ дѣло почти полностью 19-ю пѣх. дивизію. Всѣ контръ-атаки отбивались и 25 мая/7 іюня я сталъ вытягивать въ резервъ все, что было можно, дабы привести въ порядокъ сильно перемѣшавшіяся части войскъ.

Помню очень красивую контръ-атаку, которую повела 25 мая/7 іюня бригада венгерской пѣхоты.

Бригада пятью цѣпями вышла изъ лѣса.

Командиръ бригады, въ сопровожденіи адъютанта, проскакалъ передъ фронтомъ бригады, указалъ шашкой направленіе движенія, подъѣхалъ къ холму съ крестомъ, спѣшился, сѣлъ около креста и въ бинокль сталъ разсматривать нашу позицію.

Его бригада ровнымъ шагомъ, совершенно открыто, не залегая, пошла въ атаку.

Я приказалъ сосредоточить по этой бригадѣ огонь не только полевой, но и тяжелой артиллеріи.

Видно было какъ снаряды стали обсыпать наступающихъ; цѣпи рѣдѣли, но шли.

Но вотъ цѣпи наступающихъ дрогнули, стали сбиваться въ кучи и, черезъ нѣсколько минутъ, все побѣжало въ разныя стороны. Спаслось не много, а на мѣстѣ боя, на холмѣ около креста, продолжалъ сидѣть командиръ бригады.

Ко мнѣ подошелъ руководившій артиллерійской подготовкой полковникъ Кирѣй.

— «Не прикажете ли дать двѣ очереди шрапнелей по холму съ крестомъ?»

Я отвѣтилъ: «нѣтъ — не надо».

Командиръ бригады поднялся и медленно пошелъ пѣшкомъ по направленію къ лѣсу...

Въ этотъ же день, передъ самымъ заходомъ солнца, пришлось наблюдать исключительную для позиціонной войны картину.

Въ трубу я замѣтилъ накапливаніе за заводомъ, бывшемъ на окраинѣ селенія Добранаузцы, какихъ то всадниковъ. Я просто не повѣрилъ глазамъ: неужели готовится конная атака.

Попросилъ посмотрѣть въ трубу полковника Кирѣя.

Онъ подтвердилъ, что за заводомъ дѣйствительно накапливается кавалерія.

Предупредили нѣсколько полевыхъ батарей.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ за завода выскочили два эскадрона и карьеромъ пошли на наши передовыя части.

Послѣ нѣсколькихъ очередей шрапнелью эскадроны укрылись въ лощинѣ; затѣмъ опять появились и, будучи вновь обсыпаны шрапнелью, — разсыпались въ разныя стороны.

Это была послѣдняя контръ-атака австрійцевъ.

Съ нашей стороны въ дѣло была введена 12-я пѣхотная дивизія съ Текинскимъ конным полкомъ.

Къ 28 мая/10 іюня были взяты опорные пункты, бывшіе передъ фронтомъ моей и 11-й пѣх. дивизій, и австро-венгерцы въ безпорядкѣ стали отступать.

32-я пѣх. дивизія была двинута на Черновцы.

4/17 іюня штурмомъ было взято предмостное укрѣпленіе у Черновцевъ (Зучка), а 5/18 іюня были заняты Черновцы.

Противникъ отступалъ по всему фронту IX-й арміи.

На Луцкомъ направленіи 4-я стрѣлковая дивизія, подъ начальствомъ генерала Деникина, 23 мая/5 іюня также прорвала фронтъ противника и съ громаднымъ успѣхомъ продвигалась впередъ.

Къ 1/14 іюня опредѣлился крупный успѣхъ почти по всему юго-западному фронту.

Австро-венгерская армія опять была сломлена и стала отступать, оказывая очень слабое сопротивленіе.

Задача, возложенная Ставкою на юго-западный фронтъ не только была выполнена, но успѣхъ здѣсь достигнутый превзошелъ всѣ ожиданія.

Итальянская армія была спасена. Атаки австро-венгерской арміи на ея фронтѣ прекратились и корпуса австро-венгерской арміи съ Итальянскаго фронта стали спѣшно перебрасываться противъ нашего юго-западнаго фронта, чтобы возстановить уже почти не существующій восточный фронтъ.

Германское главнокомандованіе, отлично сознавая, что австро-венгерскія арміи не будутъ въ силахъ остановить наступленіе армій генерала Брусилова, принуждено было вновь спасать положеніе своей союзницы и стало спѣшно перебрасывать на фронтъ противъ армій генерала Брусилова сначала отдѣльные полки, которые вкраплива-лись среди австро-венгерскихъ войскъ, а затѣмъ дивизіи и цѣлые корпуса.

На фронтѣ IX-й арміи германскія части стали появляться съ 20-хъ чиселъ іюня/первыхъ чиселъ іюля. Сопротивленіе противника не только стало усиливаться, но мѣстами онъ сталъ переходить въ контръ наступленіе.

IX-я армія дошла своимъ правымъ флангомъ до Станиславова, лѣвымъ, занявъ Буковину, втягивалась въ Карпаты.

Но потери арміи были очень большія; потери солдатъ пополнялись изъ запасныхъ батальоновъ; потери же въ офицерскомъ составѣ почти не пополнялись.

Въ моей дивизіи въ ротахъ оставалось по 1, по 2 офицера.

Мы изнемогали, истекали кровью, но получали приказаніе идти впередъ.

Ясно было, что первоначальный планъ Ставки былъ измѣненъ. Мы ничего не слышали объ активныхъ дѣйствіяхъ западнаго фронта, а наоборотъ получались свѣдѣнія объ упорныхъ бояхъ, которыя развивались на правомъ флангѣ юго-западнаго фронта, къ которому подвозились корпуса съ западнаго фронта.

Мы, въ IX арміи, не понимали, что происходитъ. Усилили и насъ, но было уже поздно. Наше наступленіе въ серединѣ іюня захлестнулось и началась опять позиціонная борьба.

Уже позже, будучи начальникомъ штаба X-й арміи и генералъ-квартирмейстеромъ Верховнаго Главнокомандующаго, я узналъ, что за нѣсколько дней до назначенной атаки позицій противника на западномъ фронтѣ, главнокомандующій фронтомъ, генералъ Эвертъ, сообщилъ по прямому проводу начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующа-

го генералу Алексѣеву, что позиціи противника чрезвычайно сильны, что тяжелой артиллеріи, назначенной въ его распоряженіе, совершенно не достаточно, что за успѣхъ онъ не ручается, что онъ проситъ отложить переходъ въ наступленіе до болѣе благопріятнаго времени — когда его еще усилятъ тяжелой артиллеріей.

Прося объ этомъ доложить Верховному Главнокомандующему, генералъ Эвертъ добавилъ, что если переходъ въ наступленіе не будетъ отмѣненъ, то онъ слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія, которыя могутъ произойти.

Къ этому времени сталъ опредѣляться совершенно неожиданный крупный успѣхъ на юго-западномъ фронтѣ.

Генералъ Алексѣевъ доложилъ обстановку Государю Императору и было рѣшено отъ предполагавшагося и уже подготовленнаго главнаго удара на участкѣ западнаго фронта отказаться и начать переброску корпусовъ съ этого фронта на юго-западный для развитія достигнутаго тамъ успѣха, а также намѣчено было развить активныя дѣйствія на южномъ участкѣ западнаго фронта, примыкавшемъ къ юго-западному фронту.

На это рѣшеніе, повидимому, до нѣкоторой степени повліяли и переговоры съ Румыніей, которая соглашалась на выступленіе противъ Германіи при непремѣнномъ условіи усиленія ея войскъ нѣсколькими русскими корпусами. А снять эти корпуса можно было лишь съ западнаго фронта — при условіи отказа отъ перехода въ наступленіе на этомъ фронтѣ.

Что же въ результатѣ получилось?

Германцы, обладая несравненно болѣе мощными желѣзными дорогами, сумѣли гораздо скорѣе насъ подвезти свои корпуса къ угрожаемымъ пунктамъ на нашемъ юго-западномъ фронтѣ и къ концу іюля захватили иниціативу въ свои руки; уже намъ пришлось, не думая о нанесеніи сильнаго удара противнику, парировать его удары, которые онъ началъ наносить въ различныхъ мѣстахъ.

Войска юго-западнаго фронта, начавъ наступленіе съ громаднымъ успѣхомъ и не поддержанныя своевременно,

что называется, выдохлись, потеряли порывъ впередъ и постепенно стали окапываться и переходить къ занятію новыхъ укрѣпленныхъ позицій.

Германія вновь спасла Австро-Венгрію, но и войска центральныхъ державъ, отбивъ наши атаки и задержавъ наше наступленіе, также не могли развить дальнѣйшихъ активныхъ дѣйствій и стали спѣшно устраивать укрѣпленныя позиціи противъ армій юго-западнаго фронта.

Къ осени бои по всему фронту замерли и стало ясно, что новыя крупныя операціи могутъ возобновиться лишь съ весны 1917 года.

Такимъ образомъ хорошо задуманная и блестяще начатая операція — была сорвана изъ за колебанія главнокомандующаго западнаго фронта въ возможности выполнить возложенную на него задачу и въ неумѣніи штаба Верховнаго Главнокомандующаго настоять на невозможности мѣнять принятое рѣшеніе въ то время, когда операціи на юго-западномъ фронтѣ, связанныя съ задачей, возложенной на западный фронтъ, уже начались.

Хотя, какъ я уже отмѣтилъ, успѣхи юго-западнаго фронта въ теченіе лѣта 1916 года спасли итальянскую армію, но, въ общемъ итогѣ, они не достигли тѣхъ результатовъ, которые были бы достигнуты — если бы задуманная операція была доведена до конца.

Неудача операціи лѣта 1916 года имѣла своимъ послѣдствіемъ не только то, что этимъ затягивалась вся кампанія, но кровопролитные бои этого періода очень дурно отразились и на моральномъ состояніи войскъ.

Послѣ неудачъ 1915 года русская армія, хотя и понесла очень большія потери и принуждена была отойти по всему фронту, но морально армія не была побѣждена.

Всѣ неудачи объяснялись исключительно недостатками матеріальной части и армія, приведенная въ порядокъ, пополненная и снабженная боевыми припасами, вѣрила въ себя — была увѣрена въ побѣдѣ надъ врагомъ.

Страшно упорные и кровопролитные бои на юго-западномъ фронтѣ ни къ какимъ существеннымъ результатамъ не привели.

Потери въ офицерскомъ составѣ были очень велики.

Начался третій годъ кампаніи, предвидѣлась третья тяжелая зима въ окопахъ.

У многихъ закрадывалось сомнѣніе въ конечномъ успѣхѣ, котораго не могли добиться уже и при наличіи снарядовъ и тяжелой артиллеріи.

Замѣчалось переутомленіе даже среди лучшихъ строевыхъ штабъ-офицеровъ. Очень многіе, даже георгіевскіе кавалеры, старались устроиться гдѣ нибудь въ тылу на болѣе спокойныхъ мѣстахъ, а не оставаться на зиму въ окопахъ.

Пришлось принимать рядъ мѣръ, чтобы пресѣчь уходъ изъ строя въ тылъ.

Укомплектованія, прибывавшія къ концу лѣта 1916 года изъ запасныхъ батальоновъ, по своимъ моральнымъ качествамъ, были много хуже всѣхъ предыдущихъ.

Ясно чувствовалось, что въ тылу, въ запасныхъ батальонахъ, начинается пропаганда противъ продолженія войны.

Къ осени 1916 года и въ нѣкоторыхъ корпусахъ, бывшихъ на фронтѣ, открыты были случаи пропаганды противъ командnаго состава и за прекращеніе войны; было нѣсколько случаевъ неисполненія отдѣльными ротами и батальонами боевыхъ приказовъ.

Конечный неуспѣхъ лѣтней кампаніи 1916 года произошелъ въ значительной степени и изъ за недостатка техническихъ средствъ.

Конечно главнокомандующій западнаго фронта виновенъ въ томъ, что онъ, уже въ періодъ начавшейся операціи на юго-западномъ фронтѣ и лишь за нѣсколько дней до начала возложенной на него операціи, выразилъ сомнѣніе въ возможности достигнуть успѣхъ, но этого не случилось бы — если бъ въ его распоряженіи были дѣйствительно достаточныя техническія средства.

Громадныя потери на юго-западномъ фронтѣ и неуспѣхъ операцій на сѣверныхъ участкахъ этого фронта также объясняются недостаткомъ артиллеріи и неимѣніемъ танковъ.

Артиллерія противника, по своей силѣ, часто превосходила нашу и войска бросались въ атаку на проволочныя загражденія, которыя не были предварительно разрушены.

На своихъ заводахъ мы не могли приготовить танки (было изготовлено всего 12 штукъ машинъ, жалкихъ подобій на танки, которыя оказались въ бою не годными) и не могли дать арміи достаточнаго числа батарей тяжелой артиллеріи.

Нельзя не упрекнуть нашихъ союзниковъ въ томъ, что они намъ не прислали къ лѣту 1916 года нѣкотораго количества танковъ и не приняли достаточныхъ мѣръ для лучшаго снабженія насъ вообще техническими средствами въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости.

Если бъ къ лѣту 1916 года у насъ были достаточныя техническія средства, то результаты боевъ были бы совершенно иные, а это, конечно, отразилось бы и на фронтахъ нашихъ союзниковъ.

* * *

Осень 1916 года застала меня съ дивизіей въ Карпатахъ.

1/4 октября я получилъ предложеніе принять должность начальника штаба X-й арміи (на западномъ фронтѣ) и, сдавъ дивизію, немедленно выѣхалъ въ Молодечно (къ западу отъ Минска), гдѣ находился штабъ арміи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда къ новому мѣсту службы я былъ вызванъ въ Минскъ въ штабъ фронта.

Начальникъ штаба фронта сказалъ, что необходимо срочно подготовить всѣ необходимыя соображенія по двумъ операціямъ.

Первая намѣченная операція должна была состояться зимой, съ цѣлью выравнить и улучшить положеніе нашего фронта къ югу отъ озера Нарочъ. Вторая же крупная операція намѣчалась весной 1917 года; предположено было въ раіонѣ Сморгони и къ югу сосредоточить до 14 корпусовъ съ цѣлью прорвать фронтъ противника и первоначально выдвинуться къ Вильно.

На меня возлагалось порученіе не только составить соображенія по тактической подготовкѣ обѣихъ операцій, но и представить подробно разработанный планъ по подготовкѣ и оборудованію тыла для второй крупной операціи.

Что касается первой небольшой операціи, то, насколько мнѣ было извѣстно, эти соображенія составлялись уже неоднократно и имѣлись въ штабѣ фронта.

Что же касается большой операціи, то она, въ сущности говоря, была та-же операція отъ приведенія въ исполненіе которой, весной 1916 года, отказался главнокомандующій западнымъ фронтомъ. Слѣдовательно и по этой операціи всѣ необходимыя данныя должны были находиться въ штабѣ фронта.

Я сомнѣвался, что Ставка найдетъ возможнымъ, къ веснѣ 1917 года, собрать такой большой кулакъ въ раіонѣ западнаго фронта.

Поэтому я выразилъ сомнѣніе въ цѣлесообразности выполнять такую громадную работу, которая будетъ носить чисто академическій характеръ; будетъ являться, почти полностью, повтореніемъ прежнихъ работъ и врядъ ли въ дѣйствительности будетъ осуществлена.

Но отъ имени главнокомандующаго, я получилъ приказаніе приступить къ работѣ и выполнить ее въ полномъ объемѣ.

Вернувшись въ Молодечно, я доложилъ обо всемъ командующему X-й арміи генералу Цурикову и просилъ его разрѣшить мнѣ, прежде чѣмъ я приступлю къ работѣ, объѣхать весь фронтъ арміи и ознакомиться съ позиціями противника.

Получивъ разрѣшеніе, я приступилъ къ объѣзду и изученію фронта.

При объѣздѣ фронта арміи я обратилъ вниманіе на рядъ неправильностей и недочетовъ, которые требовали измѣненій.

Прежде всего, по сравненію съ тѣмъ, что было въ IX-й арміи, меня поразило слишкомъ большое удаленіе штабовъ корпусовъ отъ позицій.

Одинъ корпусный командиръ, устроившись въ отличномъ помѣщичьемъ домѣ, даже выписалъ свою жену и жилъ совсѣмъ въ обстановкѣ мирнаго времени.

Въ полкахъ, стоявшихъ на позиціяхъ, было много больныхъ цынгой; врачи объясняли это климатическими условіями и сыростью въ окопахъ.

Между тѣмъ въ IX-й арміи, гдѣ весной и осенью войска на позиціяхъ были въ отвратительныхъ условіяхъ, случаевъ заболѣванія цынгой не было. Конечно здѣсь должна была играть роль разница въ климатѣ, но мнѣ казалось, что должна быть и какая нибудь другая непосредственная причина.

Находясь на позиціяхъ, я выяснилъ, что горячую пищу къ позиціямъ подвозятъ только послѣ захода солнца съ наступленіемъ темноты, такъ какъ днемъ, изъ за артиллерійскаго огня противника, подвезти походныя кухни къ позиціямъ не представлялось возможнымъ.

Въ роты пища попадала часто къ 9—10 часамъ вечера, когда многіе солдаты уже ложились спать и не хотѣли ѣсть.

Выяснилось, что громадный процентъ солдатъ горячей пищей совершенно не пользуется.

Доктора, съ которыми я переговорилъ, согласились, что это и есть главная причина развитія цынги.

Если бы на фронтѣ IX-й арміи командующій арміей, генералъ Лечицкій, узналъ, что въ какомъ нибудь полку на позиціяхъ люди не получаютъ горячей пищи, то и командиръ полка и начальникъ дивизіи были бы немедленно смѣщены. Даже во время боевъ въ Карпатахъ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, при первой къ тому возможности, доставляли горячую пищу днемъ въ самыя передовыя части. Было установлено, какъ правило, что кухни должны устраиваться возможно ближе къ позиціямъ и тамъ, гдѣ горячую пищу подвезти къ позиціямъ было нельзя, — она подносилась въ особыхъ герметически закрываемыхъ ящикахъ (1 —2 ведра), обмотанныхъ жгутами изъ соломы и обшитыхъ сукномъ. Эти ящики, какъ ранцы, надѣвались на солдатъ, которые и доставляли ихъ, куда надо, причемъ,

съ такимъ ранцемъ на спинѣ, несущій его солдатъ мотъ, если можно, пробираться хоть ползкомъ.

* * *

Въ концѣ октябрѣ ко мнѣ пришелъ представитель при X-й арміи всероссійскаго земскаго союза, В. В. Вырубовъ, и спросилъ правда ли, что отъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго получено распоряженіе о принятіи мѣръ къ сокращенію или прекращенію дѣятельности на фронтѣ земскаго союза.

Дѣйствительно отъ генерала Алексѣева, черезъ штабъ фронта, было получено приказаніе, въ которомъ указывалось, что влѣдствіе поступающихъ свѣдѣній о томъ, что многими учрежденіями всероссійскаго земскаго союза ведется революціонная пропаганда, необходимо установить за этими учрежденіями самое строгое наблюденіе; въ случаѣ открытія фактовъ, подтверждающихъ эти свѣдѣнія, не останавливаться передъ закрытіемъ дѣятельности этихъ учрежденій и немедленно принять вообще мѣры къ сокращенію дѣятельности земскаго союза въ раіонахъ расположенія войскъ.

Это требованіе, въ части касающейся «сокращенія дѣятельности» привести въ исполненіе было просто не возможно, такъ какъ нельзя было закрывать санитарно-медицинскія учрежденія (лазареты, передовые и дезинфекціонные отряды, бани), рядъ питательныхъ пунктовъ и организацію по тыловымъ позиціоннымъ работамъ.

Уже былъ посланъ отвѣтъ, что это требованіе, въ смыслѣ сильнаго сокращенія учрежденій земскаго союза, привести въ исполненіе нельзя; что если будутъ выясняться случаи революціонной пропаганды, то виновные будутъ немедленно привлекаться къ отвѣтственности по законамъ военнаго времени; что будетъ лишь закрыта часть питательныхъ пунктовъ и чайныхъ.

Я сказалъ В. В. Вырубову, что такого категорическаго приказанія о прекращеніи или сокращеніи дѣятельности всероссійскаго земскаго союза не получалось. А что нѣкоторое сокращеніе питательныхъ пунктовъ и чайныхъ без-

условно необходимо, о чемъ я еще раньше съ нимъ говорилъ.

* * *

Въ октябрѣ до насъ дошли слухи, что начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ Алексѣевъ, серьезно заболѣлъ и временно будетъ замѣщенъ генераломъ Васильемъ Іосифовичемъ Гурко.

Во время одной изъ моихъ поѣздокъ на фронтъ, если не ошибаюсь 20 октября/2 ноября, я получилъ изъ Ставки, за подписью генерала Гурко, телеграмму съ предложеніемъ срочно пріѣхать въ Могилевъ.

На другой же день я выѣхалъ изъ Молодечно.

Пріѣхавъ въ Могилевъ, прямо съ вокзала, въ 8 часовъ утра я поѣхалъ въ штабъ.

Генералъ Гурко меня сейчасъ же принялъ и предложилъ мнѣ принять должность генералъ-квартирмейстера Верховнаго Главнокомандующаго.

Я отвѣтилъ, что мнѣ нужно прежде всего знать извѣстно ли о томъ, что мнѣ предлагается эта должность генералу Алексѣеву, съ которымъ мнѣ придется, въ случаѣ его выздоровленія, продолжать совмѣстную службу.

Генералъ Гурко мнѣ отвѣтилъ, что генералу Алексѣеву это извѣстно и что Государю Императору онъ также докладывалъ о моемъ предполагаемомъ назначеніи; что Его Величество согласенъ и что онъ, генералъ Гурко, представитъ меня Государю въ это же утро, передъ своимъ докладомъ о положеніи дѣлъ на фронтѣ.

Разговаривать больше не приходилось и я поблагодарилъ за сдѣланное мнѣ предложеніе.

Послѣ представленія Государю я попросилъ разрѣшеніе у генерала Гурко вернуться въ штабъ X-й арміи, сдать дѣла генералъ-квартирмейстеру штаба арміи и взять свои вещи.

Получивъ разрѣшеніе, я, въ тотъ же день, выѣхалъ въ Молодечно; черезъ нѣсколько дней, вернувшись въ Могилевъ, принялъ должность генералъ-квартирмейстера Верховнаго Главнокомандующаго.

Съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю совмѣстную службу съ генераломъ Гурко.

Онъ поразительно быстро схватывалъ суть дѣла, давалъ всегда вполнѣ опредѣленныя и ясныя указанія. При этомъ онъ не вмѣшивался въ мелочи и, въ предѣлахъ поставленной задачи, предоставлялъ своимъ ближайшимъ помощникамъ вполнѣ самостоятельно вести работу.

Кромѣ того, онъ всегда вызывалъ своихъ помощниковъ на проявленіе ими личной иниціативы и если вновь высказываемую мысль или замѣчаніе противъ указанія, даваемаго генераломъ Гурко, докладчикъ умѣлъ правильно и обоснованно подтвердить, то онъ соглашался и никогда не упорствовалъ на своемъ первоначальномъ указаніи.

* * *

Къ осени 1916 года въ число воюющихъ державъ вступила Румынія.

Но армія ея оказалась настолько слабой и неподготовленной къ войнѣ, такъ плохо снабженной матеріально, что вступленіе Румыніи не усилило нашъ фронтъ, а ослабило.

Намъ пришлось создать новый Румынскій фронтъ и сосредоточить тамъ три арміи.

На образованіе этого фронта пришлось снять корпуса съ другихъ фронтовъ и, въ результатѣ, сильно увеличивъ нашъ общій фронтъ, мы были лишены возможности сосредоточить на какомъ либо опредѣленномъ направленіи большія силы, сильный кулакъ.

* * *

Кромѣ значительной текущей работы по оперативной части, генералъ-квартирмейстерская часть была занята подготовкой къ конференціи съ представителями союзнаго командованія, ожидавшейся въ Петроградѣ въ январѣ 1917 года, и къ подготовкѣ крупныхъ операцій, намѣчавшихся весною 1917 года.

Неуспѣхъ русскихъ армій въ 1915 году естественно нарушилъ согласованность дѣйствій съ нашими союзниками.

Кампанію 1916 г., если бы она была обдумана совмѣст-

но между нашимъ и французскимъ главнокомандованіями, вѣроятно, можно было провести болѣе цѣлесообразно. Правда, какъ мною уже указывалось, успѣхи юго-западнаго фронта и угроза нашего вторженія на территорію Австро-Венгріи спасли въ 1916 году Италію, но недостаточная продуманность операцій на нашемъ фронтѣ и несогласованность ихъ съ операціями на англо-французскомъ фронтѣ, дали возможность германскому командованію еще разъ спасти отъ разгрома австро-венгерскую армію, остановить наше наступленіе и, къ концу кампаніи 1916 года, захвативъ иниціативу въ свои руки, — создать серьезную угрозу нашему лѣвому флангу на Румынскомъ фронтѣ.

Послѣднее заставило насъ направить на югъ все, что было возможно и отказаться отъ какихъ либо маломальски серьезныхъ активныхъ операцій на всемъ остальномъ фронтѣ.

Французское главное командованіе совершенно правильно оцѣнивало обстановку и настаивало на томъ, чтобы были выработаны основанія для полной согласованности въ дѣйствіяхъ на всѣхъ фронтахъ: англо-французскомъ, итальянскомъ и русскомъ.

Были предположенія о возможности признать французское главное командованіе за Верховное и ему подчинить дѣйствія на всѣхъ фронтахъ.

Противъ этого предположенія были возраженія въ томъ смыслѣ, что французское главное командованіе, находясь слишкомъ далеко и фактически лишенное возможности быть въ курсѣ всего происходящаго на русскомъ фронтѣ, не будетъ въ силахъ принимать всегда правильныя рѣшенія, а ошибочныя рѣшенія могутъ повлечь за собой катастрофическія послѣдствія.

Но не отрицая необходимости строго обдумать и согласовать планъ кампаніи 1917 года, на которую надѣялись какъ на рѣшающую всю войну, русское Верховное командованіе придавало ожидавшейся конференціи союзниковъ чрезвычайно серьезное значеніе. Надѣялись, что будетъ вы-

работанъ общій планъ дѣйствій и согласовано время для начала общихъ операцій.

* * *

Для серьезной операціи въ кампанію 1917 года требовалось образовать по меньшей мѣрѣ двѣ сильныхъ группы, которыя могли бы, прорвавъ фронтъ противника, развить наступленіе. Затѣмъ необходимо было снять изъ окоповъ часть кавалеріи (стоявшей въ окопахъ на пассивныхъ участкахъ), дабы послѣ прорывовъ позицій противника, ее употребить для развитія достигнутыхъ успѣховъ.

Между тѣмъ всѣ главнокомандующіе фронтами, указывая на особое значеніе въ стратегическомъ отношеніи именно ихъ фронтовъ, ходатайствовали объ усиленіи ихъ войскъ въ случаѣ возложенія на нихъ активныхъ задачъ и протестовали противъ дальнѣйшаго ихъ ослабленія для усиленія другихъ фронтовъ, указывая, что, въ противномъ случаѣ, при переходѣ противника въ наступленіе, — они не ручаются за возможность удержать свои позиціи.

Вслѣдствіе всего этого пришлось подумать о необходимости срочно увеличить армію и создать значительное число новыхъ дивизій и артиллерійскихъ бригадъ, выдѣливъ необходимые кадры изъ дѣйствующихъ частей.

Эти новыя пѣхотныя дивизіи, естественно, не могли быть особенно прочными и надежными въ боевомъ отношеніи, но признавалось, что на второстепенныхъ, пассивныхъ участкахъ, въ укрѣпленіяхъ и при поддержкѣ достаточно сильной артиллеріи, они свою задачу выполнятъ.

Созданіе же новыхъ дивизій давало возможность произвести на фронтѣ необходимую перегруппировку и выдѣлить достаточно сильныя группы для активной кампаніи 1917 года.

Но намѣченная и начавшая проводиться въ жизнь мѣра по увеличенію арміи, не давала возможности начать операціи въ 1917 году ранней весной.

Нужно было время не только на созданіе новыхъ частей, а и на нѣкоторое ихъ обученіе и спайку.

* * *

Въ началѣ декабря 1916 года поступили свѣдѣнія, что Германія предлагаетъ державамъ Согласія вступить въ переговоры о мирѣ.

Это предложеніе нами и нашими союзниками было отвергнуто.

Германія уже сознавала, что дальнѣйшее продолженіе войны не дастъ ей не только полной побѣды, но можетъ повести къ пораженію.

Въ отвѣтъ на это предложеніе Германіи вступить въ переговоры о мирѣ, Государемъ былъ отданъ слѣдующій приказъ:

Приказъ Государя Императора по арміи и флоту

12/25 декабря 1916 года.

Среди глубокаго мира, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, Германія, втайнѣ издавна подготовлявшаяся къ порабощенію всѣхъ народовъ Европы, внезапно напала на Россію и ея вѣрную союзницу Францію, что вынудило Англію присоединиться къ намъ и принять участіе въ борьбѣ. Проявленное Германіей полное пренебреженіе къ основамъ международнаго права, выразившееся въ нарушеніи нейтралитета Бельгіи, и безжалостная жестокость германцевъ въ отношеніи мирнаго населенія въ захваченныхъ ими областяхъ понемногу объединили противъ Германіи и ея союзницы Австріи всѣ великія державы Европы.

Подъ натискомъ германскихъ войскъ, до чрезвычайности сильныхъ своими техническими средствами, Россія, равно какъ и Франція, вынуждены были въ первый годъ войны уступить врагу часть своихъ предѣловъ, но эта временная неудача не сломила духа ни нашихъ вѣрныхъ союзниковъ, ни въ васъ, доблестныя войска Мои. А тѣмъ временемъ, путемъ напряженія всѣхъ силъ государства, разница въ нашихъ и германскихъ техническихъ средствахъ постепенно сглаживалась. Но еще задолго до этого времени, еще съ осени минувшаго 1915 года, врагъ нашъ уже не могъ овладѣть ни единой пядью Русской земли, а весной и лѣ-

томъ текущаго года испыталъ рядъ жестокихъ пораженій и перешелъ на всемъ нашемъ фронтѣ отъ нападенія къ оборонѣ.

Силы его, видимо, истощаются, а мощь Россіи и ея доблестныхъ союзниковъ продолжаетъ неуклонно расти. Германія чувствуетъ, что близокъ часъ ея окончательнаго пораженія, близокъ часъ возмездія за всѣ содѣянныя ею правонарушенія и жестокости. И вотъ — подобно тому, какъ во время превосходства въ своихъ боевыхъ силахъ надъ силами своихъ сосѣдей Германія внезапно объявила имъ войну, такъ теперь, чувствуя свое ослабленіе, она внезапно предлагаетъ объединившимся противъ нея въ одно неразрывное цѣлое союзнымъ державамъ вступить въ переговоры о мирѣ. Естественно желаетъ она начать эти переговоры до полнаго выясненія степени ея слабости, до окончательной потери ея боеспособности. При этомъ она стремится для созданія ложнаго представленія о крѣпости ея арміи использовать свой временный успѣхъ надъ Румыніей, не успѣвшей еще пріобрѣсти боевого опыта въ современномъ веденіи войны. Но если Германія имѣла возможность объявить войну и напасть на Россію и ея союзницу Францію въ наиболѣе неблагопріятное для нихъ время, то нынѣ окрѣпшія за время войны союзницы, среди коихъ теперь находится могущественнѣйшая Англія и благородная Италія, въ свою очередь имѣютъ возможность приступить къ мирнымъ переговорамъ въ то время, которое онѣ сочтутъ для себя благопріятнымъ. Время это еще не наступило, врагъ еще не изгнанъ изъ захваченныхъ имъ областей. Достиженіе Россіей созданныхъ войною задачъ, обладаніе Царьградомъ и проливами, равно какъ созданіе свободной Польши изъ всѣхъ трехъ ея нынѣ разрозненныхъ областей еще не обезпечено. Заключить нынѣ миръ значило бы не использовать плодовъ несказанныхъ трудовъ вашихъ, геройскія русскія войска и флотъ.

Труды эти, а тѣмъ болѣе священная память погибшихъ на поляхъ доблестныхъ сыновъ Россіи не до-

пускаютъ и мысли о мирѣ до окончательной побѣды надъ врагомъ, дерзнувшимъ мыслить, что если отъ него зависѣло начать войну, то отъ него же зависитъ въ любое время ее окончить.

Я не сомнѣваюсь, что всякій вѣрный сынъ Святой Руси, какъ съ оружіемъ въ рукахъ вступившій въ ряды славныхъ моихъ войскъ, такъ равно и работающій внутри страны на усиленіе ея боевой мощи или творящій свой мирный трудъ, проникнутъ сознаніемъ, что миръ можетъ быть данъ врагу лишь послѣ изгнанія его изъ нашихъ предѣловъ, только тогда, когда окончательно сломленный, онъ дастъ намъ и нашимъ вѣрнымъ союзникамъ прочныя доказательства невозможности повторенія предательскаго нападенія и твердую увѣренность, что самой силою вещей онъ вынужденъ будетъ къ сохраненію тѣхъ обязательствъ, которыя онъ на себя приметъ по мирному договору.

Будемъ же непоколебимы въ увѣренности въ нашей побѣдѣ и Всевышній благословитъ наши знамена, покроетъ ихъ вновь неувядаемой славой и даруетъ намъ миръ достойный вашихъ геройскихъ подвиговъ, славныя войска Мои, миръ, за который грядущія поколѣнія будутъ благословять вашу священную для нихъ память.

Николай.

Этотъ приказъ и по слогу и по характеру изложенія совершено не подходитъ къ обыкновеннымъ Высочайшимъ приказамъ, но составитель его, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, Генералъ Гурко, руководствуясь общими указаніями Государя, хотѣлъ ясно и полно указать причины, по которымъ, въ этотъ періодъ, нельзя было и думать о какомъ либо мирѣ съ Германіей.

Надо было учесть, что въ нѣкоторыхъ частяхъ уже чувствовалось утомленіе войной и въ тылу все болѣе и болѣе развивалась пропаганда за прекращеніе борьбы.

Обращаетъ на себя вниманіе въ приказѣ указаніе о созданіи послѣ войны свободной Польши.

Это заявленіе, отъ Царскаго имени, было сдѣлано впервые.

Объ этомъ, повидимому многіе забыли, такъ какъ въ прессѣ неоднократно дѣлались указанія, что о созданіи свободной Польши было заявлено впервые Временнымъ правительствомъ послѣ мартовской революціи.

* * *

Въ связи съ данными объ усиленіи пропаганды за прекращеніе войны, которая по имѣвшимся свѣдѣніямъ велась главнымъ образомъ германскими шпіонскими организаціями, начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генералъ Алексѣевъ, еще лѣтомъ 1916 года испросилъ Высочайшее соизволеніе на предоставленіе ему права производить необходимыя разслѣдованія не только въ районѣ, подвѣдомственномъ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго, но и въ глубокомъ тылу, гдѣ, по положенію, дѣйствовали органы, подвѣдомственные министрамъ.

Основаніемъ для испрошенія подобнаго права послужили слѣдующіе мотивы:

Нѣкоторыя дѣла о шпіонажѣ, возникшія на фронтѣ, указывали на непосредственную ихъ связь съ дѣятельностью шпіонскихъ организацій въ глубокомъ тылу. Опытъ показалъ, что передача веденія дѣлъ по тылу другимъ слѣдственнымъ органамъ, не подчиненнымъ Ставкѣ, нарушала цѣльность работы и, по мнѣнію генерала Алексѣева, вредно отражалась на ходѣ всего слѣдственнаго производства.

Кромѣ того, по свѣдѣніямъ, имѣвшимся у генерала Алексѣева, въ тылу начала развиваться преступная дѣятельность спекулянтовъ, работавшихъ явно во вредъ арміи. Были даже свѣдѣнія, что нѣкоторые спекулянты находились въ связи съ германскими агентами.

Генералъ Алексѣевъ рѣшилъ, подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ, разоблачить дѣятельность нѣсколькихъ такихъ господъ и судить ихъ по законамъ военнаго времени.

Въ распоряженіи генерала Алексѣева была слѣдственная комиссія генерала Батюшина, которому генералъ Алексѣевъ вполнѣ довѣрялъ.

Эта комиссія работала на сѣверномъ фронтѣ и въ своемъ составѣ имѣла нѣсколькихъ очень опытныхъ лицъ (въ ея же составѣ, какъ потомъ выяснилось, были и очень вредные элементы).

Генералъ Алексѣевъ давалъ отдѣльныя порученія генералу Батюшину, который ему же представлялъ отчетъ о дѣятельности своей комиссіи по выполненію возложенныхъ на нее задачъ.

Въ бытность мою генералъ-квартирмейстеромъ, во время болѣзни и отсутствія изъ Ставки генерала Алексѣева, генералъ Батюшинъ занимался разслѣдованіемъ двухъ дѣлъ, о которыхъ осенью и зимой 1916 года очень много говорили вездѣ — и на фронтѣ и въ тылу.

Первое дѣло касалось дѣятельности одного довольно извѣстнаго въ Петроградѣ банковаго дѣятеля Р[illegible].

Онъ обвинялся въ злостной спекуляціи, которая вредитъ арміи, и были свѣдѣнія, что онъ своей дѣятельностью способствуетъ нашимъ врагамъ.

Другое дѣло касалось группы сахарозаводчиковъ юго-западнаго края, получившихъ разрѣшеніе на вывозъ сахара въ предѣлы Персіи (г-да Д. Б. и Г.).

Во время войны курсъ нашего рубля въ Персіи катастрофически падалъ. Единственной дѣйствительной мѣрой, чтобы его поднять, казалась отправка въ предѣлы Персіи достаточнаго количества сахара.

Сахаръ было разрѣшено отправить нѣсколькимъ сахарозаводчикамъ юго-западнаго края. Отправлено сахара было много, но это нисколько не измѣнило курса нашего рубля.

При разслѣдованіи этого вопроса, получились данныя, что сахаръ черезъ таможни въ Персіи прошелъ въ сравительно незначительномъ количествѣ, а остальной сахаръ куда то исчезъ.

Затѣмъ были получены свѣдѣнія, что значительное количество сахара выгружалось на другихъ станціяхъ Закавказской желѣзной дороги и переотправлялось въ Персію черезъ границу внѣ таможенныхъ постовъ. На персидскомъ рынкѣ сахаръ появлялся въ очень незначительномъ

количествѣ. Изъ Персіи же были получены свѣдѣнія, что русскій сахаръ, въ очень большомъ количествѣ, проходитъ черезъ Персію только транзитнымъ путемъ, а, попадая въ Турцію, — направляется въ Германію.

Оба дѣла возбудили очень большой шумъ. Лица, къ коимъ были предъявлены обвиненія, были арестованы. Но, въ концѣ декабря 1916 года, послѣ усиленныхъ ходатайствъ за обвиняемыхъ сахарозаводчиковъ съѣздомъ сахарозаводчиковъ юго-западнаго края, доказывавшимъ полную неосновательность предъявленныхъ обвиненій, и послѣ ходатайствъ различныхъ лицъ за банкира Р., — послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи ихъ изъ подъ ареста и прекращеніи о нихъ дѣлъ въ порядкѣ военнаго судопроизводства.

* * *

Въ связи съ подготовкой къ активнымъ операціямъ весной 1917 года и необходимостью принять рѣшеніе о выборѣ направленія главнаго удара, а также для выработки необходимыхъ данныхъ для обсужденія ихъ съ представителями союзнаго командованія на предстоявшей конференціи, на 17/30 декабря 1916 года въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго были вызваны главнокомандующіе Сѣвернаго, Западнаго, Юго-Западнаго и Румынскаго (помощникъ главнокомандующаго) фронтовъ съ ихъ начальниками штабовъ.

Засѣданія состоялись 17/30 и 18/31 декабря подъ предсѣдательствомъ Государя Императора.

Главный ударъ рѣшено было нанести на юго-западномъ фронтѣ. На этомъ фронтѣ остановились вслѣдствіе того, что, по климатическимъ условіямъ, тамъ можно было начать операціи раньше, чѣмъ на западномъ и сѣверномъ фронтахъ, позиціи противника тамъ были болѣе слабыя и разсчитывали, что на этомъ фронтѣ, послѣ прорыва позиціи противника, можно будетъ достичь болѣе рѣшительныхъ результатовъ.

Послѣ успѣха на юго-западномъ фронтѣ намѣчено было перейти въ наступленіе и на другихъ фронтахъ.

* * *

18/31 декабря была получена въ Ставкѣ телеграмма объ убійствѣ Распутина.

Долженъ констатировать, что всѣ въ Ставкѣ встрѣтили эту вѣсть радостно. «Наконецъ то избавились отъ Распутина» — таковъ былъ общій голосъ.

Государь 18/31 декабря выѣхалъ въ Царское Село.

Съ этого времени мы всѣ жили въ какой то напряженной атмосферѣ. Чувствовалось, что надвигаются какія то событія.

Продолжительное отсутствіе изъ Ставки Государя, хотя на фронтѣ было сравнительно спокойно, создавало ненормальное положеніе вещей и всѣхъ нервировало.

Циркулировали упорные слухи, что Государь въ Ставку не вернется и состоится назначеніе новаго главнокомандующаго. Говорили о возможности назначенія Великаго Князя Николая Николаевича.

* * *

Въ концѣ декабря въ Ставку пріѣхалъ помощникъ военнаго министра генералъ Бѣляевъ. Онъ мнѣ сказалъ, что ему стало очень трудно работать совмѣстно съ генераломъ Шуваевымъ и что онъ рѣшилъ просить о назначеніи его въ строй. Что Государь уже выразилъ на это согласіе, а пока на него возложено особое порученіе, связанное съ поѣздкой въ Румынію. Что онъ пріѣхалъ въ Ставку получить необходимыя справки и затѣмъ отправится въ Яссы.

Нужныя справки ему были даны и онъ, на другой же день, уѣхалъ.

Вслѣдъ за его отъѣздомъ была получена телеграмма изъ Петрограда объ освобожденіи генерала Шуваева отъ должности военнаго министра.

Нѣсколько позже была получена вторая телеграмма о томъ, что Государь приказалъ вернуть съ дороги генерала Бѣляева и передать ему, чтобы онъ срочно прибылъ въ Петроградъ.

Для насъ стало ясно, что генералъ Бѣляевъ предназначается на постъ военнаго министра.

Генералу Бѣляеву была послана телеграмма и черезъ два дня онъ былъ въ Могилевѣ по пути въ Петроградъ.

Съ дороги онъ прислалъ телеграмму, прося меня пріѣхать на вокзалъ къ поѣзду.

Онъ, прежде всего, спросилъ, нѣтъ ли какихъ либо данныхъ, объясняющихъ причину его вызова въ Петроградъ. Я отвѣтилъ, что все совершенно ясно и что ему предложено будетъ быть военнымъ министромъ.

Онъ тогда меня спросилъ, не соглашусь ли я быть его помощникомъ, если его назначеніе дѣйствительно осуществится. Я категорически отказался, сказавъ, что съ меня достаточно и того, что я уже испыталъ въ положеніи помощника военнаго министра.

Черезъ два дня была получена изъ Петрограда телеграмма о назначеніи генерала Бѣляева военнымъ министромъ.

Повидимому причина замѣны генерала Шуваева генераломъ Бѣляевымъ заключалась въ томъ, что при Дворѣ не считали генерала Шуваева достаточно рѣшительнымъ, а напряженное состояніе послѣ убійства Распутина и ожиданіе какихъ то новыхъ осложненій, заставляло подумать о назначеніи на должность военнаго министра человѣка, въ энергію котораго вѣрили и который могъ бы, въ случаѣ надобности, сохранить порядокъ въ тылу и пресѣчь всякія попытки его нарушенія.

Генералъ Бѣляевъ былъ до этого времени представителемъ военнаго вѣдомства въ комитетѣ, гдѣ предсѣдательницей была Императрица Александра Федоровна и пользовался полнымъ ея довѣріемъ.

* * *

Свѣдѣнія, приходившія изъ Севастополя о состояніи здоровья генерала Алексѣева давали основаніе предполагать, что онъ не вернется на должность начальника штаба.

Но, около середины — конца февраля была получена телеграмма, что генералъ Алексѣевъ возвращается.

Вернулся онъ въ Ставку, если не ошибаюсь, 18 февраля / 3 марта 1917 года.

Вслѣдъ за нимъ, 24 февраля/9 марта, вернулся въ Ставку Государь Императоръ.

ГЛАВА V.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТЪ.

Вернувшійся изъ Крыма генералъ Алексѣевъ чувствовалъ себя очень слабымъ и мы совѣтывали ему себя не переутомлять и позволить ему докладывать лишь наиболѣе серьезные вопросы.

Но онъ насъ не послушалъ и немедленно взвалилъ на себя всю огромную текущую работу, знакомясь подробно, одновременно съ этимъ, со всей перепиской по штабу, бывшей во время его отсутствія.

Черезъ нѣсколько дней это отразилось на его здоровіи; и появилась еще большая слабость и повышенная температура.

Доктора потребовали, чтобы онъ въ теченіе дня лежалъ нѣсколько часовъ.

25 февраля/10 марта была получена изъ Петрограда телеграмма отъ военнаго министра, генерала Бѣляева, что на заводахъ въ Петроградѣ объявлена забастовка и что среди рабочихъ, на почвѣ недостатка въ столицѣ продовольственныхъ продуктовъ, начинаются безпорядки. Въ телеграммѣ было добавлено, что мѣры къ прекращенію безпорядковъ приняты и что ничего серьезнаго нѣтъ.

Въ тотъ же день была получена вторая телеграмма отъ генерала Бѣляева, въ которой сообщалось, что рабочіе на улицахъ поютъ революціонныя пѣсни, выкидываютъ красные флаги и что движеніе разростается. Заканчивалась телеграмма указаніемъ, что къ 26 февраля/11 марта безпорядки будутъ прекращены.

26 февраля/11 марта генералъ Бѣляевъ и главный начальникъ Петроградскаго военнаго округа, генералъ Хабаловъ, уже доносили, что нѣкоторыя изъ войсковыхъ частей, вызванныхъ для прекращенія безпорядковъ, отказываются употреблять оружіе противъ толпы и переходятъ на сторону бунтующихъ рабочихъ и черни, которая начинаетъ присоединяться къ рабочимъ.

Генералъ Бѣляевъ продолжалъ успокаивать, сообщая, что всѣ мѣры для прекращенія безпорядковъ приняты и что онъ увѣренъ, что они будутъ подавлены.

Генералъ Хабаловъ сообщалъ болѣе тревожныя данныя и просилъ о присылкѣ подкрѣпленій, указывая на ненадежность Петроградскаго гарнизона.

Предсѣдатель Государственной Думы, М. В. Родзянко, прислалъ очень тревожную телеграмму, указывая, что начинаются въ войскахъ аресты офицеровъ, что войска переходятъ на сторону рабочихъ и черни, что положеніе крайне серьезно и что необходима присылка въ Петроградъ надежныхъ частей.

Генералъ Алексѣевъ, послѣ доклада Государю Императору, послалъ телеграммы главнокомандующимъ Сѣвернаго и Западнаго фронтовъ съ указаніемъ немедленно приготовить для отправки въ Петроградъ по одной бригадѣ пѣхоты съ артиллеріей и по одной бригадѣ конницы. Было указано поставить во главѣ отправляемыхъ бригадъ энергичныхъ генераловъ.

26 февраля/11 марта вечеромъ и утромъ 27 февраля/12 марта были получены телеграммы отъ предсѣдателя Государственной Думы на имя Государя Императора, въ которыхъ, въ очень мрачныхъ краскахъ, описывалось происходившее въ Петроградѣ и указывалось, что единственный способъ прервать революцію и водворить порядокъ — это

немедленно уволить въ отставку всѣхъ министровъ, объявить манифестомъ, что кабинетъ министровъ будетъ отвѣтственнъ передъ Государственной Думой и поручить сформированіе новаго кабинета министровъ какому либо лицу, пользующемуся довѣріемъ общественнаго мнѣнія.

Генералъ Алексѣевъ доложилъ эти телеграммы Государю, который приказалъ вызвать генералъ-адъютанта Иванова *) и поручить ему отправиться въ Петроградъ и принять руководство подавленіемъ мятежа.

Приказано было съ генераломъ Ивановымъ послать какую нибудь надежную часть.

Генералъ Алексѣевъ вызвалъ генерала Иванова, передалъ ему приказаніе Государя и сказалъ, что вмѣстѣ съ нимъ будетъ отправленъ изъ Могилева Георгіевскій батальонъ.

Насколько не придавалось серьезнаго значенія происходившему въ Петроградѣ показываетъ то, что съ отправкой войскъ съ сѣвернаго и западнаго фронтовъ не торопились.

Что касается генерала Иванова, то и онъ, повидимому, считалъ, что все закончится скоро и мирно, такъ какъ поручилъ своему адъютанту купить въ Могилевѣ провизію, которую собирался отвезти своимъ знакомымъ въ Петроградѣ.

27 февраля/12 марта, около двѣнадцати часовъ, генерала Алексѣева вызвалъ къ прямому проводу Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Великій Князь сообщилъ генералу Алексѣеву тѣ же данныя, которыя были изложены въ телеграммахъ предсѣдателя Государственной Думы, и просилъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго немедленно доложить Государю, что и онъ считаетъ единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія — срочно распустить нынѣшній составъ Совѣта Министровъ, объявить о согласіи создать отвѣтственное передъ Государственной Думой правительство и поручить сформировать новый кабинетъ министровъ или

*) Жилъ въ Могилевѣ.

предсѣдателю всероссійскаго земскаго союза князю Львову, или предсѣдателю Государственной Думы Родзянко.

Генералъ Алексѣевъ пошелъ съ докладомъ къ Государю Императору.

Государь выслушалъ и сказалъ начальнику штаба, чтобы онъ передалъ Великому Князю, что Государь его благодаритъ за совѣтъ, но что онъ самъ знаетъ, какъ надо поступить.

Вслѣдъ за этимъ была получена новая телеграмма — отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ.

Князь Голицынъ, указывая, что событія принимаютъ катастрофическій оборотъ, умолялъ Государя немедленно уволить въ отставку Совѣтъ Министровъ. Онъ указывалъ, что вообще существующій составъ министровъ теперь оставаться у власти не можетъ, а нахожденіе въ его составѣ Протопопова вызываетъ общее негодованіе и возмущеніе. Что для спасенія положенія и даже для спасенія династіи Государю необходимо немедленно пойти на уступку общественному мнѣнію и поручить составить новый кабинетъ министровъ, отвѣтственный передъ законодательными палатами, или князю Львову или Родзянко.

Генералъ Алексѣевъ хотѣлъ эту телеграмму послать съ офицеромъ для передачи ее Государю черезъ дежурнаго флигель-адъютанта. Но я сказалъ генералу Алексѣеву, что положеніе слишкомъ серьезно и надо ему идти самому; что, по моему мнѣнію, мы здѣсь не отдаемъ себѣ достаточнаго отчета въ томъ, что дѣлается въ Петроградѣ; что, повидимому, единственный выходъ — это поступить такъ, какъ рекомендуетъ Родзянко, Великій Князь и князь Голицынъ; что онъ, генералъ Алексѣевъ, долженъ уговорить Государя.

Генералъ Алексѣевъ пошелъ.

Вернувшись минутъ черезъ десять, онъ мнѣ сказалъ, что Государь остался очень недоволенъ содержаніемъ телеграммы князя Голицына и сказалъ, что самъ составитъ отвѣтъ.

— «Но Вы пробовали уговорить Государя согласиться на просьбу пресѣдателя Совѣта Министровъ.

Вы сказали, что и Вы раздѣляете ту же точку зрѣнія?»

— «Государь со мной просто не хотѣлъ и говорить.

Я чувствую себя плохо и сейчасъ прилягу. Если Государь пришлетъ какой нибудь отвѣтъ — сейчасъ же придите мнѣ сказать».

Дѣйствительно у генерала Алексѣева температура была болѣе 39 градусовъ.

Часа черезъ два ко мнѣ въ кабинетъ прибѣжалъ дежурный офицеръ и сказалъ, что въ наше помѣщеніе идетъ Государь.

Я пошелъ на встрѣчу.

Спускаясь съ лѣстницы, я увидѣлъ Государя уже на первой площадкѣ.

Его Величество спросилъ меня: «Гдѣ генералъ Алексѣевъ?»

— «Онъ у себя въ комнатѣ; чувствуетъ себя плохо и прилегъ.

Прошу Васъ Ваше Императорское Величество пройти въ Вашъ кабинетъ, а я сейчасъ позову генерала Алексѣева».

— «Нѣтъ не надо. Сейчасъ же передайте генералу Алексѣеву эту телеграмму и скажите, что я прошу ее немедленно передать по прямому проводу. При этомъ скажите, что это мое окончательное рѣшеніе, которое я не измѣню, а потому безполезно мнѣ докладывать еще что либо по этому вопросу».

Передавъ мнѣ, какъ теперь помню, сложенный пополамъ синій телеграфный бланкъ, Государь ушелъ.

Я понесъ телеграмму начальнику штаба.

Телеграмма была написана карандашемъ собственноручно Государемъ и адресована предсѣдателю Совѣта Министровъ.

Въ телеграммѣ было сказано, что Государь, при создавшейся обстановкѣ, не допускаетъ возможности производить какія либо перемѣны въ составѣ Совѣта Министровъ, а лишь требуетъ принятія самыхъ рѣшительныхъ мѣръ для

подавленія революціоннаго движенія и бунта среди нѣкоторыхъ войсковыхъ частей Петроградскаго гарнизона.

Затѣмъ Государь указываетъ, что онъ предоставляетъ, временно, предсѣдателю Совѣта Министровъ диктаторскія права по управленію въ Имперіи внѣ раіона, подчиненнаго Верховному Главнокомандующему, а что, кромѣ того, въ Петроградъ для подавленія возстанія и установленія порядка командируется съ диктаторскими полномочіями генералъ-адъютантъ Ивановъ.

Получалось въ Петроградѣ два диктатора!

Я попросилъ генерала Алексѣева идти къ Государю и умолять измѣнить рѣшеніе; указать, что согласиться на просьбу изложенную въ трехъ аналогичныхъ телеграммахъ, необходимо.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній начальникъ штаба пошелъ къ Государю.

Вернувшись онъ сказалъ, что Государь рѣшенія не мѣняетъ.

Телеграмма была послана.

Потомъ въ Ставкѣ говорили, что, послѣ полученія телеграммы отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ, Государь больше часа говорилъ по телефону.

Особый телефонъ соединялъ Могилевъ съ Царскимъ Селомъ и Петроградомъ.

Такъ какъ предсѣдателю Совѣта Министровъ Государемъ Императоромъ была послана телеграмма, то всѣ были увѣрены, что Государь говорилъ съ Императрицей, бывшей въ Царскомъ Селѣ.

До вечера изъ Петрограда было получено еще нѣсколько телеграммъ, указывавшихъ, что положеніе становится все болѣе и болѣе серьезнымъ.

Главнокомандующему сѣвернымъ фронтомъ было послано приказаніе немедленно по подготовкѣ частей, предназначаемыхъ къ отправленію въ Петроградъ, ихъ послать по назначенію.

Часовъ въ 9 вечера, когда я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, кто-то ко мнѣ постучался и затѣмъ вошелъ Дворцовый комендантъ, генералъ Воейковъ.

Дворцовый комендантъ сказалъ мнѣ, что Государь приказалъ немедленно подать литерные поѣзда *) и доложить, когда они будутъ готовы; что Государь хочетъ сейчасъ же, какъ будутъ готовы поѣзда, ѣхать въ Царское Село; при чемъ онъ хочетъ выѣхать изъ Могилева не позже 11 часовъ вечера.

Я отвѣтилъ, что подать поѣзда къ 11 часамъ вечера можно, но отправить ихъ раньше 6 часовъ утра не возможно по техническимъ условіямъ: надо приготовить свободный пропускъ по всему пути и всюду разослать телеграммы.

Затѣмъ я сказалъ генералу Воейкову, что рѣшеніе Государя ѣхать въ Царское Село можетъ повести къ катастрофическимъ послѣдствіямъ, что, по моему мнѣнію, Государю необходимо оставаться въ Могилевѣ; что связь между штабомъ и Государемъ будетъ потеряна, если произойдетъ задержка въ пути; что мы ничего опредѣленнаго не знаемъ что дѣлается въ Петроградѣ и Царскомъ Селѣ. и что ѣхать Государю въ Царское Село опасно.

Генералъ Воейковъ мнѣ отвѣтилъ, что принятаго рѣшенія Государь не отмѣнитъ и просилъ срочно отдать необходимыя распоряженія.

Я далъ по телефону необходимыя указанія начальнику военныхъ сообщеній и пошелъ къ генералу Алексѣеву, который собирался лечь спать.

Я опять сталъ настаивать, чтобы онъ немедленно пошелъ къ Государю и отговорилъ его отъ поѣздки въ Царское Село.

Я сказалъ, что если Государь не желаетъ идти ни на какія уступки, то я понялъ бы, если бъ онъ рѣшилъ немедленно ѣхать въ Особую армію (въ которую входили всѣ гвардейскія части), на которую можно вполнѣ положиться; но ѣхать въ Царское Село — это можетъ закончиться катастрофой.

Генералъ Алексѣевъ пошелъ къ Государю.

---

*) Литерными поѣздами назывались два поѣзда всегда отправлявшіеся одинъ за другимъ при царскихъ поѣздкахъ.
Въ одномъ изъ поѣздовъ ѣхалъ Государь.

Пробывъ у Государя довольно долго, вернувшись сказалъ, что Его Величество страшно безпокоится за Императрицу и за дѣтей и рѣшилъ ѣхать въ Царское Село.

Въ первомъ часу ночи Государь проѣхалъ въ поѣздѣ, который отошелъ, если не ошибаюсь, въ 6 часовъ утра 28 февраля / 13 марта.

Утромъ 28 февраля / 13 марта была получена телеграмма отъ предсѣдателя Государственной Думы, въ которой сообщалось, что революція въ Петроградѣ въ полномъ разгарѣ, что всѣ правительственные органы перестали функціонировать, что министры толпой арестовываются, что чернь начинаетъ завладѣвать положеніемъ и что комитетъ Государственной Думы, дабы предотвратить истребленіе офицеровъ и администраціи и успокоить разгоравшіяся страсти рѣшилъ принять правительственныя функціи на себя; во главѣ комитета остается онъ — предсѣдатель Государственной Думы.

Съ этого момента комитетъ Государственной Думы принялъ на себя, такъ сказать, управленіе революціоннымъ движеніемъ.

Но, параллельно съ комитетомъ Государственной Думы, образовался въ Петроградѣ «совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», который фактически вліялъ на рѣшенія этого комитета.

Поѣздъ Государя дошелъ до станціи Дно, но дальше его не пропустили подъ предлогомъ, что испорченъ мостъ.

Государь хотѣлъ проѣхать черезъ Бологое по Николаевской желѣзной дорогѣ, но не пустили и туда.

Создалось ужасное положеніе: связь Ставки съ Государемъ потеряна, а Государя явно не желаютъ, по указанію изъ Петрограда, пропускать въ Царское Село.

Наконецъ Государь рѣшилъ ѣхать въ Псковъ.

Въ Псковъ Государь прибылъ вечеромъ 1/14 марта.

Что собственно побудило Государя направиться въ Псковъ, гдѣ находился штабъ главнокомандующаго сѣвернаго фронта, генерала Рузскаго, а не вернуться въ Ставку въ Могилевъ?

Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что въ бытность въ Могилевѣ при началѣ революціи онъ не чувствовалъ твердой опоры въ своемъ начальникѣ штаба, генералѣ Алексѣевѣ, и рѣшилъ ѣхать къ арміи на сѣверный фронтъ, гдѣ надѣялся найти болѣе твердую опору въ лицѣ генерала Рузскаго.

Возможно, конечно, и это, но болѣе вѣроятно, что Государь, стремясь скорѣй соединиться со своей семьей, хотѣлъ оставаться временно гдѣ либо по близости къ Царскому Селу, и такимъ пунктомъ гдѣ можно было имѣть хорошую связь и со Ставкой и съ Царскимъ Селомъ, былъ Псковъ, гдѣ находился штабъ сѣвернаго фронта.

* * *

Въ Ставкѣ съ нетерпѣніемъ ожидали результатовъ командировки генералъ-адъютанта Иванова въ Царское Село и въ Петроградъ.

Первоначальныя свѣдѣнія о прибытіи генерала Иванова въ Царское Село были разнорѣчивы, но болѣе достовѣрныя объ этомъ данныя, какъ тогда казалось, сводились къ слѣдующему: *)

«Генералъ Ивановъ съ Георгіевскимъ батальономъ прибылъ 1/14 марта въ Царское Село. Поѣздъ его никѣмъ задержанъ не былъ. По прибытіи въ Царское Село, генералъ Ивановъ, вмѣсто того, чтобы сейчасъ же высадить батальонъ и начать дѣйствовать рѣшительно, приказалъ батальону не высаживаться, а послалъ за начальникомъ гарнизона и комендантомъ города.

Въ мѣстныхъ частяхъ войскъ уже начиналось броженіе и образовались комитеты; но серьезныхъ выступленій еще не было. Кромѣ того, нѣкоторыя части, какъ конвой Его Величества, такъ и собственный Его Величества пѣхотный полкъ, были еще въ массѣ своей, вѣрными присягами.

---

*) Послѣдующая часть, взятая въ ковычкахъ, мною изложена въ части моихъ „Воспоминаній“, напечатанныхъ въ томѣ II „Архивъ Русской революціи“ (изданіе І. В. Гессена), какъ описаніе того, что произошло въ дѣйствительности. Здѣсь я вношу поправку, но оставляю безъ измѣненія описаніе, которое мнѣ представлялось правильнымъ, беря его лишь въ ковычки.

Слухъ о прибытіи эшелона войскъ съ фронта вызвалъ въ революціонно настроенныхъ частяхъ смущеніе; никто не зналъ, что направляется за этимъ эшелономъ. Но скоро стало извѣстнымъ, что ничего, кромѣ этого единственнаго эшелона, съ фронта не ожидается.

Оставленіе Георгіевскаго батальона въ поѣздѣ и нерѣшительныя дѣйствія генерала Иванова, сразу измѣнили картину.

Къ вокзалу стали прибывать запасныя части, квартировавшія въ Царскомъ Селѣ, и начали занимать выходы съ вокзальной площади и окружать поѣздъ съ прибывшимъ эшелономъ.

Мѣстныя власти были совершенно растеряны и докладывали генералу Иванову, чіто они надѣются поддержать порядокъ въ Царскомъ Селѣ; что высадку и какія либо дѣйствія Георгіевскаго батальона они считаютъ опасными. Если батальонъ высадится, то произойдетъ неизбѣжное столкновеніе съ мѣстными войсками, порядокъ будетъ нарушенъ и Царской Семьѣ будетъ угрожать опасность. Совѣтывали генералу Иванову отправиться обратно. Съ подобными указаніями къ генералу Иванову стали прибывать различныя лица изъ Петрограда.

Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, генералъ Ивановъ согласился, чтобы его эшелонъ отправился на станцію Дно.

Такимъ образомъ, изъ командировки генерала Иванова въ Царское Село и Петроградъ, съ диктаторскими полномочіями, ничего, кромѣ скандала, не получилось».

Приводя въ ковычкахъ это описаніе прибытія генерала Иванова въ Царское Село, повторяю, что такъ оно представлялось на основаніи отрывочныхъ и разнорѣчивыхъ свѣдѣній, поступавшихъ въ то время въ Ставку.

Послѣдующія событія совершенно отодвинули на второй планъ «экспедицію генерала Иванова» и у большинства, въ томъ числѣ и у меня, осталось впечатлѣніе, что генералъ Ивановъ благополучно достигъ съ Георгіевскимъ батальономъ до Царскаго Села и что неудача его командировки, въ значительной степени, произошла изъ за его нерѣшительности.

Въ дѣйствительности, какъ то подробно было изложено у инженера Ломоносова (бывшаго тогда помощникомъ у Бубликова), лично препятствовавшаго движенію Георгіевскаго батальона, эшелоны генерала Иванова блуждали между Семрино и Вырицой и никуда дальше ихъ не пустили; желѣзнодорожники сломали крестовины и испортили пути. Самъ Ивановъ, исхлопотавъ у революціонной власти разрѣшеніе, прибылъ въ Царское Село съ однимъ своимъ вагономъ, поѣхалъ во дворецъ къ Императрицѣ и оставался тамъ двадцать минутъ.

Но если бы генералу Иванову и удалось достигнуть съ Георгіевскимъ батальономъ Царскаго Села, то это не измѣнило бы событій, такъ какъ въ ночь съ 1/14 на 2/15 марта послѣдовало Высочайшее повелѣніе вернуть обратно на фронтъ войска, посланныя въ Петроградъ, а генералу Иванову Государемъ была послана телеграмма ничего не предпринимать до пріѣзда Государя въ Царское Село и до личнаго доклада.

* * *

Послѣ отъѣзда Государя изъ Ставки, въ теченіе 23 февраля/13 марта, событія въ Петроградѣ развертывались съ чрезвычайной быстротой.

Въ Ставкѣ мы получали изъ Петрограда одну телеграмму за другой, которыя рисовали полный разгаръ революціоннаго движенія, переходъ почти всѣхъ войскъ на сторону революціонеровъ, убійства офицеровъ и чиновъ полиціи, бунтъ и убійства офицеровъ въ Балтійскомъ флотѣ, аресты всѣхъ мало-мальски видныхъ чиновъ администраціи.

Волненія начинались въ Москвѣ и другихъ крупныхъ центрахъ, гдѣ были расположены запасные батальоны.

Пѣхотныя части, отправленныя съ сѣвернаго фронта въ Петроградъ, въ Лугѣ были встрѣчены делегатами отъ мѣстныхъ запасныхъ частей, стали сдавать свои винтовки и объявили, что противъ своихъ драться не будутъ.

Отъ предсѣдателя Государственной Думы получались телеграммы, въ которыхъ указывалось, что противъ Государя въ Петроградѣ страшное возбужденіе и что теперь уже

совершенно недостаточно произвести смѣну министерства и образовать новое, отвѣтственное передъ Государственной Думой, а ставится вполнѣ опредѣленно вопросъ объ отреченіи Государя отъ престола.

Что это единственный выходъ изъ положенія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, анархія охватитъ всю страну и неизбѣженъ конецъ войны съ Германіей.

Въ частности, относительно Петрограда указывалось, что только отреченіе Государя отъ престола можетъ предотвратить почти поголовное избіеніе офицеровъ гарнизона и во флотѣ и разрушеніе центральныхъ административныхъ аппаратовъ.

М. В. Родзянко телеграфировалъ, что посылка войскъ съ фронта ни къ какимъ результатамъ не приведетъ, такъ какъ войска будутъ переходить на сторону революціонныхъ массъ и анархія будетъ только увеличиваться.

Положеніе было дѣйствительно трудное.

Съ самаго начала, главнымъ образомъ вслѣдствіе успокоительныхъ телеграммъ, получавшихся отъ военнаго министра генерала Бѣляева, не были приняты рѣшительныя и достаточныя мѣры для подавленія революціоннаго движенія, а къ 1/14-му марта пожаръ разгорѣлся настолько сильно, что потушить его было не легко.

Выходъ, конечно, былъ.

Это немедленный отъѣздъ Государя въ раіонъ особой арміи и отправка въ Петроградъ и Москву сильныхъ и вполнѣ надежныхъ отрядовъ.

Революціонное движеніе и въ этотъ періодъ потушить было еще возможно.

Но какой цѣной?

Представлялось совершенно неоспоримымъ, что посылка небольшихъ частей изъ раіоновъ сѣвернаго и западнаго фронтовъ никакого результата не дастъ.

Для того же, чтобы сорганизовать вполнѣ достаточные и надежные отряды требовалось дней 10 — 12 (пришлось бы нѣкоторыя дивизіи снимать съ фронта). За этотъ же періодъ весь тылъ былъ бы охваченъ революціей и навѣрно на-

чались бы безпорядки въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ на фронтѣ.

Получалась увѣренность, что пришлось бы вести борьбу и на фронтѣ и съ тыломъ. А это было совершенно не возможно.

Слѣдовательно, рѣшеніе подавить революцію силою оружія, заливъ кровью Петроградъ и Москву, не только грозило прекращеніемъ борьбы съ врагомъ на фронтѣ, а было бы единственно возможнымъ именно только съ прекращеніемъ этой борьбы, съ заключеніемъ позорнаго сепаратнаго мира.

Послѣднее же было такъ ужасно, что представлялось неизбѣжнымъ сдѣлать все возможное для мирнаго прекращенія революціи — лишь бы борьба на фронтѣ не прекращалась.

Кромѣ того, было совершенно ясно, что если бъ Государь рѣшилъ во что бы то ни стало побороть революцію силою оружія и это привело къ прекращенію борьбы съ Германіей и Австро-Венгріей, то не только наши союзники никогда этого не простили бы Россіи, но и общественное мнѣніе Россіи этого не простило бы Государю.

Это могло бы временно пріостановить революцію, но она, конечно, вспыхнула бы съ новой силой въ самое ближайшее время, вѣроятно въ періодъ демобилизаціи арміи, и смела бы не только правительство, но и династію.

* * *

2/15 марта отъ предсѣдателя Государственной Думы получена была телеграмма, что въ Псковъ, куда выѣхалъ со станціи Дно Государь Императоръ, отправляется депутація отъ имени комитета Государственной Думы въ составѣ А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. Что имъ поручено освѣтить Государю всю обстановку и высказать, что единственнымъ рѣшеніемъ для прекращенія революціи и возможности продолжать войну, является отреченіе Государя отъ престола, передача его Наслѣднику Цесаревичу и назначеніе регентомъ Великаго Князя Михаила Александровича.

Главнокомандующій сѣвернымъ фронтомъ, генералъ Рузскій, *) съ которымъ объ этомъ уже переговорилъ М. В. Родзянко, обратился къ начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ просьбой высказать, какъ къ этому вопросу относятся всѣ главнокомандующіе фронтовъ.

Генералъ Рузскій заявилъ, что онъ долженъ знать всю обстановку для доклада Государю Императору. Онъ сказалъ, что Государю, вѣроятно, будетъ недостаточно выслушать мнѣніе только его, генерала Рузскаго. Хотя онъ лично и думаетъ, что врядъ ли есть какой либо иной выходъ изъ создавшагося положенія кромѣ того, который будетъ предложенъ Государю выѣхавшей изъ Петрограда депутаціей, но ему необходимо точно знать, какъ на это смотритъ начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго и другіе главнокомандующіе фронтовъ. Генералъ Рузскій закончилъ заявленіемъ, что такъ какъ у Государя утеряна въ данное время связь съ арміей, то начальникъ его штаба, на основаніи положенія о полевомъ управленіи войскъ, фактически вступилъ въ исполненіе обязанностей Верховнаго Главнокомандующаго и поэтому долженъ, съ точки зрѣнія боевой, дать оцѣнку происходящимъ событіямъ.

Генералъ Алексѣевъ поручилъ мнѣ составить телеграмму главнокомандующимъ фронтовъ съ подробнымъ изложеніемъ всего происходящаго въ Петроградѣ, съ указаніемъ о томъ, что ставится вопросъ объ отреченіи Государя отъ престола въ пользу Наслѣдника Цесаревича съ назначеніемъ регентомъ Великаго Князя Михаила Александровича, и съ просьбой, чтобы главнокомандующіе срочно сообщили по послѣднему вопросу свое мнѣніе.

Телеграмма была подписана генераломъ Алексѣевымъ

---

*) Исторія посылки запроса генераломъ Алексѣевымъ главнокомандующимъ фронтами объ отношеніи ихъ къ вопросу отреченія Государя отъ престола описывается мною, со словъ генерала Алексѣева, въ смыслѣ оказанія давленія генераломъ Рузскимъ на генерала Алексѣева относительно отправки этого запроса.

Изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи документовъ этого не видно и скорѣй получается впечатлѣніе, что иниціаторомъ возбужденія этого вопроса былъ самъ генералъ Алексѣевъ.

Истина выяснится только тогда, когда будутъ собраны всѣ документы, относящіеся до этого періода.

и, по прямому проводу, передана всѣмъ главнокомандующимъ.

Черезъ нѣсколько времени меня вызвалъ къ прямому проводу главнокомандующій западнаго фронта, генералъ Эвертъ, и сказалъ, что онъ свое заключеніе дастъ лишь послѣ того, какъ выскажутся генералы Рузскій и Брусиловъ.

Такъ какъ мнѣніе генерала Рузскаго о томъ, что другого выхода, повидимому, нѣтъ, кромѣ отреченія отъ престола Государя Императора, было извѣстно, то это мнѣніе главнокомандующаго сѣвернаго фронта я и передалъ генералу Эверту, сказавъ, что заключеніе генерала Брусилова будетъ ему сообщено.

Вслѣдъ за этимъ, изъ штаба юго-западнаго фронта, передали телеграмму Генерала Брусилова, который сообщилъ, что, по его мнѣнію, обстановка указываетъ на необходимость Государю Императору отречься отъ престола.

Мнѣніе генерала Брусилова было передано генералу Эверту и онъ отвѣтилъ, что какъ ему ни тяжело это сказать, но и онъ принужденъ присоединиться къ мнѣніямъ, высказаннымъ генералами Рузскимъ и Брусиловымъ.

Затѣмъ была получена изъ Тифлиса копія телеграммы Великаго Князя Николая Николаевича, адресованной на имя Государя.

Великій Князь докладывалъ Государю, что, какъ это ни отвѣтственно передъ Богомъ и Родиной, но онъ вынужденъ признать, что единственнымъ выходомъ, для спасенія Россіи и Династіи и для возможности продолжать войну, является отреченіе Государя отъ престола въ пользу Наслѣдника.

Помощникъ главнокомандующаго Румынскаго фронта, *) генералъ Сахаровъ, долго не отвѣчалъ на посланную ему телеграмму и требовалъ, чтобы ему были сообщены заключенія всѣхъ главнокомандующихъ.

Послѣ посланныхъ ему мнѣній главнокомандующихъ онъ прислалъ свое заключеніе.

---

*) Главнокомандующимъ Румынскаго фронта считался Румынскій Король.

Въ первой части своей телеграммы, отзываясь очень рѣзко объ образовавшемся комитетѣ Государственной Думы, называя его шайкой разбойниковъ, захватившихъ въ свои руки власть, онъ указываетъ, что арміи фронта непоколебимо стали бы за своего державнаго вождя, если бы не были въ рукахъ тѣхъ же государственныхъ преступниковъ. захватившихъ въ свои руки источники жизни арміи.

Во второй части телеграммы, онъ говоритъ, что то, что онъ сказалъ подсказываетъ ему сердце, но разумъ принужденъ признать необходимость отреченія отъ престола.

Всѣ заключенія главнокомандующихъ были переданы генералу Рузскому, при чемъ и генералъ Алексѣевъ, хотя и въ крайне неопредѣленной формѣ, высказался за отреченіе Государя въ пользу Наслѣдника.

Генералъ Рузскій доложилъ Государю всѣ телеграммы, между 14 и 15 часами 2-го марта.

Послѣ 15 часовъ 2-го марта генералъ Рузскій прислалъ телеграмму, что Государь приказалъ составить проектъ манифеста объ отреченіи отъ престола въ пользу Наслѣдника съ назначеніемъ Великаго Князя Михаила Александровича регентомъ.

Государь приказалъ проектъ составленнаго манифеста передать по прямому проводу генералу Рузскому.

О полученномъ распоряженіи я доложилъ генералу Алексѣеву и онъ поручилъ мнѣ, совмѣстно съ начальникомъ дипломатической части въ Ставкѣ г. Базили, срочно составить проектъ манифеста.

Я вызвалъ г. Базили и мы съ нимъ, вооружившись сводомъ законовъ Россійской Имперіи, приступили къ составленію манифеста.

Затѣмъ составленный проектъ былъ доложенъ генералу Алексѣеву и переданъ по прямому проводу генералу Рузскому.

По приказанію генерала Алексѣева, послѣ передачи проекта манифеста въ Псковъ, объ этомъ было сообщено въ Петроградъ предсѣдателю Государственной Думы.

Отъ М. В. Родзянко, послѣ этого, была получена довольно неясная телеграмма, заставившая думать, что и эта

уступка со стороны Государя можетъ оказаться не достаточной.

2/15 марта, послѣ разговора съ А. И. Гучковымъ и В. В. Шульгинымъ, Государь хотѣлъ подписать манифестъ объ отреченіи отъ престола въ пользу Наслѣдника.

Но, какъ мнѣ впослѣдствіи передавалъ генералъ Рузскій, въ послѣднюю минуту, уже взявъ для подписи перо, Государь спросилъ, обращаясь къ Гучкову, можно ли будетъ ему жить въ Крыму.

Гучковъ отвѣтилъ, что это невозможно; что Государю нужно будетъ немедленно уѣхать за границу.

— «А могу ли я тогда взять съ собой наслѣдника?» спросилъ Государь.

Гучковъ отвѣтилъ, что и этого нельзя; что новый Государь при Регентѣ, долженъ оставаться въ Россіи.

Государь тогда сказалъ, что, ради пользы Родины, онъ готовъ на какія угодно жертвы, но разстаться съ сыномъ — это выше его силъ; что на это онъ согласиться не можетъ.

Послѣ этого Государь рѣшилъ отречься отъ престола за себя и за Наслѣдника, а престолъ передать своему брату Великому Князю Михаилу Александровичу.

На этомъ было рѣшено и передѣланный манифестъ былъ Государемъ подписанъ. *)

Передъ отреченіемъ отъ престола Государь подписалъ Указъ объ увольненіи въ отставку прежняго состава Совѣта Министровъ и о назначеніи предсѣдателемъ Совѣта Министровъ князя Львова. Приказомъ по арміи и флоту и Указомъ Правительствующему Сенату Верховнымъ Главноко-

*) Въ стенограммѣ доклада В. В. Шульгина комитету Государственной Думы о результатѣ поѣздки его и Гучкова къ Государю, объ окончательномъ рѣшеніи Государя отречься отъ престола въ пользу брата излагается не такъ. Въ стенограммѣ сказано: „Когда Гучковъ кончилъ, заговорилъ Царь. Его голосъ и манеры были гораздо спокойнѣй и дѣловитѣй. Совершенно спокойно, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, онъ сказалъ: „Я вчера и сегодня цѣлый день обдумывалъ и принялъ рѣшеніе отречься отъ престола. До 3-хъ часовъ дня я готовъ былъ пойти на отреченіе въ пользу моего сына, но затѣмъ я понялъ, что разстаться съ моимъ сыномъ я не способенъ". Тутъ онъ сдѣлалъ очень короткую остановку и продолжалъ: „вы это, надѣюсь, поймете. Поэтому я рѣшилъ отречься въ пользу брата."

мандующимъ Государь назначилъ Великаго Князя Николая Николаевича.

Все это съ курьеромъ было послано въ Ставку для немедленнаго распубликованія.

Получивъ телеграмму о томъ, что Государь отрекся отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича; въ Ставкѣ стало ясно, что на этомъ дѣло не кончится.

Во первыхъ, по основнымъ законамъ о престолонаслѣдіи, Царь могъ отречься отъ престола только за себя; за своего же наслѣдника онъ отрекаться отъ престола не могъ.

Во вторыхъ, приходящія отрывочныя и недостаточно ясныя телеграммы — указывали, что отреченіе Государя врядъ ли удовлетворить довлѣющій надъ комитетомъ Государственной Думы совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Въ третьихъ, было крайне сомнительнымъ, чтобы Великій Князь Михаилъ Александровичъ, по свойствамъ своего характера, согласился въ такую минуту стать Императоромъ.

И дѣйствительно изъ Петрограда была получена телеграмма, что Великій Князь Михаилъ Александровичъ со своей стороны отрекся отъ престола.

Предсѣдатель Государственной Думы прислалъ телеграмму, что надо задержать манифестъ, объявляющій о вступленіи на престолъ Великаго Князя Михаила Александровича, чтобы не произошло путаницы.

На фронты были посланы подробныя разъясненія происходившихъ событій.

3/16 марта Государь вернулся изъ Пскова въ Могилевъ.

Настроеніе въ Ставкѣ было подавленное.

Никто не вѣрилъ, что новое временное правительство, формируемое въ Петроградѣ, съ княземъ Львовымъ во главѣ, окажется на должной высотѣ.

Чувствовалось, что пройденъ только первый этапъ революціи; что Государственная Дума, до нѣкоторой степени, руководившая ходомъ событій до отреченія Государя отъ

престола и по почину которой было образовано временное правительство, начинаетъ отстраняться, затушевываться новымъ органомъ, создавшимся въ видѣ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; чувствовалось, что этотъ новый органъ, прежде всего, враждебный арміи, врядъ ли, съ образованіемъ временнаго правительства, откажется отъ желанія производить дальнѣйшее углубленіе революціи.

Этотъ совѣтъ, съ первыхъ же дней революціи, посылалъ на фронтъ агитаторовъ, возбуждавшихъ солдатъ противъ офицеровъ и требовавшихъ созданія во всѣхъ частяхъ войскъ комитетовъ, которые захватили бы власть въ свои руки.

Началось броженіе и въ войсковыхъ частяхъ, бывшихъ въ Могилевѣ.

Генераломъ Алексѣевымъ были посланы телеграммы главнокомандующимъ фронтами съ требованіемъ срочно командировать на узловыя станціи надежныя войсковыя части и образовать при нихъ военно полевые суды и затѣмъ, вылавливая агитаторовъ изъ поѣздовъ, тутъ же передавать ихъ военно-полевому суду.

Узнавъ объ этомъ распоряженіи генерала Алексѣева, новое временное правительство потребовало его отмѣны.

* * *

Желая водворить порядокъ въ Петроградѣ, еще въ періодъ формированія временнаго правительства, предсѣдатель временнаго правительства, предсѣдатель Государственной Думы просилъ генерала Алексѣева срочно командировать въ Петроградъ на должность главнаго начальника Петроградскаго военнаго округа командира 25-го армейскаго корпуса, генерала Корнилова. Генералъ Корниловъ былъ вызванъ по телеграммѣ и черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Петроградъ.

* * *

На другой день послѣ пріѣзда Государя изъ Пскова, изъ Кіева въ Могилевъ пріѣхала Вдовствующая Императрица Марія Федоровна.

Императрица оставалась въ Могилевѣ до отъѣзда Государя въ Царское Село.

Государь задерживалъ свой отъѣздъ изъ Могилева и это, повидимому, нервировало Петроградъ, такъ какъ оттуда нѣсколько разъ запрашивали о времени, когда Государь рѣшилъ уѣхать изъ Ставки.

Задерживался ли Государь изъ за желанія продлить свое свиданіе съ Матерью Императрицей, или просто ему трудно и больно было окончательно рѣшиться ѣхать въ Царское Село и стать узникомъ временнаго правительства — я не знаю; но что Государь оттягивалъ свой отъѣздъ — это вѣрно.

Наконецъ, Государь сказалъ генералу Алексѣеву, что онъ выѣзжаетъ въ Царское Село 8/21 марта.

Объ этомъ была послана телеграмма въ Петроградъ и оттуда было отвѣчено, что для сопровожденія Государя до Царскаго Села, 8/21 марта утромъ, пріѣдутъ нѣсколько делегатовъ, командируемыхъ временнымъ правительствомъ. *)

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Могилева, Государь пожелалъ попрощаться со всѣми чинами штаба.

По распоряженіи генерала Алексѣева всѣ чины штаба Верховнаго Главнокомандующаго и представители конвоя были собраны въ большой залѣ помѣщенія Дежурнаго Генерала.

---

*) Я получилъ замѣчаніе отъ нѣкоторыхъ лицъ, что эта часть моего описанія изложена не вѣрно. Что временное правительство не было настолько предупредительно къ Государю, чтобы ожидать рѣшенія о времени его пріѣзда въ Царское Село.

Мнѣ указываютъ, что это рѣшеніе было принято на экстренномъ засѣданіи временнаго правительства 7/20 марта и что телеграммы объ этомъ были посланы въ Могилевъ генераламъ Алексѣеву и Кислякову (товарищъ министра путей сообщеній) только послѣ отправленія поѣзда изъ Петрограда.

Возможно, что это такъ и, что это постановленіе временнаго правительства было неожиданнымъ для Государя и Алексѣева. Но у меня сохранилось отчетливое впечатлѣніе, что пріѣздъ Государя въ Могилевъ изъ Пскова и неопредѣленность въ связи съ его рѣшеніемъ пробыть въ Могилевѣ нѣкоторое время волновали временное правительство.

Вѣроятнѣй всего, что обѣ версіи справедливы, т. е., что самостоятельное рѣшеніе Государя отправиться въ Царское Село 8/21 марта и постановленіе временнаго правительства случайно совпали.

Государь вошелъ и, сдѣлавъ общій поклонъ, обратился къ намъ съ короткой рѣчью, въ которой сказалъ, что блага Родины, необходимость предотвратить ужасы междуусобицы и гражданской войны, а также создать возможность напречь всѣ силы для продолженія борьбы на фронтѣ — заставили Его рѣшиться отречься отъ престола въ пользу своего брата Великаго Князя Михаила Александровича; что Великій Князь, въ свою очередь, отрекся отъ престола.

Государь обратился къ намъ съ призывомъ повиноваться верменному правительству и приложить всѣ усилія, чтобы война съ Германіей и Австро-Венгріей продолжалась до побѣднаго конца.

Затѣмъ, пожелавъ всѣмъ всего лучшаго и поцѣловавъ генерала Алексѣева, Государь сталъ всѣхъ обходить, останавливаясь и разговаривая съ нѣкоторыми.

Напряженіе было очень большое; нѣкоторые не могли сдержаться и громко рыдали. У двухъ произошелъ истерическій припадокъ. Нѣсколько человѣкъ, во весь ростъ, рухнули въ обморокъ.

Между прочимъ, одинъ старикъ конвоецъ, стоявшій близко отъ меня, сначала какъ то странно застоналъ, затѣмъ у него начали капать изъ глазъ крупныя слезы, а затѣмъ, вскрикнувъ, онъ, не сгибаясь въ колѣняхъ, во весь свой большой ростъ, упалъ навзничь на полъ.

Государь не выдержалъ; оборвалъ свой обходъ, поклонился и, вытирая глаза, быстро вышелъ изъ зала.

Передъ отъѣздомъ изъ Могилева, Государь подписалъ слѣдующее обращеніе къ войскамъ:

«Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимыя мною войска. Послѣ отреченія мною за себя и за сына моего отъ престола Россійскаго, власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему.

Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути славы и благоденствія.

Да поможетъ Богъ вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу Родину отъ злого врага. Въ продолженіи двухъ съ половиной лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу,

много пролито крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣнникъ Отечеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестную нашу Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ.

Помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу.

Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ васъ Господь Богъ и да ведетъ васъ къ побѣдѣ Святой Великомученникъ и Побѣдоносецъ Георгій».

«Николай».

Ставка.

8/21 марта 1917 года.

Это обращеніе Государя было немедленно передано во всѣ штабы фронтовъ для сообщенія войскамъ.

Впослѣдствіи, какъ мнѣ говорилъ генералъ Алексѣевъ, его упрекали изъ Петрограда за то, что онъ позволилъ себѣ передать въ войска обращеніе уже отрекшагося отъ престола Императора. *)

Послѣ того когда Государь, съ нѣкоторыми лицами свиты, сѣлъ въ поѣздъ произошелъ совершенно ненужный и непріятный инцидентъ.

Г-да делегаты, присланные изъ Петрограда, по собственному ли почину, или по полученному указанію, произвели повѣрку всѣхъ ѣдущихъ въ поѣздѣ и нѣкоторымъ изъ нихъ объявили, что они должны были выйти изъ поѣзда и въ Царское Село имъ ѣхать не разрѣшается.

---

*) Это обращеніе въ дѣйствительности, повидимому, дальше штабовъ фронтовъ не пошло.

Я не могу теперь вспомнить всѣ подробности съ отправкой въ войска этого обращенія Государя, но, повидимому, вслѣдствіе воспрещенія правительства его опубликовать, генералъ Алексѣевъ задержалъ его дальнѣйшую передачу.

Въ числѣ этихъ лицъ, изгоняемыхъ изъ поѣзда, былъ адмиралъ Ниловъ.

Все это дѣлалось крайне рѣзко и не прилично. Эти господа объявили, что они хозяева поѣзда и ихъ распоряженія должны исполняться.

Было объ этомъ доложено Государю.

Государь махнулъ рукой и сказалъ тихимъ голосомъ: «Надо исполнить ихъ требованія. Пускай теперь дѣлаютъ — что хотятъ».

Поѣздъ ушелъ....

Временнымъ правительствомъ былъ обѣщанъ Государю съ семьей свободный выѣздъ за границу.

Къ несчастью, въ это время Наслѣдникъ и Великія Княжны были больны корью и всей Царской Семьѣ пришлось, въ качествѣ арестованныхъ, оставаться въ Царскомъ Селѣ.

Но если бы даже Царская Семья могла выѣхать за границу, то крайне сомнительно, чтобы это было допущено Петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Это явствуетъ изъ того, что, по требованію этого совѣта, по указанію временнаго правительства, Государь долженъ былъ ежедневно, при смѣнѣ карауловъ, проходить мимо нихъ, чтобы они видѣли, что онъ на лицо, что онъ не сбѣжалъ.

Такимъ образомъ, Государь, уже съ момента пріѣзда въ Царское Село, находился подъ арестомъ, *) а въ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ уже подымались голоса о необходимости суда надъ отрекшимся отъ престола Императоромъ.

Впослѣдствіи когда, вопреки обѣщанію временнаго правительства, Царскую Семью отправили не за границу, а, подъ предлогомъ необходимости вывезти изъ Царскаго Села въ болѣе безопасное мѣсто, повезли въ Сибирь — стало яс-

*) Вѣрнѣе — съ момента выѣзда изъ Могилева въ Царское Село. 8/21 марта, передъ отправленіемъ поѣзда, генералъ Алексѣевъ передалъ Государю, что, по постановленію временнаго правительства, Его Величество лишается свободы, т. е. считается арестованнымъ.

но, что Россіи не избѣжать позора расправы озвѣрѣлыхъ негодяевъ, или наемныхъ убійцъ, съ Царской Семьей.

Вдовствующая Императрица уѣхала въ Кіевъ въ день когда Государь отправился въ Царское Село.

Если не ошибаюсь, 10/23 марта въ Могилевъ пріѣхалъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

Генералъ Алексѣевъ и я поѣхали съ докладомъ въ поѣздъ Великаго Князя.

Великій Князь насъ принялъ и сказалъ, что онъ получилъ письмо отъ предсѣдателя временнаго правительства, въ которомъ князь Львовъ указываетъ, что Великому Князю, по многимъ соображеніямъ, невозможно быть Верховнымъ Главнокомандующимъ и просить его въ командованіе не вступать.

Вмѣсто доклада, мнѣ пришлось написать проектъ отвѣтной телеграммы отъ Великаго Князя предсѣдателю временнаго правительства о томъ, что должность Верховнаго Главнокомандующаго Великій Князь принимать не будетъ.

А между тѣмъ Великій Князь Николай Николаевичъ, пользовавшійся большой популярностью въ арміи, былъ единственный человѣкъ, который могъ бы желѣзной рукой держать дисциплину въ арміи, не допустить ея до разныхъ [illegible] и довести войну до конца.

Но, естественно, Великій Князь представлялся опаснымъ для «завоеваній революціи» и недопущеніе его къ занятію поста Верховнаго Главнокомандующаго надо было ожидать.

* * *

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Великаго Князя Николая Николаевича, въ Могилевъ пріѣхали члены новаго временнаго правительства.

На вокзалѣ, кромѣ оффиціально встрѣчавшихъ лицъ отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, были представители городского самоуправленія, составъ образовавшагося въ Могилевѣ совѣта рабочихъ депутатовъ, незначительное количество публики и чины желѣзнодорожной стражи.

Поѣздъ подошелъ.

Генералъ Алексѣевъ пошелъ въ министерскій вагонъ. Прошло минутъ десять и, поочереди, стали появляться члены новаго правительства и, рекомендуясь (я — такой то, министръ юстиціи), обращались къ толпѣ съ рѣчью.

Это было и не привычно и просто смѣшно.

Кто-то изъ стоявшихъ рядомъ со мной сказалъ: «совсѣмъ какъ выходъ на сцену царей въ опереткѣ».

* * *

Верховнымъ Главнокомандующимъ былъ нѣсколько позже назначенъ генералъ Алексѣевъ, а начальникомъ штаба генералъ Деникинъ.

Послѣ образованія временнаго правительства первый острый періодъ революціи прошелъ и наступилъ второй болѣе длительный — періодъ «углубленія революціи».

Если онъ былъ менѣе бурный въ тылу, то онъ постепенно становился все болѣе и болѣе бурнымъ на фронтѣ.

Агитація въ войскахъ все болѣе усиливалась. Руководители ея, находясь въ Петроградѣ въ составѣ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а нѣкоторые и въ составѣ временнаго правительства, начали прилагать всѣ усилія къ тому, чтбы вытравить изъ арміи всѣ «старорежимные порядки», а въ первую голову воинскую дисциплину, говоря, что ее надо замѣнить «сознательной, революціонной дисциплиной».

Какъ слѣдствіе этого начали всюду образовываться комитеты, стремящіеся захвата власть въ свои руки, дисциплина стала расшатываться, начались сначала единичные, а затѣмъ все болѣе и болѣе учащавшіеся случаи убійствъ офицеровъ и генераловъ.

Армія стала разваливаться.

Петроградскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ выпустилъ и разослалъ по телеграфу во всѣ арміи приказъ (подъ названіемъ приказъ № 1), который въ корнѣ подрывалъ дисциплину, лишая офицерскій командный составъ какой либо власти надъ солдатами.

Въ составленіи этого приказа *) принялъ участіе извѣстный «сенаторъ» (былъ проведенъ въ сенаторы Керенскимъ) Соколовъ, впослѣдствіи избитый солдатами, когда онъ ихъ уговаривалъ слушать распоряженія временнаго правительства.

Временное правительство отрицало свое участіе въ изданіи этого приказа, но попустительство было явное, такъ какъ, во первыхъ, этотъ приказъ былъ переданъ въ арміи по прямому проводу изъ управленія генеральнаго штаба, а, во вторыхъ, оффиціальное заявленіе временнаго правительства о томъ, что этотъ приказъ отъ него не исходитъ, несмотря на настоянія генерала Алексѣева, появилось съ значительнымъ запозданіемъ, и въ арміяхъ приказъ былъ принятъ — какъ распоряженіе правительства и послужилъ первымъ рѣшительнымъ шагомъ къ развалу арміи.

Въ Петроградѣ, въ военномъ министерствѣ, съ первыхъ же дней революціи выдѣлилась группа молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба (прозванныхъ «младотурками»), которые, желая выдѣлиться и выдвинуться въ періодъ революціи, начали проповѣдывать необходимость радикальной ломки «старыхъ», отжившихъ и не революціонныхъ отношеній между офицерами и солдатами; требовали [illegible]ченіе всюду комитетовъ и комиссаровъ, уничтоженіе погонъ и прочее. И въ средѣ болѣе пожилыхъ, и въ генеральскихъ чинахъ, наканунѣ ярыхъ монархистовъ, появилось много убѣжденыхъ «республиканцевъ». Ихъ прозвали «мартовскими эсъ-эрами».

При военномъ министерствѣ была образована комиссія для пересмотра уставовъ и положеній и для выработки новыхъ формъ отношеній между военно-служащими, на замѣну «старорежимныхъ».

Комиссія эта работала въ полномъ контактѣ съ совѣ-

*) Въ „Воспоминаніяхъ“, напечатанныхъ въ томѣ II „Архивъ русской революціи“, изд. Гессена, я указывалъ, что въ составленіи приказа № 1 принималъ участіе генералъ Потаповъ. Послѣ выхода въ свѣтъ этого тома я получилъ справку, удостовѣряющую, что генералъ Потаповъ, сыгравшій въ періодъ революціи очень скверную роль, въ составленіи этого приказа не повиненъ.

томъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и подобострастно прислуживалась къ требованіямъ оттуда исходящимъ.

Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ назначенъ генералъ Поливановъ, который, позорнымъ потворствомъ демагогическимъ требованіямъ нѣкоторыхъ членовъ этой комиссіи, способствовалъ развалу арміи.

Большинство этихъ «реорганизаторовъ» не понимало, что во время войны нельзя производить такихъ опытовъ съ арміей и безсознательно шло на поводу тѣхъ, которые сознательно шли на развалъ дисциплинированной, регулярной арміи.

Новый военный министръ, А. И. Гучковъ, говорилъ, что онъ приметъ всѣ мѣры къ поддержанію дисциплины въ арміи и будетъ пресѣкать всѣ попытки къ ея развалу. Но первые же его шаги, въ качествѣ военнаго министра, предпринятые съ цѣлью освѣженія командnаго состава, были неудачны.

Среди старшихъ начальниковъ были дѣйствительно такіе, которыхъ надо было убрать; но военный министръ принялся за это слишкомъ рѣшительно и довольно неосмотрительно.

Былъ составленъ списокъ всѣхъ старшихъ начальствующихъ лицъ, начиная отъ командующихъ арміями до начальниковъ дивизій включительно, и затѣмъ г. Гучковъ предложилъ нѣсколькимъ генераламъ, которымъ онъ довѣрялъ, поставить, противъ всѣхъ помѣщенныхъ въ спискѣ, отмѣтки о годности и негодности.

Затѣмъ, по соглашенію съ генераломъ Алексѣевымъ, было уволено со службы свыше ста генераловъ изъ числа занимавшихъ высшія командныя и административныя должности.

Это, въ свою очередь, вызвало колоссальное перемѣщеніе и на болѣе низкихъ должностяхъ.

Въ этотъ періодъ такую операцію было производить рискованно.

Затѣмъ г. Гучковъ, ходомъ событій, былъ увлеченъ на соглашательскій путь съ крайними элементами и кончилось это тѣмъ, что, увидя полную свою безпомощность и не-

минуемую гибель арміи, какъ регулярной силы, онъ отказался отъ поста военнаго министра.

Донесенія, поступавшія изъ армій, указывали, что все постепенно разваливается.

Хуже всего было, конечно, въ тыловыхъ частяхъ, въ различныхъ тыловыхъ техническихъ командахъ и во вновь сформированныхъ дивизіяхъ, въ которыхъ былъ менѣе прочный офицерскій и унтеръ-офицерскій кадръ и которыя были почти исключительно пополнены изъ запасныхъ батальоновъ.

Думать о возможности скоро начать какія либо активныя дѣйствія на фронтахъ было трудно.

Надо было постараться снова прибрать къ рукамъ разспатавшіяся части. А это было болѣе чѣмъ сомнительно безъ какихъ либо экстраординарныхъ мѣръ; чувствовалось, что мы летимъ по наклонной плоскости въ пропасть.

Тѣ, которые дѣлали революцію въ періодъ войны только ради ниспроверженія монархическаго строя и которымъ было безразлично, какъ это отразится на продолженіи войны, выбрали время для ея производства великолѣпно.

Царь, ради спасенія Родины и чтобы избѣжать междуусобицы и дать Россіи возможность честно исполнить свой долгъ передъ союзниками, отрекся отъ престола.

Командный составъ и рядовое офицерство, освобожденные Царемъ отъ присяги, ради тѣхъ же цѣлей, признали временное правительство и добросовѣстно и самоотверженно продолжали свою работу.

Тѣ, которые дѣлали революцію за деньги, полученныя отъ германскаго генеральнаго штаба, исполнили свою іудину работу отлично.

Но и тѣ, которые дѣлали революцію во время войны, въ наивномъ предположеніи, что можно ее остановить на той грани, на которой они захотятъ и что можно будетъ продолжать войну — являются такъ же преступниками передъ Родиной.

Они, такъ же какъ и первые, способствовали развалу арміи и невозможности продолжать войну. Они безсозна-

тельно помогли Германіи вывести русскую армію изъ строя. *)

Въ серединѣ /концѣ марта я впервые узналъ, что группой общественныхъ дѣятелей предполагался въ мартѣ-апрѣлѣ 1917 года дворцовый переворотъ.

Было, яко-бы, два предположенія.

Одни считали достаточнымъ добиться удаленія изъ Россіи Императрицы Александры Федоровны и настоять

*) Въ обществѣ было и будетъ много споровъ о томъ, „кто сдѣлалъ революцію".

Какъ мнѣ передавали, А. Ф. Керенскій, котораго какъ то упрекнули въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ руководителей революціоннаго движенія въ февралѣ и мартѣ 1917 года и что этимъ онъ сыгралъ въ руку нѣмцамъ, — будто бы отвѣтилъ: „Революцію сдѣлали не мы, а генералы. Мы же только постарались направить ее въ должное русло".

Указываютъ и на то, что Чхеидзе, одинъ изъ главныхъ дѣятелей совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, въ первые дни революціи, своей растерянностью, доказалъ, что и соціалистическія партіи никакого участія въ началѣ революціи не принимали.

Отъ многихъ представителей конституціонно-демократической партіи (кадетъ) я лично слышалъ, что вообще они были противъ революціи, а тѣмъ болѣе — въ періодъ войны.

Остаются, по мнѣнію многихъ, какъ будто, слѣдующія причины начала революціи:

а) Голодъ, который толкнулъ на улицу народъ;

б) Министръ внутреннихъ дѣлъ, Протопоповъ, который, будто-бы, хотѣлъ и сумѣлъ вызвать революцію на улицу искусственно, чтобы затѣмъ задушить ее оружіемъ;

в) Германскіе агенты, которые воспользовались общимъ недовольствомъ старымъ режимомъ и недостаткомъ продовольствія и вызвали революцію на улицу.

Исторія установитъ истину. Но и теперь можно опредѣленно установить:

Недостатокъ хлѣба могъ толкнуть на улицу рабочихъ и населеніе, а не войска, которыя этого недостатка не испытывали.

Въ пропагандѣ среди войскъ, помимо агентовъ Германіи, приняли участіе члены образовавшагося совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, съ перваго же дня революціи прилагавшіе всѣ усилія для разложенія арміи.

Соціалистическія партіи ПОДХВАТИЛИ начавшуюся революцію и стали ее углублять, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что дѣлать это во время войны, — значитъ губить армію и идти на прекращеніе войны.

Большинство членовъ Государственной Думы и представители не соціалистическихъ, но оппозиціонныхъ правительству партій, только первые два дня смотрѣли на начавшееся движеніе не какъ на народную революцію, а какъ на опасное для государства народное возмущеніе и военный бунтъ, которые необходимо пресѣчь; а затѣмъ рѣшили, что революцію необходимо признать, взять вожжи въ руки и направить ее въ желаемомъ направленіи.

Они думали, что справятся съ ходомъ событій и остановятъ развитіе революціи на желаемой для нихъ грани.

передъ Государемъ на установленіи широкой конституціи; другіе считали необходимымъ добиться отреченія отъ престола Государя въ пользу Наслѣдника, съ назначеніемъ регентомъ Великаго Князя Михаила Александровича.

Чѣмъ бы закончился намѣчавшійся дворцовый переворотъ, если бъ онъ не былъ сорванъ начавшейся революціей, конечно, сказать трудно. Но, надо полагать, что дѣло однимъ дворцовымъ переворотомъ не закончилось бы, такъ какъ крайнія лѣвыя партіи и нѣмцы шли по одному пути — устроить въ Россіи революцію именно во время войны.

* * *

Работать въ Ставкѣ стало трудно и тяжело; чувствовалось полное безсиліе задержать ходъ событій и остановить начавшійся развалъ арміи.

Въ концѣ марта я обратился къ генералу Алексѣеву съ просьбой освободить меня отъ должности генералъ-квартирмейстера и дать мнѣ назначеніе въ строй.

Я просилъ дать мнѣ освобождавшійся XI-й армейскій корпусъ. Но въ этотъ же день, отъ главнокомандующаго юго-западнымъ фронтомъ, было получено представленіе о назначеніи командиромъ XI-го армейскаго корпуса другого генерала и я былъ назначенъ командиромъ 1-го армейскаго корпуса, бывшаго на сѣверномъ фронтѣ.

Въ началѣ апрѣля я отправился къ мѣсту моего новаго служенія.

1-й арм. корпусъ въ это время былъ отведенъ въ резервъ и штабъ корпуса находился въ Везенбергѣ.

Съ первыхъ же дней моего командованія я убѣдился, что придется быть не командиромъ корпуса, а «главнокомандующимъ».

Въ хорошемъ видѣ еще были артиллерійскія и инженерныя части, въ которыхъ, вслѣдствіе меньшей убыли во время войны, было много кадровыхъ офицеровъ и солдатъ. Дисциплина въ этихъ частяхъ еще держалась.

Что же касается всѣхъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, то онѣ были на пути къ полному развалу.

Я ежедневно получалъ донесенія отъ начальниковъ дивизій, рисовавшихъ положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; указывавшихъ, что образовавшіеся въ частяхъ войскъ комитеты рѣшительно во все вмѣшиваются; занятій части войскъ производить не хотѣли; дисциплинарную власть начальствующія лица примѣнять не могли; комитеты стремились получить въ свое распоряженіе всѣ экономическія суммы частей войскъ.

Я ежедневно бывалъ, то въ одномъ, то въ другомъ полку.

Но кромѣ планомѣрныхъ, намѣченныхъ мною разъѣздовъ по частямъ войскъ, мнѣ приходилось, почти ежедневно, по просьбѣ то одного, то другого изъ начальниковъ дивизій, ѣздить въ полки, въ которыхъ возникали тѣ или иныя недоразумѣнія.

Мнѣ съ большимъ трудомъ удавалось сохранить только внѣшнюю дисциплину въ войскахъ.

Корпусъ былъ расквартированъ на очень широкомъ пространствѣ, примыкая на востокѣ къ рѣкѣ Наровѣ.

Близость Петрограда давала себя чувствовать. Вся выходящая въ Петроградѣ пропагандная литература, въ видѣ всевозможныхъ воззваній, листковъ и прочее, уже на слѣдующій день по выходѣ, была въ частяхъ войскъ моего корпуса.

Почти ежедневно въ войскахъ появлялись пропагандисты, отправляемые изъ Петрограда.

Къ концу апрѣля, съ появленіемъ въ Петроградѣ Ленина пропаганда еще усилилась.

Открытая пропаганда, которую велъ Ленинъ въ Петроградѣ и которой потворствовало временное правительство, дѣлала почти невозможной борьбу противъ нея въ войскахъ.

15/28 мая я получилъ приказъ подготовить корпусъ къ отпракѣ на фронтъ.

Сейчасъ же какъ объ этомъ въ войскахъ узнали, стали ко мнѣ поступать донесенія начальниковъ дивизій, что изъ полковъ получаются свѣдѣнія о томъ, что солдаты, основываясь на, яко бы, недостаточномъ для современнаго

боя числѣ имѣющихся въ частяхъ пулеметовъ и недостаточной подготовкѣ къ боевой работѣ недавно прибывшихъ пополненій, заявляютъ, что раньше присылки двойного, противъ положеннаго, числа пулеметовъ и должной подготовки присланныхъ пополненій, они на позиціи стать не могутъ. Но 1/14 іюня началась посадка войскъ для отправки на фронтъ и никакихъ серьезныхъ недоразумѣній не произошло.

3/16 іюня я получилъ изъ Ставки, отъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, генерала Деникина, телеграмму, въ которой онъ мнѣ сообщалъ, что приказомъ временнаго правительства я назначенъ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго и мнѣ надо немедленно выѣхать въ Могилевъ.

Передъ этимъ былъ полученъ приказъ, что, вмѣсто генерала Алексѣева, Верховнымъ Главнокомандующимъ назначенъ генералъ Брусиловъ.

4/17 іюня пріѣхалъ мой замѣститель и я отправился въ Могилевъ.

Явившись новому Главнокомандующему, я, въ день моего пріѣзда въ Могилевъ, принялъ отъ генерала Деникина должность начальника штаба.

Генералъ Деникинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ западнаго фронта.

Въ Ставкѣ были еще подъ впечатлѣніемъ рѣчи генерала Деникина, произнесенной имъ 22 мая/4 іюня, въ день закрытія офицерскаго съѣзда въ Могилевѣ.

Общій голосъ былъ, что, за все послѣднее время, эта рѣчь была единственнымъ просвѣтомъ.

Вотъ эта рѣчь:

«Верховный Главнокомандующій, *) покидающій свой постъ, поручилъ мнѣ передать вамъ, господа, свой искренній привѣтъ и сказать, что его старое солдатское сердце бьется въ унисонъ съ вашимъ, что онъ болѣетъ той же болью и живетъ той же надеждой на возрожденіе истерзанной, но великой русской арміи.

*) генералъ Алексѣевъ.

Позвольте и мнѣ отъ себя сказать нѣсколько словъ.

Съ далекихъ рубежей земли нашей, забрызганныхъ кровью, собрались вы сюда и принесли намъ скорбь свою безысходную, свою душевную печаль.

Какъ живая развернулась передъ нами тяжелая картина жизни и работы офицерства среди взбаламученнаго армейскаго моря.

Вы — безсчетное число разъ стоявшіе передъ лицомъ смерти. Вы — безтрепетно шедшіе впереди своихъ солдатъ на густые ряды непріятельской проволоки подъ рѣдкій гулъ родной артиллеріи, измѣннически лишенной снарядовъ! Вы — скрѣпя сердце, но не падая духомъ, бросавшіе горсть земли въ могилу павшаго сына, брата, друга!

Вы ли теперь дрогнете?

Нѣтъ.

Слабые — поднимите головы! Сильные — передайте вашу рѣшимость, вашъ порывъ, ваше желаніе работать для счастья родины, перелейте въ порѣдѣвшіе ряды нашихъ товарищей на фронтѣ. Вы не одни, съ вами все, что есть честнаго, мыслящаго, все, что остановилось на грани упраздняемаго нынѣ здраваго смысла.

Съ вами пойдетъ и солдатъ, понявъ ясно, что вы ведете его не назадъ — къ безправію и нищетѣ духовной, а впередъ — къ свободѣ и свѣту.

И тогда надъ врагомъ разразится такой громовой ударъ, который покончитъ и съ нимъ и съ войной.

Проживши съ вами три года войны одной жизнью, одной мыслью, дѣливши съ вами и яркую радость побѣды и жгучую боль отступленія, я имѣю право бросить тѣмъ господамъ, которые съ первыхъ же дней революціи совершили свое Каиново дѣло надъ офицерскимъ корпусомъ... я имѣю право бросить имъ:

Вы лжете! Русскій офицеръ никогда не былъ ни наемникомъ, ни опричникомъ.

Забитый, загнанный, обездоленный не менѣе, чѣмъ вы условіями стараго режима, влача полунищенское существованіе, нашъ армейскій офицеръ сквозь бѣдную трудовую жизнь свою донесъ, однако, до отечественной войны

— какъ яркій свѣтильникъ — жажду подвига. Подвига — для счастья Родины.

Пусть же сквозь эти стѣны услышатъ мой призывъ и строители новой государственной жизни.

Берегите офицера! Ибо отъ вѣка и до нынѣ онъ стоитъ вѣрно и безсмѣнно на стражѣ русской государственности.

Смѣнить его можетъ только смерть».

Эта рѣчь ярко отразила въ себѣ то положеніе, въ которое попали офицеры.

Съ первыхъ же дней революціи лѣвая печать обрушилась на нихъ, изображая ихъ какъ изверговъ, насильниковъ, враговъ народа, наемниковъ царской власти, опричниковъ.

Вся пропаганда въ войскахъ была направлена къ тому, чтобы дискредитировать офицеровъ, возстановить противъ нихъ солдатъ.

Всѣ распоряженія временнаго правительства сводились къ уменьшенію вліянія офицеровъ на солдатъ, къ лишенію офицеровъ какой-бы то ни было власти.

Если до временнаго правительства доходилъ какой либо слухъ, или получалось донесеніе какого нибудь войскового комитета о превышеніи власти со стороны какого нибудь начальника — немедленно назначалось строжайшее разслѣдованіе и виновный, или подозрѣваемый въ чемъ либо — мѣшался съ грязью.

Всякимъ сообщеніямъ отъ войсковыхъ комитетовъ придавалась вѣра и часто, безъ всякихъ серьезныхъ основаній, смѣщались лица, даже занимавшія крупныя командныя должности.

Напротивъ того, противъ эксцессовъ, направленныхъ противъ офицеровъ, противъ ихъ травли и преслѣдованій — никакихъ мѣръ не принималось.

Съ солдатской массой заигрывали, углубляли революцію, а офицеровъ предавали.

Одни предавали безсознательно, а другіе вполнѣ сознательно, считая ихъ, въ массѣ, контръ-революціонерами, опасаясь ихъ возможнаго вліянія на солдатъ и считая

необходимымъ, для сохраненія «завоеваній революціи», ихъ обезвредить.

Рѣчь генерала Деникина ясно указываетъ, что еще не терялась надежда спасти армію; офицеры призывались, несмотря на всю тяжесть создавшейся обстановки, твердо стоять на своемъ посту и работать для спасенія Родины.

Настроеніе въ Ставкѣ было тяжелое.

Новый Верховный Главнокомандующій, генералъ Брусиловъ, принялъ сразу болѣе чѣмъ недостойный и заискивающій тонъ по отношенію къ Могилевскому совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Этотъ совѣтъ при генералѣ Алексѣевѣ дѣйствовалъ осторожно и не рѣшался открыто предъявлять какихъ либо требованій къ Ставкѣ.

Поведеніе генерала Брусилова сразу придало смѣлости членамъ совѣта и къ Верховному Главнокомандующему отъ него поступило опредѣленное требованіе принять мѣры къ уничтоженію «контръ-революціоннаго гнѣзда» въ Ставкѣ.

Генералъ Брусиловъ нѣсколько разъ собиралъ у себя членовъ этого совѣта, бесѣдовалъ съ ними, и заявилъ, что онъ самъ не допуститъ въ Ставкѣ проявленія контръ-революціоннаго движенія и что если у совѣта имѣются какія либо конкретныя данныя, то онъ проситъ ихъ ему дать. На основаніи же голословныхъ обвиненій онъ никого изъ служащихъ въ Ставкѣ удалять не можетъ.

Тѣ обѣщали представить матеріалы, вполнѣ обличающіе чиновъ Ставки въ контръ-революціонныхъ намѣреніяхъ и поступкахъ, но такъ ничего и не представили.

Пріѣхавшему въ Ставку новому военному министру, Керенскому, была представлена полная картина того развала, который происходитъ въ арміи.

Хотя онъ и соглашался съ необходимостью принять мѣры къ возстановленію дисциплины, но категорически высказался противъ возстановленія смертной казни, отмѣненной въ началѣ революціи.

Временному правительству, находившемуся подъ вліяніемъ Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ де-

путатовъ, все еще мерещилась контръ-революція и оно боялось вернуть командному составу прежнюю власть.

Стремленіе имѣть всюду свой глазъ и свое ухо выразилось въ насажденіи всюду политическихъ комиссаровъ.

Выборъ этихъ комиссаровъ часто былъ очень неудаченъ.

Помню, какъ Керенскій представлялъ генералу Брусилову, если не ошибаюсь, капитана Калинина (или Калнина), назначеннаго комиссаромъ на западный фронтъ.

Генералъ Брусиловъ, поздоровавшись съ новымъ комиссаромъ, спросилъ его, гдѣ онъ началъ службу.

— «Въ такой-то конной батареѣ».

— «Долго Вы въ ней служили?»

— «Немного больше года».

— «А послѣ конной батареи, гдѣ протекала Ваша служба?»

Довольно продолжительное молчаніе, а затѣмъ отвѣтъ: «нигдѣ».

— «Т. е. какъ такъ нигдѣ? я не понимаю. Гдѣ же Вы были послѣ конной батареи?»

— «Я былъ обвиненъ въ политическомъ преступленіи и находился въ Сибири въ тюрьмѣ, а затѣмъ въ ссылкѣ».

— «Послѣ революціи я, какъ бывшій политическій, былъ изъ ссылки возвращенъ и, въ сравненіе со сверстниками, произведенъ въ капитаны».

Генералъ Брусиловъ ничего не нашелся сказать.

И вотъ такихъ «опытныхъ» политическихъ временное правительство назначало комиссарами.

Что они могли дѣлать иное — какъ не продолжать развалъ арміи?

Отношеніе временнаго правительства къ явно вреднымъ и преступнымъ элементамъ видно, хотя бы, изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Какъ-то мнѣ доложили, что въ поѣздѣ, прибывшемъ на станцію Могилевъ изъ Петрограда, ѣдетъ какой то прапорщикъ, который всю дорогу велъ самую возмутительную пропаганду и раздавалъ въ поѣздѣ большевистскую лите-

ратуру. Что этотъ прапорщикъ ѣдетъ на юго-западный фронтъ.

Я, по телефону, приказалъ задержать поѣздъ, — арестовать этого прапорщика, произвести дознаніе и обыскъ въ купэ, въ которомъ онъ находился.

Дознаніе подтвердило все — что было мнѣ сообщено, а арестованный прапорщикъ оказался Крыленко, впослѣдствіи верховный главнокомандующій (главковерхъ) у большевиковъ. Онъ везъ цѣлый тюкъ листовокъ самаго возмутительнаго содержанія.

При обыскѣ у Крыленко оказался «мандатъ» отъ Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Я доложилъ Брусилову и было рѣшено отправить Крыленко въ штабъ юго-западнаго фронта (тамъ находилась его часть) съ предписаніемъ немедленно предать его суду.

Въ Петроградъ же было сообщено объ этомъ арестѣ, чтобы обратить вниманіе на дѣятельность совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Результатъ получился совершенно неожиданный.

Военное министерство потребовало присылки Крыленко въ Петроградъ; тамъ же, вѣроятно подъ давленіемъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, безъ всякаго суда его выпустили на свободу.

Много позже, въ Новочеркасскѣ, одинъ изъ нашей стражи въ Быховской тюрьмѣ, прапорщикъ Георгіевскаго батальона Гришинъ, при которомъ я разсказалъ этотъ случай, сказалъ: «А я, Ваше Превосходительство, все же чувствую нѣкоторое удовлетвореніе. Вѣдь тогда, когда Вы приказали арестовать Крыленко — я былъ караульнымъ начальникомъ на станціи. Такъ, когда мы привели Крыленко въ караульное помѣщеніе, то я, нынѣшняго большевистскаго главнокомандующаго, какъ прапорщикъ — прапорщика, хорошо отхлесталъ нагайкой».

Другой случай касается нѣкоего штабсъ-капитана Муравьева, впослѣдствіи командовавшаго у большевиковъ

арміей, взявшаго Кіевъ и звѣрски расправившагося тамъ съ офицерами.

Этотъ Муравьевъ явился въ Ставку съ письмомъ изъ военнаго министерства, въ которомъ просилось отнестись благосклонно къ проекту этого господина.

Явившись ко мнѣ, Муравьевъ доложилъ, что вслѣдствіе развала на фронтѣ теперь начинаютъ тамъ формировать особыя ударныя части, которыя своимъ примѣромъ должны будутъ увлечь другихъ и, конечно, при будущемъ наступленіи сыграютъ крупную роль; что и въ тылу формируются женскія ударныя части. *)

Но, что все это недостаточно, что онъ рѣшилъ ходатайствовать объ утвержденіи устава особаго общества, которому было бы предоставлено право немедленно приступить къ широкому формированію ударныхъ батальоновъ, какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу.

Помимо того, что явно каторжный видъ этого Муравьева не внушалъ никакого довѣрія, я принципіально считалъ неправильнымъ допустить какую-то организацію изъ неизвѣстныхъ лицъ къ такой работѣ. Кромѣ того, я считалъ, что на фронтѣ есть только опредѣленные начальники и существованіе параллельно съ ними, какой то самостоятельной организаціи не возможно.

Я это высказалъ Муравьеву.

Онъ просилъ разрѣшенія представиться генералу Брусилову, о чемъ, какъ онъ сказалъ, проситъ и военный министръ.

Я сказалъ, что доложу Главнокомандующему.

Генералъ Брусиловъ рѣшилъ принять Муравьева, но согласился съ моимъ мнѣніемъ и обѣщалъ опредѣленно отказать въ его просьбѣ.

---

*) Участь этихъ несчастныхъ женскихъ батальоновъ, съ которыми такъ носился Керенскій, впослѣдствіи, на фронтѣ, была грустная: на западномъ фронтѣ вокругъ помѣщеній или бивуаковъ, ими занимаемыхъ — приходилось выставлять охрану, чтобы ихъ не насиловали озвѣрѣвшіе солдаты.

А женскій батальонъ, охранявшій Зимній Дворецъ при большевистскомъ выступленіи, 25 октября, подвергся самымъ ужаснымъ насиліямъ.

Въ составѣ этихъ батальоновъ было много идейныхъ, совсѣмъ юныхъ дѣвушекъ.

На другой день Муравьевъ вновь ко мнѣ явился и сказалъ, что генералъ Брусиловъ далъ свое согласіе на утвержденіе устава и даже подписалъ какое то удостовѣреніе на имя Муравьева.

Я пошелъ къ генералу Брусилову. Оказалось, что онъ лишь сказалъ Муравьеву, что съ его стороны не будетъ возраженій противъ организаціи формированія ударныхъ частей въ тылу.

Я сталъ доказывать, что и это не возможно. Что намъ наформируютъ такія части, которыя окончательно погубятъ фронтъ.

Генералъ Брусиловъ, въ концѣ концовъ, со мной согласился и приказалъ въ этомъ духѣ написать въ Петроградъ.

Въ Петроградъ было написано, но переписка по этому вопросу тянулась еще долго. Муравьеву военнымъ министерствомъ и впослѣдствіи поручались различныя работы.

Много пришлось возиться съ вопросомъ формированія украинскихъ частей.

Пріѣзжавшій въ Ставку Петлюра добивался полученія разрѣшенія формировать отдѣльную украинскую армію.

Въ этомъ отношеніи временное правительство поддержало Ставку и было рѣшено только постепенно украинизировать нѣсколько корпусовъ на юго-западномъ и румынскомъ фронтахъ, отнюдь не перемѣщая офицеровъ.

Генералъ Брусиловъ отлично понималъ, что политика, которую проводило временное правительство по отношенію къ арміи, — ее губила. Но неправильный тонъ имъ принятый съ самаго начала не давалъ ему возможности рѣзко измѣнить линію своего поведенія.

Онъ постепенно, путемъ разговоровъ съ наѣзжавшимъ въ Ставку Керенскимъ и путемъ подачи записокъ, старался добиться возстановленія прежней власти командного персонала.

* * *

Между тѣмъ союзники настаивали на началѣ активныхъ дѣйствій на нашемъ фронтѣ.

Съ другой стороны, теплилась надежда, что, можетъ быть, начало успѣшныхъ боевъ измѣнить психологію массы и возможно будетъ начальникамъ вновь подобрать вырванныя изъ ихъ руки вожжи.

На успѣхъ надѣялись вслѣдствіе сосредоточенія на фронтѣ значительной артиллеріи и считали, что, можетъ быть, при поддержкѣ могущественнаго артиллерійскаго огня части пойдутъ впередъ, а побѣда дастъ и все остальное.

Наступленіе было намѣчено на всѣхъ фронтахъ.

Наиболѣе сильный ударъ намѣчался на юго-западномъ фронтѣ.

Дабы подбодрить войска и влить въ нихъ «революціонный порывъ» Керенскій отправился на юго-западный фронтъ.

Послѣ сильной артиллерійской подготовки, 18 іюня / 1 іюля началось наступленіе и, первоначально, успѣхъ былъ.

Но уже черезъ нѣсколько дней выяснилось, что многія части драться не хотятъ; начались самовольные уходы съ позицій, неисполненіе боевыхъ приказовъ.

Частичный успѣхъ на фронтѣ VIII-й арміи дѣлу не помогъ.

Прорывъ фронта германцами, нѣсколько сѣвернѣе участка, гдѣ нами наносился главный ударъ, повлекъ за собой паническое отступленіе почти по всему юго-западному фронту.

Только примѣненіемъ суровыхъ мѣръ и массовыми разстрѣлами дезертировъ удалось въ концѣ концовъ остановить войска. Но, при отступленіи, были потеряны большіе артиллерійскіе склады и значительное количество артиллеріи.

Наступленіе на западномъ фронтѣ не дало никакихъ результатовъ: войска сначала заняли разрушенныя артиллерійскимъ огнемъ германскія позиціи, а затѣмъ отошли въ исходное положеніе.

На сѣверномъ фронтѣ все, въ сущности говоря, ограничилось артиллерійскимъ огнемъ.

На Румынскомъ фронтѣ сначала былъ достигнутъ незначительный тактическій успѣхъ, но затѣмъ мы перешли къ оборонѣ.

Послѣ неудачнаго іюньскаго наступленія и временное правительство поняло, что для поднятія дисциплины въ войскахъ и возстановленія боеспособности арміи нужно принять рѣшительныя мѣры и вернуть престижъ и власть командному составу.

Комиссары, бывшіе на фронтѣ, со своей стороны, присоединили свои голоса къ настойчивымъ требованіямъ командnаго состава.

Временное правительство убѣдилось, что одними уговорами ничего не подѣлаешь.

Первымъ рѣшительнымъ въ этомъ отношеніи шагомъ было назначеніе на постъ главнокомандующаго юго-западнаго фронта командующаго VIII-й арміей, генерала Корнилова, проводившаго взглядъ, что только желѣзная дисциплина можетъ спасти армію.

Керенскій, на словахъ, соглашался на необходимость принять рѣшительныя и суровыя мѣры для спасенія арміи, но, въ дѣйствительности, колебался и оттягивалъ разрѣшеніе этого вопроса.

Во всякомъ случаѣ временное правительство не считало возможнымъ совершенно уничтожить комитеты и упразднить комиссаровъ.

Савинковъ, который былъ на сторонѣ болѣе рѣшительныхъ дѣйствій для возстановленія порядка въ арміи, также былъ лишь за ограниченіе круга дѣятельности комитетовъ, но не за ихъ упраздненіе. Комиссаровъ онъ считалъ нужнымъ сохранить.

* * *

Въ Петроградѣ 3/16 іюля произошло выступленіе большевиковъ.

Большая часть Петроградскаго гарнизона осталась

на сторонѣ правительства и выступленіе большевиковъ не удалось.

Но, къ общему возмущенію, временное правительство проявило себя, послѣ подавленія большевистскаго выступленія, преступно слабымъ. Ленину, котораго можно было легко арестовать, дали возможность скрыться. Арестованнаго Троцкаго (Бронштейна), по приказанію временнаго правительства, изъ подъ ареста освободили.

Предателей и измѣнниковъ родины, работавшихъ на германскія деньги, открыто требовавшихъ прекращенія войны и мира «безъ аннексій и контрибуцій», не только не покарали со всей строгостью закона, но дѣло о нихъ фактически было прекращено и имъ предоставлена была возможность вновь начать въ Петроградѣ и въ арміи ихъ предательски-разрушительную работу.

Столь странное и преступное передъ родиной попустительство со стороны временнаго правительства по отношенію къ руководителямъ большевистскаго движенія объясняется, прежде всего, слишкомъ тѣсной связью временнаго правительства съ Петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ (всѣ министры-соціалисты были членами Петроградскаго совѣта р. и с. д., а нѣкоторые — крестьянскаго; Керенскій былъ товарищемъ предсѣдателя совѣта и это званіе сложилъ только въ сентябрѣ, когда предсѣдателемъ былъ избранъ Бронштейнъ-Троцкій) и страхомъ передъ нимъ. А совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, въ своей массѣ, былъ настроенъ явно большевистски.

Послѣ подавленія большевистскаго выступленія, военное министерство нѣсколько ускорило темпъ своей работы по выработкѣ мѣръ, связанныхъ съ возстановленіемъ боеспособности арміи.

Въ Ставкѣ также былъ приготовленъ перечень мѣропріятій, безъ проведенія коихъ въ жизнь считалось не возможнымъ сохранить армію, какъ боевую и дисциплинарную силу.

Первымъ пунктомъ въ этомъ перечнѣ было указано

на необходимость возстановленія смертной казни и въ тылу.

Керенскій обратился къ Верховному Главнокомандующему съ предложеніемъ собрать въ Ставкѣ военный совѣтъ, на который пригласить главнокомандующихъ фронтами и тѣхъ генераловъ, которыхъ генералъ Брусиловъ признаетъ полезнымъ выслушать на засѣданіи. Собраніе совѣта было назначено, если не ошибаюсь, на 18/31 іюля.

Кромѣ главнокомандующихъ фронтами, на этотъ совѣтъ генералъ Брусиловъ пригласилъ генераловъ Алексѣева, Рузскаго, Гурко и Драгомирова.

Послѣ мартовскаго переворота, Гурко былъ назначенъ главнокомандующимъ западнаго фронта вмѣсто генерала Эверта, а Драгомировъ главнокомандующимъ сѣвернаго фронта вмѣсто Рузскаго. Но оба они на своихъ мѣстахъ долго не оставались.

На засѣданіи, бывшемъ въ Петроградѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, они оба выступили съ рѣзкой критикой дѣятельности военнаго министерства и временнаго правительства, указывая, что эта дѣятельность ведетъ къ гибели арміи.

Вслѣдъ за этимъ былъ смѣщенъ Гурко, а нѣсколько позднѣй Драгомировъ.

За два дня до засѣданія отъ Керенскаго былъ по телеграфу полученъ запросъ о томъ, кого именно пригласилъ генералъ Брусиловъ на засѣданіе.

Въ отвѣтной телеграммѣ былъ сообщенъ перечень приглашенныхъ.

Вслѣдъ за этимъ Керенскій прислалъ телеграмму, что онъ считаетъ недопустимымъ присутствіе на засѣданіи генераловъ Гурко и Драгомирова; что если они будутъ, то онъ, Керенскій, на засѣданіи не будетъ...

Этотъ фактъ очень характеренъ для оцѣнки личности Керенскаго. Мелочный, злобный, интересы дѣла ставившій ниже своего мелкаго самолюбія и тщеславія.

Онъ зналъ отлично, что оба эти генерала были одними изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ, выдвинутыхъ войной. Но онъ также зналъ, что они оба прямолинейны и

рѣзки и не хотѣлъ допустить ихъ присутствія на засѣданіи, дабы избѣжать рѣзкой критики.

Генералъ Брусиловъ приказалъ послать соотвѣтствующія телеграммы обоимъ генераламъ. Но было уже поздно, такъ какъ они уже выѣхали въ Могилевъ. Пришлось, по пріѣздѣ ихъ въ Ставку, имъ объявить, что Керенскій не хочетъ ихъ видѣть на засѣданіи.

Наканунѣ засѣданія генералъ Брусиловъ былъ чѣмъ то занятъ и отложилъ мой докладъ до слѣдующаго дня.

На другой день, какъ всегда, въ 9 часовъ утра я пошелъ къ нему.

Только что начался докладъ, какъ по телефону сообщили, что подходитъ экстренный поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ Керенскій.

Надо сказать, что послѣ вступленія на постъ премьеръ-министра, послѣ князя Львова, Керенскій въ Ставкѣ еще не былъ; такимъ образомъ онъ появлялся въ Могилевѣ, въ качествѣ предсѣдателя временнаго правительства, впервые и повидимому, ожидалъ торжественной встрѣчи.

Генералъ Брусиловъ спросилъ меня — какъ быть?

Я отвѣтилъ, что докладъ у меня не большой; но, что если онъ задержится на вокзалѣ, то не успѣетъ прочитать всѣхъ необходимыхъ для засѣданія матеріаловъ, которые я ему принесъ, и онъ къ засѣданію можетъ оказаться не достаточно оріентированнымъ.

Генералъ Брусиловъ рѣшилъ на вокзалъ не ѣхать, а послать встрѣтить Керенскаго своего генерала для порученій, который долженъ былъ доложить что Верховный Главнокомандующій извиняется, что не встрѣтилъ; что у него срочная работа и онъ проситъ предсѣдателя временнаго правительства пріѣхать на засѣданіе къ двумъ часамъ дня, т. е. къ часу, назначенному для засѣданія самимъ Керенскимъ.

Окончивъ докладъ, я прошелъ къ себѣ.

Минутъ черезъ десять прибѣгаетъ взволнованный адъютантъ генерала Брусилова и говоритъ, что Верховный Главнокомандующій проситъ меня срочно придти къ нему, такъ какъ надо ѣхать на вокзалъ.

Надѣвъ шашку, выхожу въ переднюю и вижу генерала Брусилова уже спускающагося съ лѣстницы.

— «Въ чемъ дѣло?»

— «Керенскій прислалъ своего адъютанта сказать мнѣ, что онъ ждетъ меня въ вагонѣ и проситъ пріѣхать немедленно. Поѣдемъ вмѣстѣ».

Пріѣзжаемъ на вокзалъ.

Адъютантъ Керенскаго пошелъ докладывать и черезъ нѣсколько минутъ вернулся и сказалъ, что предсѣдатель временнаго правительства насъ ожидаетъ.

Входимъ въ салонъ-вагонъ.

Керенскій, небрежно развалившись, сидитъ на диванѣ.

При нашемъ входѣ, едва приподнявшись, здоровается и, обращаясь къ генералу Брусилову, говоритъ: «Генералъ, доложите о томъ, что дѣлается на фронтѣ.

Генералъ Брусиловъ дѣлаетъ краткій докладъ.

Керенскій выслушавъ и сказавъ, что будетъ на засѣданіи въ два часа дня, насъ отпустилъ.

Впослѣдствіи мнѣ передавали, что Керенскій, дѣйствительно ожидавшій почетный караулъ и торжественную встрѣчу, былъ страшно возмущенъ тѣмъ, что генералъ Брусиловъ осмѣлился даже не пріѣхать его встрѣтить.

Возмущенно онъ, въ присутствіи пріѣхавшихъ съ нимъ, заявилъ: «При Царѣ эти генералы не посмѣли бы себя такъ нагло держать. А теперь позволяютъ себѣ игнорировать предсѣдателя правительства. Я имъ покажу». И послалъ за генераломъ Брусиловымъ.

Засѣданіе происходило подъ предсѣдательствомъ генерала Брусилова.

Въ совѣтъ не былъ приглашенъ Корниловъ, которому отъ имени генерала Брусилова была послана телеграмма, что его пріѣздъ въ Ставку не признается возможнымъ въ виду положенія на юго-западномъ фронтѣ и что ему предлагается представить свои соображенія письменно. *)

---

*) Въ томѣ II „Архивъ русской революціи“, издаваемомъ Гессеномъ, въ моемъ описаніи этой части указано ошибочно, что Корниловъ былъ приглашенъ въ Ставку.

На засѣданіи очень сильную и яркую рѣчь произнесъ генералъ Деникинъ.

Рѣчь была настолько рѣзкая, что генералъ Брусиловъ, перебивъ генерала Деникина, сказалъ: «нельзя ли короче и затрагивайте только вопросы, касающіеся поднятія боеспособности арміи».

Генералъ Деникинъ тогда заявилъ, что онъ проситъ или дать ему возможность высказаться полностью, или онъ ничего больше говорить не будетъ.

Генералъ Брусиловъ просилъ его продолжать.

Генералъ Деникинъ подробно разобралъ отношеніе временнаго правительства и, въ частности, военнаго министерства къ арміи и офицерскому составу съ момента революціи; указалъ, что въ развалѣ арміи, въ значительной степени, виновно временное правительство; указалъ, что оно, своимъ попустительствомъ, все время позволяло прессѣ и агентамъ большевиковъ оскорблять корпусъ офицеровъ, выставлять ихъ какими то наемниками, опричниками, врагами солдатъ и народа; что временное правительство, своимъ несправедливымъ отношеніемъ къ офицерамъ, ихъ превращаетъ въ какихъ то паріевъ.

Въ своей рѣчи генералъ Деникинъ указалъ, что тѣ, которые сваливаютъ всю вину въ развалѣ арміи на большевиковъ, — лгутъ; что, прежде всего, виновны тѣ, которые углубляли революцію; что большевики только черви, которые завелись въ ранѣ, нанесенной арміи другими.

Послѣ рѣчи генерала Деникина, Керенскій всталъ и, обращаясь къ нему, сказалъ: «Позвольте мнѣ Васъ поблагодарить за откровенно и смѣло высказанное Вами мнѣніе».

Это было театрально, но.... ничего возразить Керенскій не сумѣлъ.

Послѣ генерала Деникина началъ говорить генералъ Рузскій, указывая, что временному правительству нужно особенно беречь корпусъ офицеровъ, которые всегда были близки къ солдатамъ, заботясь о нихъ и раздѣляя съ ними на походѣ и въ бою радости и горести; что временное правительство совершаетъ ошибку, потворствуя преслѣдованію офицеровъ въ печати и на всевозможныхъ ми-

тингахъ, что дѣйствія временнаго правительства могутъ повести къ гибели корпуса офицеровъ....

Керенскій прервалъ генерала Рузскаго и въ очень рѣзкой формѣ сталъ говорить, что нападки на временное правительство не справедливы; что въ развалѣ арміи во многомъ виноваты генералы, саботирующіе новый строй; генералы, которые при старомъ режимѣ не смѣли возражать, а теперь старающіеся дискредитировать властъ.

Генералъ Алексѣевъ, который передъ засѣданіемъ сказалъ мнѣ лично, что онъ отведетъ душу и скажетъ всю правду истиннымъ виновникамъ развала арміи, послѣ прерванной рѣчи генерала Рузскаго, сказалъ: «послѣ того, что сказано генералами Деникинымъ и Рузскимъ я ничего добавить не могу. Я всецѣло присоединяюсь къ тому, что они сказали».

Засѣданіе такъ и не выработало ничего конкретнаго.

Предсѣдатель временнаго правительства, вмѣстѣ со своими спутниками, уѣхалъ въ Петроградъ въ тотъ же день.

На другой день была получена изъ Петрограда телеграмма, что, согласно постановленію временнаго правительства, генералъ Брусиловъ освобождается отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго, а на его мѣсто назначается главнокомандующій юго-западнаго фронта генералъ Корниловъ.

До пріѣзда генерала Корнилова мнѣ предлагалось вступить во временное исполненіе должности Верховнаго Главнокомандующаго.

Документы къ главѣ пятой. *)

Телеграмма предсѣдателя Государственной Думы на имя главнокомандующаго сѣвернаго фронта генералъ-адъютанта Рузскаго. **) 27-го февраля 1917 года.

«Волненія, начавшіяся въ Петроградѣ, принимаютъ стихійный характеръ и угрожающіе размѣры. Основы ихъ недостатокъ печенаго хлѣба и слабый подвозъ муки, внушающій панику; но главнымъ образомъ полное недовѣріе къ власти, не способной вывести страну изъ тяжелаго положенія. На этой почвѣ несомнѣнно разовьются событія, сдержать которыя можно временно цѣной пролитія крови мирныхъ гражданъ, но которыхъ, при повтореніи, сдержать будетъ невозможно. Движеніе можетъ перебросится на желѣзныя дороги и жизнь страны замретъ въ самую тяжелую минуту. Заводы, работающіе на оборону въ Петроградѣ останавливаются за недостаткомъ топлива и сырого матеріала, рабочіе остаются безъ дѣла и голодная, безработная толпа вступаетъ на путь анархіи, стихійной и неудержимой. Желѣзнодорожное сообщеніе по всей Россіи въ полномъ разстройствѣ. На югѣ изъ 63 доменныхъ печей работаютъ только 28, ввиду отсутствія подвоза топлива и необходимаго матеріала. На Уралѣ изъ 92 доменныхъ печей остановились 44 и производство чугуна, уменьшаясь изо дня въ день, грозитъ крупнымъ сокращеніемъ производства снарядовъ. Населеніе, опасаясь неумѣлыхъ распоряженій

*) Эти документы далеко не исчерпываютъ всѣхъ сношеній, бывшихъ въ первые дни революціи между Ставкой, Петроградомъ и штабами фронтовъ, но и они, по своему содержанію представляютъ большой интересъ и освѣщаютъ довольно подробно многія событія періода начала революціи.

**) Сокращенныя названія въ телеграммахъ: „Наштаверх, Главкосѣв и проч. мною замѣнены полными наименованіями: Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, главнокомандующій сѣвернаго фронта и т. д.

власти не везетъ зерновыхъ продуктовъ на рынокъ, останавливая этимъ мельницы и угроза недостатка муки встаетъ во весь ростъ передъ арміей и населеніемъ.

Правительственная власть находится въ полномъ параличѣ и совершенно безпомощна возстановить нарушенный порядокъ. Россіи грозитъ униженіе и позоръ, ибо война при такихъ условіяхъ не можетъ быть побѣдоносно окончена.

Считаю единственнымъ и необходимымъ выходомъ изъ создавшагося положенія безотлагательное призваніе лица, которому можетъ вѣрить всѣ страна и которому будетъ поручено составить правительство, пользующееся довѣріемъ всего населенія. За такимъ правительствомъ пойдетъ вся Россія, одушевленная вполнѣ вѣрой въ себя и въ своихъ руководителей. Въ этотъ небывалый по ужасающимъ послѣдствіямъ и страшный часъ иного выхода на свѣтлый путь нѣтъ и я ходатайствую передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ поддержать это мое убѣжденіе передъ Его Величествомъ, дабы предотвратить возможную катастрофу. Медлить больше нельзя, промедленіе смерти подобно. Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко».

Отмѣтка на телеграммѣ генерала Рузскаго: «Очень жаль, что съ 24 по 27 февраля не удосужились сообщить о томъ, что дѣлается въ Петроградѣ. Надо думать, что и до 24 были признаки нарождающагося недовольства, грозящаго волненіями, а также и объ агитаціи среди рабочихъ и гарнизона Петрограда. Объ этомъ тоже не потрудились, можетъ быть и съ цѣлью, сообщить на фронтъ».

Телеграмма генерала Рузскаго.

Ставка. Его Императорскому Величеству Государю Императору.

«Почитаю долгомъ представить на благовоззрѣніе Вашего Величества, полученную мною отъ предсѣдателя Государственной Думы телеграмму, указывающую на грозное положеніе въ столицѣ и внутри государства, вызывающее тревогу за судьбу Родины. Хотя армія остается проникнутой сознаніемъ долга и желанія довести войну до побѣд-

наго конца, тѣмъ не менѣе на ней, непосредственно, начинають отражаться послѣдствія продовольственной и желѣзнодорожной неурядицъ, а доходящія на фронтъ свѣдѣнія о тяжеломъ кризисѣ, переживаемомъ населеніемъ, и о волненіяхъ въ Петроградѣ могутъ въ будущемъ создать условія весьма неблагопріятныя.

Нынѣ армія заключаетъ въ своихъ рядахъ представителей всѣхъ классовъ, профессій и убѣжденій, почему она не можетъ не отразить въ себѣ настроеніе страны. Поэтому дерзаю всеподданнѣйше доложить Вашему Величеству о крайней необходимости принять срочныя мѣры, которыя могли бы успокоить населеніе, вселить въ него довѣріе и бодрость духа, вѣру въ себя и свое будущее. Эти мѣры, принятыя теперь, наканунѣ предстоящаго оживленія боевой дѣятельности на фронтѣ, вольютъ новыя силы въ армію и народъ для проявленія дальнѣйшаго упорства въ борьбѣ съ врагомъ; позволяю себѣ думать, что при существующихъ условіяхъ мѣры репрессіи могутъ скорѣй обострить положеніе, чѣмъ дать необходимое, длительное удовлетвореніе. № 1147 Рузскій 27 февраля».)

Телеграмма военнаго министра.

Ставка. Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, копія главнокомандующему сѣвернаго фронта.

«Положеніе въ Петроградѣ становится весьма серьезнымъ; военный мятежъ немногими оставшимися вѣрными долгу частями погасить пока не удается, напротивъ того многія части постепенно присоединяются къ мятежникамъ. Начались пожары, бороться съ коими нѣтъ средствъ. Необходимо спѣшное прибытіе дѣйствительно надежныхъ частей, притомъ въ достаточномъ количествѣ для одновременныхъ дѣйствій въ различныхъ частяхъ города. № 197 Бѣляевъ 27 февраля».

Разговоръ по аппарату начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ начальникомъ штаба сѣвернаго фронта:

«У аппарата начальникъ штаба. Доложите объ этомъ генералу Данилову.

У аппарата генералъ Дениловъ.

Здравствуйте Юрій Никифоровичъ. Ссылаюсь на телеграмму главнокомандующему сѣвернымъ фронтомъ военнаго министра отъ сегодняшняго числа № 197.

Государь Императоръ повелѣлъ:

Генералъ-адъютанта Иванова назначить главнокомандующимъ Петроградскаго военнаго округа; въ его распоряженіе, возможно скорѣй, отправить отъ войскъ сѣвернаго фронта въ Петроградъ два кавалерійскихъ полка, по возможности изъ находящейся въ резервѣ 15-й дивизіи, два пѣхотныхъ полка изъ самыхъ прочныхъ, надежныхъ, одну пулеметную команду Кольта для Георгіевскаго батальона, который ѣдетъ изъ Ставки. Нужно назначить прочныхъ генераловъ, такъ какъ, повидимому, генералъ Хабаловъ растерялся и въ распоряженіе генерала Иванова нужно дать надежныхъ, распорядительныхъ и смѣлыхъ помощниковъ. Войска нужно отправить съ ограниченнымъ обозомъ и организовать подвозъ хлѣба и припасовъ распоряженіемъ фронта, такъ какъ трудно сказать, что творится сейчасъ въ Петроградѣ и возможно ли тамъ обезпечить войска заботами мѣстнаго гарнизона. Обстоятельства требуютъ скораго прибытія войскъ, поэтому прошу очень соотвѣтствующихъ распоряженій и сообщите мнѣ, какіе полки будутъ назначены для увѣдомленія генерала Иванова, который ускоренно отправляется 28 февраля съ Георгіевскимъ батальономъ. Такой же силы нарядъ послѣдуетъ отъ западнаго фронта, о чемъ иду говорить съ генераломъ Квѣцинскимъ. *)

Минута грозная и нужно сдѣлать все для ускоренія прибытія прочныхъ войскъ. Въ этомъ заключается вопросъ нашего дальнѣйшаго будущаго. До свиданія. Алексѣевъ».

Могу ли предложить одинъ вопросъ? Даниловъ».

«Если не продолжительный, то слушаю».

*) Былъ начальникомъ штаба западнаго фронта.

«Сколько слѣдуетъ послать генераловъ, въ качествѣ помощниковъ генерала Иванова? такъ какъ я понялъ, что во главѣ каждой бригады пѣхотной и кавалерійской нужно имѣть по одному генералу, то должны ли быть отправлены бригадные командиры дивизій, или же генералы могли бы быть посланы отъ другихъ частей; тогда былъ бы шире выборъ и можно было бы отправить особо смѣлыхъ и рѣшительныхъ. Даниловъ».

«Конечно было бы лучше, если бы оба генерала имѣли подъ командой свои полки хорошо имъ извѣстные и на которые они могли бы имѣть нравственное вліяніе; но рѣшеніе этого вопроса я предоставляю Вамъ въ зависимости отъ того, кто командуетъ тѣми частями, кои отправятся въ Петроградъ. Ничего не имѣю, если поѣдутъ начальники дивизій, такъ какъ имъ прійдется подчинить тѣ запасныя части, которыя останутся вѣрными своему долгу. Алексѣевъ».

«Слушаю, понялъ и будетъ исполнено. Даниловъ. 21 часъ 27 февраля».

Телеграмма генерала Алексѣева на имя всѣхъ главнокомандующихъ фронтами, посланная 28 февраля (13 марта):

«Сообщаю для оріентировки: Двадцать шестого въ тринадцать часовъ сорокъ минутъ получена телеграмма Хабалова о томъ, что двадцать пятаго февраля толпы рабочихъ, собиравшіяся въ различныхъ частяхъ города, были неоднократно разгоняемы полиціей и воинскими частями. Около семнадцати часовъ у Гостиннаго Двора демонстранты запѣли революціонныя пѣсни и выкинули красные флаги. На предупрежденіе, что противъ нихъ будетъ примѣнено оружіе, изъ толпы раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ и былъ раненъ одинъ рядовой. Взводъ драгунъ спѣшился и открылъ огонь по толпѣ, при чемъ убито трое и ранено десять человѣкъ. Толпа мгновенно разсѣялась. Около восемнадцати часовъ въ нарядъ конныхъ жандармовъ была брошена граната, которой раненъ одинъ жандармъ и лошадь. Вечеръ прошелъ относительно спокойно. Двадцать пятаго февраля бастовало двѣсти тысячъ ра-

бочихъ. Генераломъ Хабаловымъ было объявлено о воспрещеніи скопленія народа на улицахъ и подтверждено, что всякое проявленіе безпорядка будетъ подавляться силой оружія. По донесенію генерала Хабалова съ утра двадцать шестого февраля въ городѣ спокойно. Двадцать шестого въ двадцать два часа получена телеграмма отъ предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, сообщавшаго, что волненія, начавшіяся въ Петроградѣ, принимаютъ стихійный характеръ и угрожающіе размѣры и что начало безпорядковъ имѣло въ основаніи недостатокъ печенаго хлѣба и слабый подвозъ муки, внушающій панику. Двадцать седьмого военный министръ всеподданнѣйше доноситъ, что начавшіяся съ утра въ нѣкоторыхъ войсковыхъ частяхъ волненія твердо и энергично подавляются оставшимися вѣрными своему долгу ротами и батальонами. Бунтъ еще не подавленъ, но военный министръ выражаетъ увѣренность въ скоромъ наступленіи спокойствія, для достиженія котораго принимаются безпощадныя мѣры.

Предсѣдатель Государственной Думы двадцать седьмого, около полудня сообщаетъ, что войска становятся на сторону населенія и убиваютъ своихъ офицеровъ.

Генералъ Хабаловъ двадцать седьмого, около полудня, всеподданнѣйше доноситъ, что одна рота запаснаго батальона Павловскаго полка двадцать шестого февраля заявила, что не будетъ стрѣлять въ народъ. Командиръ батальона этого полка раненъ изъ толпы. Двадцать седьмого февраля учебная команда Волынскаго полка отказалась выходить противъ бунтовщиковъ и начальникъ ея застрѣлился. Затѣмъ эта команда, съ ротой этого же полка, направилась въ распоряженіе другихъ запасныхъ батальоновъ и къ нимъ начали присоединяться люди этихъ частей. Генералъ Хабаловъ проситъ о присылкѣ надежныхъ частей съ фронта. Военный министръ къ вечеру двадцать седьмого февраля сообщаетъ, что батарея, вызванная изъ Петергофа, отказалась грузиться на поѣздъ для слѣдованія въ Петроградъ. Двадцать седьмого февраля, между двадцатью однимъ часомъ и двадцатью двумя, дано указаніе главнокомандующимъ сѣвернаго и западнаго фронтовъ отпра-

вить въ Петроградъ съ каждаго фронта по два кавалерійскихъ и по два пѣхотныхъ полка съ энергичными генералами во главѣ бригадъ и по одной пулеметной командѣ Кольта для Георгіевскаго батальона, который приказано направить двадцать восьмого февраля въ Петроградъ изъ Ставки.

По Высочайшему повелѣнію главнокомандующимъ Петроградскимъ военнымъ округомъ, съ чрезвычайными полномочіями и подчиненіемъ ему всѣхъ министровъ, назначенъ генералъ-адъютантъ Ивановъ.

Двадцать седьмого, около двадцати четырехъ часовъ, мною сообщено главнокомандующимъ о необходимости подготовить мѣры къ тому, чтобы обезпечить во что бы то ни стало работу желѣзныхъ дорогъ.

Двадцать седьмого, послѣ девятнадцати часовъ, военный министръ сообщаетъ, что положеніе въ Петроградѣ становится весьма серьезнымъ. Военный мятежъ немногими вѣрными долгу частями погасить не удается и войсковыя части постепенно присоединяются къ мятежникамъ. Начались пожары. Петроградъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Двадцать восьмого, въ два часа, послана телеграмма отъ меня главнокомандующимъ сѣвернаго и западнаго фронтовъ о направленіи въ Петроградъ, сверхъ уже назначенныхъ войскъ, еще по одной пѣшей и конной батареѣ отъ каждаго фронта.

Двадцать восьмого февраля, въ три часа, мною послана телеграмма командующему войсками Московскаго военнаго округа о принятіи необходимыхъ мѣръ, на случай, если безпорядки перекинутся въ Москву и объ обезпеченіи работы желѣзнодорожнаго узла и прилива продовольствія.

Двадцать восьмого февраля, въ часъ, отъ генерала Хабалова получена телеграмма на Высочайшее имя, что онъ возстановить порядка въ столицѣ не могъ. Большинство частей измѣнило своему долгу и многія перешли на сторону мятежниковъ. Войска, оставшіяся вѣрными долгу, послѣ борьбы въ продолженіи всего дня, понесли большія потери.

Двадцать восьмого февраля, въ два часа, военный министръ сообщаетъ, что мятежники заняли Маріинскій Дворецъ и тамъ находятся члены революціоннаго правительства. Двадцать восьмого февраля, въ восемъ часовъ двадцать пять минутъ, генералъ Хабаловъ доноситъ, что число оставшихся вѣрными долгу уменьшилось до шестисотъ человѣкъ пѣхоты и до пятисотъ всадниковъ при пятнадцати пулеметахъ и двѣнадцати орудіяхъ, имѣющихъ всего восемьдесятъ патроновъ и что положеніе до чрезвычайности трудное.

Головной эшелонъ пѣхотнаго полка, отправляемый съ сѣвернаго фронта, подойдетъ къ Петрограду примѣрно къ утру перваго марта.

Государь Императоръ, въ ночь съ 27 на 28 февраля, изволилъ отбыть въ Царское Село.

По частнымъ свѣдѣніямъ революціонное правительство вступило въ управленіе Петроградомъ, объявивъ въ своемъ манифестѣ переходъ на его сторону четырехъ гвардейскихъ запасныхъ полковъ, о занятіи арсенала, Петропавловской крѣпости, главнаго артиллерійскаго управленія.

Только что получена телеграмма военнаго министра, что мятежники во всѣхъ частяхъ города овладѣли важнѣйшими учрежденіями. Войска, подъ вліяніемъ утомленія и пропаганды, бросаютъ оружіе, переходятъ на сторону мятежниковъ, или становятся нейтральными. Все время на улицахъ идетъ безпорядочная стрѣльба; всякое движеніе прекращено; появляющихся офицеровъ и нижнихъ чиновъ на улицахъ разоружаютъ.

Министры всѣ цѣлы, но работа министерствъ, повидимому, прекратилась.

По частнымъ свѣдѣніямъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта Щегловитовъ арестованъ. Въ Государственной Думѣ образовался совѣтъ лидеровъ партій для сношенія революціоннаго правительства съ учрежденіями и лицами; назначены дополнительные выборы въ Петроградскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ отъ рабочихъ и мятежныхъ войскъ.

Только что получена телеграмма отъ генерала Хабалова, въ которой видно, что фактически вліять на событія онъ больше не можетъ.

Сообщая объ этомъ, прибавляю, что на всѣхъ насъ легъ священный долгъ передъ Государемъ и Родиной сохранить вѣрность долгу и присягѣ въ войскахъ дѣйствующихъ армій, обезпечить желѣзнодорожное движеніе и приливъ продовольственныхъ запасовъ. 1813. Алексѣевъ. 28 февраля».

Телеграмма члена Государственной Думы Бубликова:

«По всей сѣти всѣмъ начальствующимъ.

По порученію комитета Государственной Думы сего числа занялъ министерство Путей Сообщеній и объявляю слѣдующій приказъ предсѣдателя Государственной Думы:

Желѣзнодорожники: Старая власть, создавшая разруху всѣхъ отраслей государственнаго управленія, оказалась безсильной. Государственная Дума взяла въ свои руки созданіе новой власти. Обращаюсь къ вамъ отъ имени Отечества; отъ васъ зависитъ теперь спасеніе Родины; она ждетъ отъ васъ больше, чѣмъ исполненіе долга, она ждетъ подвига. Движеніе поѣздовъ должно производиться непрерывно съ удвоенной энергіей. Слабость и недостаточность техники на русской сѣти должны быть покрыты вашей беззавѣтной энергіей, любовью къ Родинѣ и сознаніемъ важности транспорта для войны и благоустройства тыла. Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко. 28 февраля 1917 года.

Членъ вашей семьи твердо вѣрю, что вы сумѣете отвѣтить на этотъ призывъ и оправдать надежды на васъ вашей Родины. Всѣ служащіе должны остаться на своемъ посту. Членъ Государственной Думы Бубликовъ. 28 февраля 1917 года 13 часовъ 50 минутъ».

Телеграмма помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго Клембовскаго съ передачей копіи телеграммы генерала Алексѣева:

«Главнокомандующимъ. Копія телеграммы генерала Алексѣева генералъ-адъютанту Иванову въ Царское Село: Частныя свѣдѣнія говорятъ, что 28-го февраля въ Петроградѣ наступило полное спокойствіе, войска примкнули

временному правительству въ полномъ составѣ, приводятся въ порядокъ. Времен. правительство, подъ предсѣдательствомъ Родзянко, засѣдаетъ Государственной Думѣ; приказано командировъ воинскихъ частей для полученія приказаній по поддержанію порядка. Воззваніе къ населенію, выпущенное временнымъ правительствомъ, говоритъ о необходимости монархическаго начала Росссіи и необходимости новыхъ выборовъ для выбора и назначенія правительства. Жду нетерпѣніемъ пріѣзда Его Величества, чтобы представить ему изложенное и просьбу принять эти пожеланія народа. Если эти свѣдѣнія вѣрны, то измѣняются способы вашихъ дѣйствій; переговоры приведутъ умиротворенію, дабы избѣжать позорной междуусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учрежденія, заводы и пустить въ ходъ работы.

Воззваніе новаго министра путей сообщеній Бубликова къ желѣзнодорожникамъ, мною полученное кружнымъ путемъ, зоветъ къ усиленной работѣ всѣхъ, дабы наладить разстроенный транспортъ. Доложите Его Величеству все это и убѣжденіе, что дѣло можно привести мирно хорошему концу, который укрѣпитъ Россію. 1833. Алексѣевъ. 1846 Клембовскій. 28 февраля 1917 года».

Телеграмма главнокомандующему сѣвернаго фронта отъ предсѣдателя Государственной Думы:

«Временный комитетъ членовъ Государственной Думы сообщаетъ Вашему Высокопревосходительству, что, ввиду устраненія отъ управленія всего состава бывшаго совѣта министровъ, правительственная власть перешла въ настоящее время къ временному комитету Государственной Думы. Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко. 1 марта 1917 года».

Телеграмма Дворцового Коменданта:

Изъ Старой Руссы. Псковъ. Генералъ-адъютанту Рузскому.

«Его Величество слѣдуетъ черезъ Дно — Псковъ. Прошу распоряженія о безпрепятственномъ проѣздѣ. 95 Дворцовый Комендантъ Воейковъ. 13 часовъ 5 минутъ 1-го марта».

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя генерала Алексѣева:

Виду ожидающагося черезъ два часа прослѣдованія черезъ Псковъ поѣзда Лит. А. Главнокомандующій сѣвернаго фронта проситъ оріентировать его срочно, для возможности соотвѣтствующаго доклада, откуда у начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго свѣдѣнія, заключающіяся телеграммѣ 1833. 1 марта 15 ч. 45 м. 1193. Даниловъ».

Телеграмма генералъ-квартирмейстера Верховнаго Главнокомандующаго на имя начальника штаба сѣвернаго фронта:

«По приказанію начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго передаю для доклада главнокомандующему сѣвернымъ фронтомъ съ просьбой генералъ-адъютанта Алексѣева доложить Государю.

Первое — въ Кронштадтѣ безпорядки. Части ходятъ по улицамъ съ музыкой. Вице-адмиралъ Курошъ доноситъ, что принять мѣры къ усмиренію съ тѣмъ составомъ, который имѣется въ гарнизонѣ, онъ не находитъ возможнымъ, такъ какъ не можетъ ручаться ни за одну часть.

Второе — генералъ Мрозовскій сообщаетъ, что Москва охвачена возстаніемъ и войска переходятъ на сторону мятежниковъ.

Третье — Адмиралъ Непенинъ доноситъ, что онъ не призналъ возможнымъ протестовать противъ призыва временнаго комитета и такимъ образомъ Балтійскій флотъ призналъ временный комитетъ Государственной Думы.

Свѣдѣнія, заключающіяся въ телеграммѣ 1833 получены изъ Петрограда изъ различныхъ источниковъ и считаются достовѣрными.

Если будетъ хоть малѣйше сомнѣніе, что литерные поѣзда могутъ не дойти до Пскова, надлежитъ принять всѣ мѣры для доставленія доклада по принадлежности, пославъ хотя бы экстреннымъ поѣздомъ съ надежнымъ офи-

церомъ и командой нижнихъ чиновъ для исправленія пути, если бы это имѣло мѣсто. Генералъ Алексѣевъ нездоровъ и прилегъ отдохнуть, почему я и подписываю эту телеграмму. 1 марта 1917 года 17 ч. 15 м. Лукомскій».

Разговоръ по прямому проводу помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ генералъ-квартирмейстеромъ штаба сѣвернаго фронта:

«Здѣсь у аппарата генералъ Болдыревъ».

«У аппарата генералъ Клембовскій. Начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго и Великій Князь Сергій Михайловичъ просятъ главнокомандующаго всеподданнѣйше доложить Его Величеству о безусловной необходимости принятія тѣхъ мѣръ, которыя указаны въ телеграммѣ генерала Алексѣева Его Величеству, такъ какъ имъ это представляется единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія.

Такъ какъ главнокомандующій, повидимому, держится тѣхъ же взглядовъ, какъ и начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, то исполненіе просьбы ихъ не представитъ затрудненія для него, и, быть можетъ, закончится успѣшно.

Великій Князь Сергій Михайловичъ, съ своей стороны полагаетъ, что наиболѣе подходящимъ лицомъ былъ бы Родзянко, пользующійся довѣріемъ.

Передайте пожалуйста все это на вокзалъ главнокомандующему по возможности безотлагательно до прихода поѣзда. Клембовскій».

«Здравія желаю Ваше Высокопревосходительство. Приказаніе Ваше будетъ точно исполнено и беззамедлительно; поѣздъ Его Величества пока еще не прибылъ. Не будетъ ли еще какихъ либо указаній съ Вашей стороны? Болдыревъ».

«Могу лишь прибавить одно — время не терпитъ, есть много вопросовъ, которые надлежитъ разрѣшить, между тѣмъ обращаться не къ кому. Клембовскій. 1 марта 1917 года 17 часовъ 45 минутъ».

Телеграмма генерала Алексѣева, посланная въ Псковъ на имя Государя 1-го марта:

«Его Императорскому Величеству.

Ежеминутно растущая опасность распространенія анархіи по всей странѣ, дальнѣйшаго разложенія арміи и невозможности продолженія войны при создавшейся обстановкѣ настоятельно требуютъ немедленнаго изданія Высочайшаго акта, могущаго еще успокоить умы, что возможно только путемъ призванія отвѣтственнаго министерства и порученія составленія его предсѣдателю Государственной Думы.

Поступающія свѣдѣнія даютъ основаніе надѣяться на то, что думскіе дѣятели, руководимые Родзянко, еще могутъ остановить всеобщій развалъ и что работа съ ними можетъ пойти, но утрата всякаго часа уменьшаетъ послѣдніе шансы на сохраненіе и возстановленіе порядка и способствуетъ захвату власти крайними лѣвыми элементами. Ввиду этого усердно умоляю Ваше Императорское Величество соизволить на немедленное опубликованіе изъ Ставки нижеслѣдующаго манифеста:

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Грозный и жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы для борьбы съ нашей Родиной. Близокъ рѣшительный часъ. Судьбы Россіи, честь геройской нашей арміи, благополучіе народа, все будущее дорогого намъ отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Стремясь сильнѣе сплотить всѣ силы народныя для скорѣйшаго достиженія побѣды, Я призналъ необходимымъ призвать отвѣтственное передъ представителями народа министерство, возложивъ образованіе его на предсѣдателя Государственной Думы, изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ всей Россіи.

Уповаю, что всѣ вѣрные сыны Россіи, тѣсно объединившись вокругъ престола и народнаго представительства, дружно помогутъ доблестной арміи завершить ея великій подвигъ.

Во имя нашей возлюбленной Родины призываю всѣхъ русскихъ людей къ исполненію своего святого долга передъ нею, дабы вновь явить, что Россія столь же несокру-

шима, какъ и всегда и что никакія козни враговъ не одолѣютъ ее. Да поможетъ намъ Господь Богъ». № 1865 Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. 1 марта 1917 года».

Помѣтка генерала Рузскаго: «Получена и доложена 1-го марта въ 11 часовъ 30 минутъ вечера».

Телеграмма начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ начальника штаба сѣвернаго фронта:

«Для свѣдѣнія докладываю: оба литерныхъ поѣзда Псковъ. Дальнѣйшій ихъ маршрутъ не выясненъ. 1 марта 22 часа 30 минутъ 1213 Даниловъ».

Разговоръ начальника штаба сѣвернаго фронта по прямому проводу со штабомъ Петроградскаго военнаго округа (1 марта въ 23 ч. 30 м.):

«У аппарата начальникъ штаба армій сѣвернаго фронта генералъ Даниловъ. Съ кѣмъ я говорю?»

«Съ помощникомъ начальника штаба Петроградскаго округа полковникомъ Сиреліусомъ».

«Я имѣю порученіе отъ главнокомандующаго арміями сѣвернаго фронта генерала Рузскаго къ предсѣдателю Государственной Думы Родзянко, заключающееся въ томъ, что генералъ Рузскій желалъ бы по крайне срочному и отвѣтственному дѣлу переговорить по прямому проводу съ предсѣдателемъ Государственной Думы. Можетъ ли предсѣдатель Государственной Думы исполнить желаніе главнокомандующаго и въ которомъ часу могъ бы состояться разговоръ по прямому проводу, по которому въ настоящее время говоримъ мы. Благоволите выяснить и меня поставить въ извѣстность, вызвавъ къ этому аппарату. Желалъ бы знать примѣрно время необходимое вамъ для наведенія соотвѣтствующей справки. Генералъ Даниловъ».

«Сейчасъ командирую телеграфнаго офицера къ предсѣдателю Государственной Думы. Предполагаю дать отвѣтъ предсѣдателя Думы черезъ часъ. Полковникъ Сиреліусъ».

«Не представится ли возможность ускорить отвѣтъ путемъ телефоннаго сношенія; дѣло очень срочное. Даниловъ».

«Сейчасъ звоню по телефону и отвѣчу. Сиреліусъ».

«Когда отвѣтъ будетъ благоволите меня вызвать къ аппарату. Даниловъ».

«Слушаюсь. Сиреліусъ».

«Генералъ Даниловъ? Предсѣдатель Государственной Думы можетъ подойти къ аппарату около половины третьяго, т. е. раньше половины третьяго часа ночи. Полковникъ Сиреліусъ».

«Это главнокомандующаго фронтомъ не затруднитъ и генералъ Рузскій будетъ въ половинѣ третьяго вблизи аппарата. Не откажите объ этомъ поставить въ извѣстность предсѣдателя Государственной Думы и прикажите къ назначенному сроку изготовить аппаратъ для разговора. Если Вы ничего не имѣете къ этому прибавить, то считаю разговоръ оконченнымъ. Генералъ Даниловъ. 1 марта послѣ 23 час. 30 мин.».

Телеграмма Государя генералъ-адъютанту Иванову въ царское Село:

«Надѣюсь прибыли благополучно. Прошу до моего пріѣзда и доклада мнѣ никакихъ мѣръ не предпринимать. Николай. 2 марта 0 ч. 20 м.».

Такимъ образомъ, еслибъ генералу Иванову и удалось приступить къ какимъ либо рѣшительнымъ мѣрамъ, его заставили ничего не предпринимать до пріѣзда Государя.

Тогда же, т. е. въ ночь съ 1/14 на 2/15 марта, послѣ доклада генерала Рузскаго, Государь приказалъ вернуть на фронтъ всѣ тѣ части, которыя были двинуты въ Петроградъ для подавленія мятежа силой.

Слѣдовательно, съ этого момента, *всѣ надежды на прекращеніе революціоннаго движенія уже основывались на желаніи Государя кончить дѣло безъ пролитія крови и идя на уступки, а со стороны лицъ, ставшихъ во главѣ революціоннаго движенія, требованія стали повышаться.*

Телеграмма генералъ-квартирмейстера штаба сѣвернаго фронта на имя генералъ-квартирмейстера Верховнаго Главнокомандующаго:

«Начальникъ штаба поручилъ мнѣ сообщить для доклада помощнику начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго:

Первое — что въ два въ половиной часа, сегодня второго марта, главнокомандующій сѣвернаго фронта будетъ говорить по аппарату съ предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко по особому уполномочію Его Величества. Есть надежда на благопріятное разрѣшеніе.

Второе — у насъ имѣются свѣдѣнія, что гарнизонъ Луги перешелъ на сторону комитета. Эшелоны войскъ, предназначенные въ распоряженіе генералъ-адъютанта Иванова задержались Царскимъ поѣздомъ между Двинскомъ и Псковымъ. Ввиду событій Лугѣ возникаетъ вопросъ о ихъ обратномъ возвращеніи, о чемъ главнокомандующій сѣвернаго фронта будетъ имѣть всеподданнѣйшій докладъ у Государя. Генералъ Даниловъ уѣхалъ на вокзалъ доложить главнокомандующему о времени разговора его по аппарату съ предсѣдателемъ Государственной Думы. Псковъ 2 марта 0 ч. 50 м. № 1215 Болдыревъ».

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта командующему пятой арміей, помощнику начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго и начальнику военныхъ сообщеній сѣвернаго фронта:

«Ввиду невозможности продвинуть эшелоны далѣе Луги и нежелательности скопленія ихъ на линіи, особенно Псковѣ, и разрѣшенія Государя Императора вступить главнокомандующему сѣвернаго фронта сношеніе предсѣдателемъ Государственной Думы, послѣдовало Высочайшее соизволеніе вернуть войска, направленныя на станцію Александровскую, обратно Двинскій раіонъ, гдѣ расположить ихъ распоряженіемъ пятой арміей. 1 ч. 2 марта. 1216 Даниловъ».

Разговоръ по прямому проводу генерала Рузскаго съ Родзянко.

Начало разговора 3 часа 30 минутъ 2-го марта 1917 г.

«Доложите генералу Рузскому, что подходитъ къ аппарату предсѣдатель Государственной Думы Родзянко».

«У аппарата генералъ-адъютантъ Рузскій.

Здравствуйте Михаилъ Владиміровичъ, сегодня (т. е. 1-го марта) около 7 часовъ вечера (19 ч.) прибылъ въ Псковъ Государь Императоръ.

Его Величество при встрѣчѣ мнѣ высказалъ, что ожидаетъ вашего пріѣзда.

Къ сожалѣнію, затѣмъ выяснилось, что Вашъ пріѣздъ не состоится, чѣмъ я былъ глубоко огорченъ. Прошу разрѣшенія говорить съ Вами съ полной откровенностью — этого требуетъ серьезность переживаемаго времени; прежде всего я просилъ бы Васъ меня освѣдомить, сообщивъ истинную причину отмѣны Вашего прибытія въ Псковъ. Знаніе этой причины необходимо для дальнѣйшей бесѣды. Рузскій.»

«Здравствуйте Николай Владимировичъ, очень сожалѣю, что не могу пріѣхать; съ откровенностью скажу — причины моего пріѣзда двѣ: во первыхъ эшелоны, высланные Вами въ Петроградъ, взбунтовались; вылѣзли въ Лугѣ изъ вагоновъ; объявили себя присоединившимися къ Государственной Думѣ; рѣшили отнимать оружье и никого не пропускать, даже литерные поѣзда; мною немедленно приняты мѣры, чтобы путь для проѣзда Его Величества былъ свободенъ; не знаю удастся ли это. Вторая причина — полученныя мною свѣдѣнія, что мой пріѣздъ можетъ повлечь за собой нежелательныя послѣдствія; невозможность оставить разбушевавшіяся народныя страсти безъ личнаго присутствія, такъ какъ до сихъ поръ вѣрятъ только мнѣ и исполняютъ только мои приказанія. Родзянко».

«Изъ бесѣдъ, которыя Его Величество велъ со мной сегодня, выяснилось, что Государь Императоръ сначала предполагалъ предложить Вамъ составить министерство, отвѣтственное передъ Его Величествомъ, но затѣмъ, идя на встрѣчу общему желанію законодательныхъ учрежденій и народа, отпуская меня, Его Величество выразилъ окончательное рѣшеніе, и уполномочилъ меня довести до Вашего свѣдѣнія объ этомъ, — дать отвѣтственное передъ законодательными палатами министерство, съ порученіемъ Вамъ образовать кабинетъ. Если желаніе Его Величества

найдетъ въ Васъ откликъ, то спроектированъ манифестъ, который я сейчасъ же передамъ Вамъ. Манифестъ этотъ могъ бы быть объявленъ сегодня 2-го марта съ помѣткой «Псковъ». Не откажите въ Вашихъ соображеніяхъ по всему вышеизложенному. Рузскій».

«Я прошу Васъ проектъ манифеста, если возможно, передать теперь же. Очевидно, что Его Величество и Вы не отдаете себѣ отчета въ томъ, что здѣсь происходитъ; настала одна изъ страшнѣйшихъ революцій, поборотъ которую будетъ не такъ легко. Въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ, я неуклонно, при каждомъ моемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, предупреждалъ Государя Императора о надвигающейся грозѣ, если не будутъ немедленно сдѣланы уступки, которыя могли бы удовлетворить страну. Я долженъ Вамъ сообщить, что, въ самомъ началѣ движенія, власти, въ лицѣ министровъ, стушевались и не принимали рѣшительно никакихъ мѣръ предупредительнаго характера; немедленно же началось братаніе войскъ съ народными толпами; войска не стрѣляли, а ходили по улицамъ и толпа кричала имъ ура! Перерывъ занятій законодательныхъ учрежденій подлилъ масла въ огонь и, мало по малу, наступила такая анархія, что Государственной Думѣ вообще, а мнѣ въ частности, оставалось только попытаться взять движеніе въ свои руки и стать во главѣ, для того, чтобы избѣжать такой анархіи, при такомъ разложеніи, которое грозило бы гибелью Государству.

Къ сожалѣнію мнѣ это далеко не удалось, народныя страсти такъ разгорѣлись, что сдержать ихъ врядъ ли будетъ возможно; войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убиваютъ своихъ офицеровъ; ненависть къ Государынѣ Императрицѣ дошла до крайнихъ предѣловъ; вынужденъ былъ, во избѣжаніе кровопролитія, всѣхъ министровъ, кромѣ военнаго и морского, заключить въ Петропавловскую крѣпость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнетъ и меня, такъ какъ агитація направлена на все, что болѣе умѣренно и ограниченно въ своихъ требованіяхъ; считаю нужнымъ Васъ освѣдомить, что то, что предполагается Вами уже недостаточно и династиче-

скій вопросъ поставленъ ребромъ. Сомнѣваюсь, чтобы съ этимъ можно было справиться. Родзянко».

«Ваши сообщенія, Михаилъ Владиміровичъ, дѣйствительно рисуютъ обстановку въ другомъ видѣ, чѣмъ она рисовалась здѣсь, на фронтѣ. Если страсти не будутъ умиротворены, то вѣдь нашей Родинѣ грозитъ анархія на долго и это, прежде всего, отразится на исходѣ войны; между тѣмъ, затративъ столько жизней на борьбу съ непріятелемъ, нельзя теперь останавливаться на полдорогѣ и необходимо довести ее до конца, соотвѣтствующаго нашей великой Родинѣ; надо найти средства для умиротворенія страны.

Прежде передачи Вамъ текста манифеста не можете ли Вы мнѣ сказать въ какомъ видѣ намѣчается рѣшеніе династическаго вопроса. Рузскій».

«Съ болью въ сердцѣ буду теперь отвѣчать, Николай Владимировичъ.

Еще разъ повторяю — ненависть къ династіи дошла до крайнихъ предѣловъ, но весь народъ, съ кѣмъ бы я ни говорилъ, выходя къ толпамъ и войскамъ, — рѣшилъ твердо войну довести до побѣднаго конца и въ руки нѣмцамъ не даваться.

Къ Государственной Думѣ примкнулъ весь Петроградскій и Царскосельскій гарнизоны; то же повторяется во всѣхъ городахъ; нигдѣ нѣтъ разногласія, вездѣ войска становятся на сторону Думы и народа и грозныя требованія отреченія въ пользу сына при регентствѣ Михаила Александровича, становятся опредѣленнымъ требованіемъ.

Повторяю, съ страшной болью передаю Вамъ объ этомъ, но что же дѣлать; въ то время, когда народъ, въ лицѣ своей доблестной арміи, проливалъ свою кровь и несъ неисчислимыя жертвы — правительство положительно издѣвалось надъ нами; вспомните особожденіе Сухомлинова, Распутина и всю его клику; вспомните Маклакова, Штюрмера, Протопопова; всѣ стѣсненія горячаго порыва народа помогать по мѣрѣ силъ войнѣ; назначеніе князя Голицына; разстройство транспорта, денежнаго обращенія; непринятіе никакихъ мѣръ къ смягченію условій жизни; посто-

янное измѣненіе состава законодательной палаты въ нежелательномъ смыслѣ; постоянные аресты, погоня и розыскъ несуществовавшей тогда еще революціи — вотъ тѣ причины, которыя привели къ этому печальному концу.

Тяжкій отвѣтъ передъ Богомъ взяла на себя Государыня Императрица, отвращая Его Величество отъ народа.

Его присылка генерала Иванова съ Георгіевскимъ батальономъ только подлила масла въ огонь и приведетъ только къ междуусобному сраженію, такъ какъ сдержать войска, не слушающіяся своихъ офицеровъ и начальниковъ, нѣтъ рѣшительно никакой возможности; кровью обливается сердце при видѣ того, что происходитъ. Прекратите присылку войскъ, такъ какъ они дѣйствовать противъ народа не будутъ. Остановите ненужныя жертвы. Родзянко».

«Все, что Вы Михаилъ Владиміровичъ сказали тѣмъ печальнѣй, что предполагавшійся пріѣздъ Вашъ какъ бы предвѣщалъ возможность соглашенія и быстраго умиротворенія Родины. Ваши указанія на ошибки, конечно, вѣрны, но вѣдь это ошибки прошлаго, которыя въ будущемъ повториться не могутъ, при предполагаемомъ способѣ разрѣшенія переживаемаго кризиса; подумайте Михаилъ Владиміровичъ о будущемъ; необходимо найти такой выходъ, который далъ бы немедленно умиротвореніе. Войска на фронтѣ съ томительной тревогой и тоской оглядываются на то, что дѣлается въ тылу, а начальники лишены авторитетнаго слова сдѣлать имъ надлежащее разъясненіе.

Переживаемый кризисъ надо ликвидировать возможно скорѣй, чтобъ вернуть арміи возможность смотрѣть только впередъ въ сторону непріятеля. Войска въ направленіи Петрограда съ фронта были отправлены по общей директивѣ изъ Ставки, но теперь этотъ вопросъ ликвидируется; генералъ-адъютанту Иванову нѣсколько часовъ тому назадъ Государь Императоръ далъ указаніе не предпринимать ничего до личнаго свиданія; эти телеграммы посланы черезъ Петроградъ и остается только пожелать, чтобы онѣ скорѣй дошли до генерала Иванова.

Равнымъ образомъ Государь Императоръ изволилъ выразить согласіе и уже послана телеграмма, два часа тому назадъ, вернуть на фронтъ все, что было въ пути. Вы видите, что со стороны Его Величества принимаются какія только возможно мѣры, и было бы, въ интересахъ Родины и той отечественной войны, которую мы ведемъ, желательнымъ, чтобы починъ Государя нашелъ отзывъ въ сердцахъ тѣхъ, кои могутъ остановить пожаръ. Рузскій».

(Затѣмъ передается проектъ манифеста, предложеннаго генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ).

«Если будетъ признано необходимымъ внести какія либо частичныя поправки, сообщите мнѣ, равно какъ и объ общей схемѣ такового. Въ заключеніе скажу, Михаилъ Владиміровичъ, я сегодня сдѣлалъ все, что подсказывало мнѣ сердце и что могъ для того, чтобы найти выходъ для обезпеченія спокойствія теперь и въ будущемъ, а также, чтобы арміямъ въ кратчайшій срокъ обезпечить возможность спокойной работы; этого необходимо достигнуть въ кратчайшій срокъ; приближается весна и намъ нужно сосредоточить всѣ наши усилія на подготовкѣ къ активнымъ дѣйствіямъ и на согласованіе ихъ съ дѣйствіями нашихъ союзниковъ; мы обязаны думать также о нихъ; каждый день, скажу болѣе, каждый часъ въ дѣлѣ водворенія спокойствія крайне дорогъ. Рузскій».

«Вы, Николай Владимировичъ, истерзали въ конецъ мое и такъ растерзанное сердце; по тому позднему часу, въ который мы ведемъ разговоръ, Вы можете себѣ представить какая на мнѣ лежитъ огромная работа, но повторяю Вамъ, я самъ вишу на волоскѣ и власть ускользаетъ у меня изъ рукъ; анархія достигаетъ такихъ размѣровъ, что я вынужденъ былъ сегодня ночью назначить временное правительство.

Къ сожалѣнію манифестъ запоздалъ, его надо было издать послѣ моей первой телеграммы немедленно, о чемъ я просилъ Государя Императора; время упущено и возврата нѣтъ; повторяю Вамъ еще разъ: народныя страсти разгорѣлись въ области ненависти и негодованія; наша славная армія не будетъ ни въ чемъ нуждаться; въ этомъ полное еди-

неніе всѣхъ партій и желѣзнодорожное собщеніе не будетъ затруднено; надѣемся также, что послѣ воззванія временнаго правительства крестьяне и всѣ жители повезутъ хлѣбъ, снаряды (?!) и другіе предметы снаряженія; запасы весьма многочисленны, такъ какъ объ этомъ всегда заботились общественныя организаціи и особое совѣщаніе.

Молю Бога, чтобы онъ далъ силъ удержаться хотя бы въ предѣлахъ теперешняго разстройства умовъ, мыслей и чувствъ, но боюсь какъ бы не было еще хуже.

Больше ничего не могу Вамъ сказать; помогай Вамъ Богъ, нашему славному вождю, въ битвѣ уничтожить проклятаго нѣмца, о чемъ въ обращеніи, посланномъ къ арміи комитета Государственной Думы говорится опредѣленно въ видѣ пожеланія успѣховъ и побѣдъ. Желаю Вамъ спокойной ночи, если только вообще въ эти времена кто либо можетъ спать спокойно. Глубокоуважающій Васъ и душевно преданный Родзянко».

«Михаилъ Владиміровичъ, еще нѣсколько словъ, дай, конечно, Богъ, чтобы Ваши предположенія въ отношеніи арміи оправдались, но имѣйте въ виду, что всякій насильственный переворотъ не можетъ пройти безслѣдно; что если анархія, о которой Вы говорите, перекинется въ армію и начальники потеряютъ авторитетъ власти?

Подумайте, что будетъ тогда съ Родиной нашей? Въ сущности конечная цѣль одна — отвѣтственное передъ народомъ министерство; и есть для сего нормальный путь для достиженія цѣли — въ перемѣнѣ порядка управленія государствомъ. Дай Богъ Вамъ здравія и силъ для Вашей отвѣтственной работы. Глубокоуважающій Васъ Рузскій».

«Николай Владимировичъ, не забудьте, что переворотъ можетъ быть добровольный и вполнѣ безболѣзненный для всѣхъ и тогда все кончится въ нѣсколько дней; одно могу сказать: ни кровопролитія, ни ненужныхъ жертвъ не будетъ. Я этого не допущу. Желаю Вамъ всего лучшаго. Родзянко».

«Дай Богъ, чтобы все было такъ, какъ Вы говорите. Послѣднее слово: скажите Ваше мнѣніе нужно ли выпускать манифестъ? Рузскій».

«Я право не знаю, какъ Вамъ отвѣчать; все зависитъ отъ событій, которыя летятъ съ головокружительной быстротой. Родзянко».

«Я получилъ указаніе передать въ Ставку объ его напечатаніи, а по сему это и сдѣлаю, а затѣмъ пусть, что будетъ. Разговоръ нашъ доложу Государю. Рузскій».

«Ничего противъ этого не имѣю и даже прошу объ этомъ. Родзянко».

Разговоръ оконченъ въ семь съ половиной (утра) 2-го марта и переданъ въ Ставку начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

Телеграмма Государя:

«Начальнику штаба. Ставка.

1865 Можно объявить представленный манифестъ, *) помѣтить его Псковомъ. 1223. Николай. 2-го марта 5 ч. 15 м.

Разговоръ по телеграфу генералъ-квартирмейстера Верховнаго Главнокомандующаго съ начальникомъ штаба сѣвернаго фронта:

Начало разговора 9 часовъ 2-го марта 1917 г.

«У аппарата генералъ Даниловъ».

«Здравствуй Юрій Никифоровичъ, у аппарата Лукомскій.

Генералъ Алексѣевъ проситъ сейчасъ же доложить главнокомандующему, что необходимо разбудить Государя и сейчасъ же доложить ему о разговорѣ генерала Рузскаго съ Родзянко. Переживаемъ слишкомъ серьезный моментъ, когда рѣшается вопросъ не одного Государя, а всего Царствующаго Дома и Россіи. Генералъ Алексѣевъ убѣдительно проситъ безотлагательно это сдѣлать, такъ какъ теперь важна каждая минута и всякіе этикеты должны быть отброшены.

Генералъ Алексѣевъ проситъ, по выясненіи вопроса, немедленно сообщить оффиціально и со стороны высшихъ военныхъ властей сдѣлать необходимое сообщеніе въ ар-

*) Объ образованіи отвѣтственнаго министерства. Послѣдующія событія показали, что принятое Государемъ рѣшеніе уже не достигаетъ успокоенія и манифестъ не былъ опубликованъ.

міи, ибо неизвѣстность хуже всего и грозитъ тѣмъ, что начнется анархія въ арміи.

Это оффиціально, а теперь прошу тебя доложить отъ меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убѣжденію, выбора нѣтъ и отреченіе должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится въ рукахъ мятежныхъ войскъ, ибо, по полученнымъ свѣдѣніямъ, дворецъ въ Царскомъ Селѣ занятъ войсками, какъ объ этомъ вчера уже сообщалъ вамъ генералъ Клембовскій. Если не согласятся, то, вѣроятно, произойдутъ дальнѣйшіе эксцессы, которые будутъ угрожать Царскимъ Дѣтямъ, а затѣмъ начнется междуусобная война и Россія погибнетъ подъ ударами Германіи и погибнетъ династія. Мнѣ больно это говорить, но другого выхода нѣтъ. Я буду ждать твоего отвѣта Лукомскій».

«Генералъ Рузскій черезъ часъ будетъ съ докладомъ у Государя и поэтому я не вижу надобности будить главнокомандующаго, который только что, сію минуту, заснулъ и черезъ полчаса встанетъ; выигрыша во времени не будетъ никакого. Что касается неизвѣстности, то она, конечно, не только тяжка, но и грозна, однако, и ты и генералъ Алексѣевъ отлично знаете характеръ Государя и трудность получить отъ него опредѣленное рѣшеніе; вчера весь вечеръ, до глубокой ночи, прошелъ въ убѣжденіи поступиться въ пользу отвѣтственнаго министерства. Согласіе было дано только къ двумъ часамъ ночи, но, къ глубокому сожалѣнію, оно, какъ это въ сущности и предвидѣлъ главнокомандующій, явилось запоздалымъ; очень осложнила дѣло посылка войскъ генералъ-адъютанта Иванова; я убѣжденъ, сожалѣю, почти въ томъ, что несмотря на убѣдительность рѣчей Николая Владимировича и прямоту его, едва ли возможно будетъ получить опредѣленное рѣшеніе; время безнадежно будетъ тянуться; вотъ та тяжкая картина и та драма, которая происходитъ здѣсь. Между тѣмъ исполнительный комитетъ Государственной Думы шлетъ рядъ извѣщеній и заявляетъ, что остановить потокъ нѣтъ никакой возможности. Два часа тому назадъ главнокомандующій вынужденъ былъ отдать распоряженіе о томъ, чтобы не препятствовали

распространенію заявленій, которыя клонятся къ сохраненію спокойствія среди населенія и къ приливу продовольственныхъ средствъ; другого исхода не было.

Много горячихъ доводовъ высказалъ генералъ Рузскій въ разговорѣ съ Родзянко въ пользу оставленія во главѣ Государя съ отвѣтственнымъ передъ народомъ министерствомъ, но видимо время упущено и едва ли возможно разсчитывать на такое сохраненіе.

Вотъ пока все, что я могу сказать.

Повторяю — отъ доклада генерала Рузскаго я не жду опредѣленныхъ рѣшеній. Даниловъ».

«Дай Богъ, чтобы генералу Рузскому удалось убѣдить Государя. Въ его рукахъ теперь судьба Россіи и Царской Семьи. Лукомскій».

Телеграмма генерала Алексѣева на имя главнокомандующихъ фронтами (генералу Рузскому была послана копія этой телеграммы):

«Его Величество находится въ Псковѣ, гдѣ изъявилъ свое согласіе объявить манифестъ идти на встрѣчу народному желанію учредить отвѣтственное передъ палатами министерство, поручивъ предсѣдателю Государственной Думы образовать кабинетъ.

По сообщеніи этого рѣшенія главнокомандующимъ сѣвернаго фронта предсѣдателю Государственной Думы, послѣдній, въ разговорѣ по аппарату, въ три съ половиной часа второго сего марта, отвѣтилъ, что появленіе такого манифеста было бы своевременно 27-го февраля; въ настоящее же время этотъ актъ является запоздалымъ, что нынѣ наступила одна изъ страшныхъ революцій; сдерживать народныя страсти трудно; войска деморализованы. Предсѣдателю Государственной Думы, хотя пока и вѣрятъ, но онъ опасается, что сдержать народныя страсти будетъ невозможно. Что теперь династическій вопросъ поставленъ ребромъ и войну можно продолжать до побѣдоноснаго конца лишь при исполненіи предъявленныхъ требованій относительно отреченія отъ престола въ пользу сына при регентствѣ Михаила Александровича. Обстановка, повидимому, не допускаетъ иного рѣшенія и каждая минута дальнѣй-

шихъ колебаній повысить только притязанія, основанныя на томъ, что существованіе арміи и работа желѣзныхъ дорогъ находится фактически въ рукахъ Петроградскаго временнаго правительства. Необходимо спасти дѣйствующую армію отъ развала; продолжать до конца борьбу съ внѣшнимъ врагомъ; спасти независимость Россіи и судьбу династіи. Это нужно поставить на первомъ планѣ, хотя бы цѣной дорогихъ уступокъ.

Если Вы раздѣляете этотъ взглядъ, то не благоволите ли телеграфировать весьма спѣшно свою вѣрноподданическую просьбу Его Величеству черезъ главнокомандующаго сѣвернаго фронта, извѣстивъ меня.

Повторяю, что потеря каждой минуты можетъ стать роковой для существованія Россіи и что между высшими начальниками дѣйствующей арміи нужно установить единство мысли и цѣлей и спасти армію отъ колебаній и возможныхъ случаевъ измѣны долгу. Армія должна всѣми силами бороться съ внѣшнимъ врагомъ, а рѣшеніе относительно внутреннихъ дѣлъ должно избавить ее отъ искушенія принять участіе въ переворотѣ, который болѣе безболѣзненно совершится при рѣшеніи сверху. 2-го марта 1917 года 10 час. 15 м. № 1872 Алексѣевъ».

Разговоръ по прямому проводу помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ генералъ-квартирмейстеромъ штаба сѣвернаго фронта (утромъ 2-го марта):

«Извѣстно ли Вамъ о прибытіи сегодня конвоя Его Величества въ полномъ составѣ въ Государственную Думу съ разрѣшенія своихъ офицеровъ и о просьбѣ депутатовъ конвоя арестовать тѣхъ офицеровъ, которые отказались принять участіе въ возстаніи? Извѣстно ли такъ же о желаніи Государыни Императрицы переговорить съ предсѣдателемъ исполнительнаго комитета Государственной Думы и, наконецъ, о желаніи Великаго Князя Кирилла Владиміровича прибыть лично въ Государственную Думу, чтобы вступить въ переговоры съ исполнительнымъ комитетомъ? Клембовскій».

«Нѣтъ, эти извѣстія намъ неизвѣстны. Болдыревъ».

«Въ Москвѣ по всему городу происходятъ митинги, но стрѣльбы нѣтъ. Генералу Мрозовскому предложено подчиниться временному правительству. Арестованы Штюрмеръ, Добровольскій, Бѣляевъ, Войновскій-Кригеръ, Горемыкинъ, Дубровинъ, два помощника градоначальника и Климовичъ. Исполнительный комитетъ Государственной Думы обратился къ населенію съ воззваніемъ возить хлѣбъ, всѣ продукты на станціи желѣзныхъ дорогъ для продовольствованія арміи и крупныхъ городовъ. Петроградъ раздѣленъ на раіоны, въ которые назначены раіонные комиссары. Представители (?) арміи и флота постановили признать власть исполнительнаго комитета Государственной Думы впредь до образованія постояннаго правительства. Все изложенное надо доложить главнокомандующему для всеподданнѣйшаго доклада. Клембовскій».

Телеграмма генерала Алексѣева на имя Государя Императора, переданная изъ Ставки 2-го марта въ 14 ч. 30 м.

«Всеподданнѣйше представляю Вашему Императорскому Величеству полученныя мною на имя Вашего Императорскаго Величества телеграммы:

Отъ Великаго Князя Николая Николаевича:

«Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ сообщаетъ мнѣ создавшуюся небывало роковую обстановку и проситъ меня поддержать его мнѣніе, что побѣдоносный конецъ войны, столь необходимый для блага и будущности Россіи и спасенія династіи вызываетъ принятіе сверхмѣры.

Я, какъ вѣрноподанный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимымъ колѣнопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россію и Вашего Наслѣдника, зная чувство святой любви Вашей къ Россіи и къ Нему.

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, передайте ему — Ваше наслѣдіе.

Другого выхода нѣтъ. Какъ никогда въ жизни, съ особо горячей молитвой молю Бога подкрѣпить и направить Васъ. Генералъ-адъютантъ Николай».

Отъ генералъ-адъютанта Брусилова:

«Прошу Васъ доложить Государю Императору мою всеподданнѣйшую просьбу, основанную на моей преданности и любви къ Родинѣ и Царскому Престолу, что, въ данную минуту, единственный исходъ, могущій спасти положеніе и дать возможность дальше бороться съ внѣшнимъ врагомъ, безъ чего Россія пропадетъ, — отказаться отъ престола въ пользу Государя Наслѣдника Цесаревича при регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича. Другого исхода нѣтъ; необходимо спѣшить, дабы разгорѣвшійся и принявшій большіе размѣры народный пожаръ былъ скорѣе потушенъ, иначе повлечетъ за собой неисчислимыя катастрофическія послѣдствія. Этимъ актомъ будетъ спасена и сама династія въ лицѣ законнаго наслѣдника. Генералъ-адъютантъ Брусиловъ».

Отъ генералъ-адъютанта Эверта:

«Ваше Императорское Величество, начальникъ штаба Вашего Величества передалъ мнѣ обстановку, создавшуюся въ Петроградѣ, Царскомъ Селѣ, Балтійскомъ морѣ и Москвѣ и результатъ переговоровъ генералъ-адъютанта Рузскаго съ предсѣдателемъ Государственной Думы.

Ваше Величество, на армію, въ настоящемъ ея составѣ, при подавленіи внутреннихъ безпорядковъ разсчитывать нельзя. Ее можно удержать лишь именемъ спасенія Россіи отъ несомнѣннаго порабощенія злѣйшимъ врагомъ Родины при невозможности вести дальнѣйшую борьбу. Я принимаю всѣ мѣры къ тому, чтобы свѣдѣнія о настоящемъ положеніи дѣлъ въ столицахъ не проникали въ армію, дабы оберечь ее отъ несомнѣнныхъ волненій. Средствъ прекратить революцію въ столицахъ нѣтъ никакихъ.

Необходимо немедленноее рѣшеніе, которое могло бы привести къ прекращенію безпорядковъ и сохраненію арміи для борьбы противъ врага.

При создавшейся обстановкѣ, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству вѣрноподданный умоляетъ Ваше Величество, во имя спасенія Родины и династіи, принять рѣшеніе, согласованное съ заявленіемъ предсѣдателя Государственной Думы, выраженнымъ

имъ генералъ-адъютанту Рузскому, какъ единственно видимо способное прекратить революцію и спасти Россію отъ ужасовъ анархіи. Генералъ-адъютантъ Эвертъ».

Всеподданнѣйше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять рѣшеніе, которое Господь Богъ внушитъ Вамъ; промедленіе грозитъ гибелью Россіи. Пока армію удается спасти отъ проникновенія болѣзни, охватившей Петроградъ Москву, Кронштадтъ и другіе города, но ручаться за дальнѣйшее сохраненіе воинской дисциплины нельзя.

Прикосновеніе же арміи къ дѣлу внутренней политики будетъ знаменовать неизбѣжный конецъ войны, позоръ Россіи и развалъ ея.

Ваше Императорское Величество горячо любите Родину и ради ея цѣлости, независимости, ради достиженія побѣды соизволите принять рѣшеніе, которое можетъ дать мирный и благополучный исходъ изъ создавшагося болѣе чѣмъ тяжелаго положенія.

Ожидаю повелѣній. 2-го марта 1917 г. № 1878. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ».

Телеграмма генерала Сахарова на имя главнокомандующаго сѣвернаго фронта, копія генералу Алексѣеву:

«Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ передалъ мнѣ преступный и возмутительный отвѣтъ предсѣдателя Государственной Думы Вамъ на высокомилостивое рѣшеніе Государя Императора даровать странѣ отвѣтственное министерство и просилъ главнокомандующихъ доложить Его Величеству черезъ Васъ о рѣшеніи даннаго вопроса въ зависимости отъ создавшагося положенія.

Горячая любовь моя къ Его Величеству не допускаетъ душѣ моей мириться съ возможностью осуществленія гнуснаго предложенія, переданнаго Вамъ предсѣдателемъ Думы. Я увѣренъ, что не рускій народъ, никогда не касавшійся Царя своего, задумалъ это злодѣйство, а разбойная кучка людей, именуемая Государственной Думой, предательски воспользовалась удобной минутой для проведенія своихъ преступныхъ цѣлей. Я увѣренъ, что арміи фронта непоколебимо стали бы за своего Державнаго Вождя, если

бы не были призваны къ защитѣ Родины отъ врага внѣшняго и если бы не были въ рукахъ тѣхъ же государственныхъ преступниковъ, захватившихъ въ свои руки источники жизни арміи.

Переходя къ логикѣ разума и учтя создавшуюся безвыходность положенія, я, непоколебимо вѣрный подданный Его Величества, рыдая вынужденъ сказать, что, пожалуй, наиболѣе безболѣзненнымъ выходомъ для страны и для сохраненія возможности биться съ внѣшнимъ врагомъ является рѣшеніе пойти на встрѣчу уже высказаннымъ условіямъ, дабы промедленіе не дало пищи къ предъявленію дальнѣйшихъ, еще гнуснѣйшихъ, притязаній. Яссы 2-го марта 13317 генералъ Сахаровъ».

Всѣ эти телеграммы были доложены Государю генераломъ Рузскимъ между 14 и 15 часами 2/15 марта.

Государь, выслушавъ докладъ генерала Рузскаго, рѣшилъ отречься отъ престола въ пользу Наслѣдника Цесаревича и составилъ нижеслѣдующія двѣ телеграммы:

Телеграмма Государя предсѣдателю Государственной Думы:

«Предсѣдателю Государственной Думы. Петроградъ.

Нѣтъ той жертвы, которую я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родной матушки Россіи. Посему я готовъ отречься отъ престола въ пользу моего сына съ тѣмъ, чтобы онъ оставался при мнѣ до совершеннолѣтія, при регентствѣ брата моего Великаго Князя Михаила Александровича. Николай».

Телеграмма Государя начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералу Алексѣеву:

«Наштаверхъ Ставка.

Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи я готовъ отречься отъ престола въ пользу моего сына. Прошу всѣхъ служить ему вѣрно и нелицемѣрно. Николай».

Въ дѣйствительности, обѣ эти телеграммы не были отправлены по назначенію.

Послѣ ихъ подписанія, Государю, выходившему изъ вагона, въ 15 ч. 10 м. было доложено о выѣздѣ въ Псковъ депутатовъ (А. И. Гучкова и В. В. Шульгина).

Государь приказалъ телеграмму на имя предсѣдателя Государственной Думы задержать отправкой до прибытія депутатовъ, а телеграмму на имя генерала Алексѣева взялъ обратно; въ 15 ч. 45 м. Государь потребовалъ возвратить ему и телеграмму на имя М. В. Родзянко о согласіи отречься отъ престола въ пользу сына.

Во всякомъ случаѣ документально устанавливается, что рѣшеніе отречься отъ престола принято было Государемъ еще до разговора съ депутатами, выѣхавшими изъ Петрограда.

Телеграмма помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго на имя начальника штаба сѣвернаго фронта:

«Телеграмма 1223 объ объявленіи манифеста не приводится въ исполненіе въ ожиданіи дальнѣйшихъ указаній послѣ доклада главнокомандующаго сѣвернаго фронта.

Очень прошу оріентировать начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго, въ какомъ положеніи находится вопросъ.

Изъ Вашего штаба сообщили, что литерные поѣзда стоятъ въ Псковѣ и нѣтъ никакихъ распоряженій относительно отправленія. Между тѣмъ получены извѣстія, что начальникъ штаба эксплоатаціоннаго отдѣла сѣверо-западныхъ дорогъ инженеръ Гаваловъ отдалъ распоряженіе по линіи объ отправленіи литерныхъ поѣздовъ къ Двинску. Прошу сообщить, что извѣстно. 2 марта 1917 г. 1886 Клембовскій».

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя генерала Алексѣева:

«Около 19 часовъ Его Величество приметъ члена Государственнаго Совѣта Гучкова и члена Государственной Думы Шульгина, выѣхавшихъ экстреннымъ изъ Петрограда.

Государь Императоръ въ длительной бесѣдѣ съ генералъ-адъютантомъ Рузскимъ, въ присутствіи моемъ и гене-

рала Саввича, выразилъ, что нѣтъ той жертвы, которой Его Величество не принесъ бы для истиннаго блага Родины. Телеграммы Ваши и главнокомандующихъ были всѣ доложены. 2 марта 1917 г. 1230. Даниловъ».

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя генерала Алексѣева.

«1886. Литерные поѣзда стоятъ въ Псковѣ. Дѣйствительно одно время возникло предположеніе у Государя проѣхать черезъ Двинскъ въ Ставку, но вскорѣ эта мысль была отставлена ввиду вторичной бесѣды съ Его Величествомъ генерала Рузскаго, о которой я уже донесъ начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго, а также ввиду выяснившагося прибытія изъ Петрограда депутатовъ. Чтобы не загромождать Ставку противорѣчивыми свѣдѣніями, сообщаю только достовѣрно выяснившееся и въ этомъ отношеніи прошу мнѣ оказать довѣріе, что ничего важнаго не пропущу сообщить.

По поводу манифеста не послѣдовало еще указанія главнокомандующему, потому что вторичная бесѣда съ Государемъ обстановку видоизмѣнила, а пріѣздъ депутатовъ заставляетъ быть осторожнымъ съ выпускомъ манифеста. Необходимо лишь подготовиться къ скорѣйшему выпуску его, если потребуется.

Вѣрнѣе думать, что Государь Императоръ прослѣдуетъ изъ Пскова въ Царское Село, но окончательное рѣшеніе будетъ принято только послѣ выясненія результатовъ пріѣзда Гучкова и Шульгина. 2-го марта 18 часовъ 1237 Даниловъ».

Телеграмма генерала Алексѣева на имя Государя Императора:

«Получена слѣдующая телеграмма: «Ставка. Генералъ-адъютанту Алексѣеву, копіи главнокомандующему юго-западнаго фронта генералъ-адъютанту Брусилову и командующему Особой арміей генералу Гурко. Временный комитетъ Государственной Думы, образовавшійся для возстановленія порядка въ столицѣ, принужденъ былъ взять свои руки власть ввиду того, что, подъ давленіемъ войска и народа, старая власть никакихъ мѣръ для успокоенія на-

селенія не предприняла и совершенно устранена. Настоящее время власть будетъ передана временнымъ комитетомъ Государственной Думы временному правительству, образованному подъ предсѣдательствомъ князя Георгія Евгеніевича Львова.

Войска подчинились новому правительству, не исключая состоящихъ..... (пропускъ) войскъ, а также находящихся въ Петроградѣ лицъ Императорской фамиліи и всѣ слои населенія признаютъ только новую власть.

Необходимо для установленія полнаго порядка, для спасенія столицы отъ анархіи, командировать сюда на должность главнокомандующаго Петроградскимъ военнымъ округомъ доблестнаго боевого генерала, имя котораго было бы популярно и авторитетно глазахъ населенія. Комитетъ Государственной Думы признаетъ такимъ лицомъ доблестнаго извѣстнаго всей Россіи героя, командира двадцать пятаго армейскаго корпуса генералъ-лейтенанта Корнилова. Во имя спасенія Родины, во имя побѣды надъ врагомъ, во имя того, чтобы неисчислимыя жертвы этой долгой войны не пропали даромъ наканунѣ побѣды, необходимо срочно командировать генерала Корнилова въ Петроградъ. Благоволите срочно снестись съ нимъ и телеграфировать срокъ пріѣзда генерала Корнилова въ Петроградъ. Предсѣдатель вр. комитета Государственной Думы М. Родзянко. 1582. 2-го марта».

Всеподданнѣйше докладываю эту телеграмму и испрашиваю разрѣшеніе Вашего Императорскаго Величества исполнить ее во имя того, что въ исполненіи этого пожеланія можетъ заключаться начало успокоенія столицъ и водвореніе порядка въ частяхъ войскъ, составляющихъ гарнизонъ Петрограда и окрестныхъ пунктовъ. Вмѣстѣ съ симъ прошу разрѣшенія отозвать генералъ-адъютанта Иванова въ Могилевъ. 2-го марта 1917 г. 1890. Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ».

Государь на этой телеграммѣ положилъ резолюцію: «Исполнить».

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя помощника начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго:

«Поѣздъ депутатами Гучковымъ, Шульгинымъ запаздываетъ и ожидается не ранѣе 22 часовъ. Такимъ образомъ окончательное рѣшеніе вновь откладывается на нѣсколько часовъ. Какъ только все выяснится, немедленно будетъ сообщено для доклада начальнику штаба Верховного Главнокомандующаго. Телеграмма генералъ-адъютанта Алексѣева отправлена для врученія Государю Императору. Проектъ манифеста *) отправленъ въ вагонъ главнокомандующаго.

Есть опасеніе не оказался бы онъ запоздалымъ, такъ какъ имѣются частныя свѣдѣнія, что такой манифестъ, будто бы, опубликованъ Петроградѣ распоряженіемъ временнаго правительства. Повторяю — послѣднія свѣдѣнія частнаго характера. Псковъ 2-го марта 20 ч. 35 м. 1231 Даниловъ».

Телеграмма вице-адмирала Непенина на имя генераловъ Алексѣева и Рузскаго — для доклада Государю Императору:

«Съ огромнымъ трудомъ удерживаю въ повиновеніи флотъ и ввѣренныя войска.

Въ Ревелѣ положеніе критическое, но не теряю еще надежды его удержать.

Всеподданнѣйше присоединяюсь къ ходатайствамъ Великаго Князя Николая Николаевича и главнокомандующихъ фронтами о немедленномъ принятіи рѣшенія, формулированнаго предсѣдателемъ Государственной Думы. Если рѣшеніе не будетъ принято въ теченіе ближайшихъ часовъ, то это повлечетъ за собой катастрофу съ неисчислимыми бѣдствіями для нашей Родины. 20 ч. 40 м. 2-го марта 1917 г. 260. Вице-адмиралъ Непенинъ».

— — —

*) Составленный въ Ставкѣ, по приказанію Государя, объ отреченіи отъ престола.

Поѣздъ съ депутатами (А. И. Гучковымъ и В. В. Шульгинымъ) прибылъ въ Псковъ около 22-хъ часовъ 2/15 марта.

Государь сейчасъ же принялъ депутатовъ и въ 24 часа (со 2/15 на 3/16 марта) были подписаны манифестъ объ отреченіи отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича и указы Правительствующему Сенату о назначеніи князя Георгія Евгеніевича Львова предсѣдателемъ совѣта министровъ, а Великаго Князя Николая Николаевича — Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Указы Сенату были помѣчены 2/15 марта 14-ю часами, а манифестъ 15-ю часами на томъ основаніи, что первоначальное рѣшеніе Государя объ отреченіи отъ престола состоялось 2/15 марта въ 15 часовъ.

МАНИФЕСТЪ (переданъ изъ Пскова по телеграфу начальнику штаба Верховнаго Главнокомандующаго, всѣмъ главнокомандующимъ и командующимъ Балтійскаго и Черноморскаго флотовъ):

«Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать на Россію новое тяжкое испытаніе.

Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьбы Россіи, честь геройской нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша, совмѣстно со славными нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага.

Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли мы долгомъ совѣсти облегчить народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думой, признали мы за благо отречься отъ престола Государства Россійскаго и сложить съ себя Верховную власть.

Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, мы передаемъ наслѣдіе наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляемъ Его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ брату нашему править дѣлами Государственными въ полномъ ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой Родины, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенароднаго испытанія и помочь Ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы. Да поможетъ Господь Богъ Россіи. Николай.

Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ. г. Псковъ. 2 марта 1917 г. 15 ч.».

Указъ Правительствующему Сенату:

«Князю Георгію Евгеніевичу Львову повелѣваемъ быть предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Николай.

Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ. г. Псковъ. 2 марта 1917 г. 14 часовъ».

Указъ Правительствующему Сенату:

«Намѣстнику Нашему на Кавказѣ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу повелѣваемъ быть Верховнымъ Главнокомандующимъ. Николай.

Министръ Императорскаго Двора, генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ». г. Псковъ 2-го марта 1917 г. 14 часовъ».

Расписка А. И. Гучкова и В. В. Шульгина:

«Высочайшій манифестъ отъ 2-го марта 1917 года получили. Подписи: Александръ Гучковъ, Шульгинъ. 2-го марта 1917 года въ 24 часа».

Телеграмма А. И. Гучкова и В. В. Шульгина на имя начальника главнаго штаба въ Петроградъ:

«Просимъ передать предсѣдателю Государственной Думы Родзянко:

Государь далъ согласіе на отреченіе отъ престола въ пользу Великаго Князя Михаила Александровича съ обязательствомъ для него принести присягу конституціи.

Порученіе образовать новое правительство дается князю Львову. Одновременно Верховнымъ Главнокомандующимъ назначается Великій Князь Николай Николаевичъ. Манифестъ послѣдуетъ немедленно Псковѣ. Какъ положеніе дѣлъ Петроградѣ? Гучковъ. Шульгинъ. 3-го марта».

Телеграмма начальника штаба сѣвернаго фронта на имя генерала Алексѣева; копіи главнокомандующимъ и командующимъ арміями сѣвернаго фронта:

«Его Величествомъ подписаны Указы Правительствующему Сенату о бытіи предсѣдателемъ совѣта министровъ князю Георгію Евгеніевичу Львову и Верховнымъ Главнокомандующимъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу.

Государь Императоръ изволилъ затѣмъ подписать актъ отреченія отъ престола съ передачей такового Великому Князю Михаилу Александровичу.

Его Величество выѣзжаетъ сегодня, примѣрно въ два часа, на нѣсколько дней въ Ставку черезъ Двинскъ.

Манифестъ и Указы передаются по телеграфу дополнительно. 3-го марта 1244 .Даниловъ».

Разговоръ по прямому проводу генерала Рузскаго съ М. В. Родзянко и княземъ Львовымъ.

«У аппарата генералъ Рузскій».

«Здравствуйте Ваше Высокопревосходительство, чрезвычайно важно, чтобъ манифестъ объ отреченіи и передачѣ власти Великому Князю Михаилу Александровичу не былъ бы опубликованъ до тѣхъ поръ, пока я не сообщу Вамъ объ этомъ. Дѣло въ томъ, что съ великимъ трудомъ удалось удержать болѣе или менѣе въ приличныхъ рамкахъ революціонное движеніе, но положеніе еще не пришло въ себя и весьма возможна гражданская война. Съ регентствомъ Великаго Князя и воцареніемъ Наслѣдника Цесаревича помирились бы можетъ быть, но воцареніе его,

какъ Императора, абсолютно не пріемлемо. Прошу Васъ принять всѣ зависящія отъ Васъ мѣры, чтобы достигнуть отсрочки. Родзянко».

«Родзянко отошелъ, у аппарата стоитъ князь Львовъ».

«Хорошо. Распоряженіе будетъ сдѣлано, но насколько удастся пріостановить распоряженіе сказать не берусь, въ виду того, что прошло слишкомъ много времени.

Очень сожалѣю, что депутаты, присланные вчера, не были въ достаточной степени освѣдомлены съ той ролью и вообще съ тѣмъ, для чего они пріѣзжали. Во всякомъ случаѣ будетъ сдѣлано все, что въ человѣческихъ силахъ въ данную минуту. Прошу вполнѣ ясно освѣтить мнѣ теперь же все дѣло, которое вчера произошло и послѣдствія, могущія отъ этого быть въ Петроградѣ. Рузскій».

«У аппарата Родзянко. Дѣло въ томъ, что депутатовъ винить нельзя. Вспыхнулъ неожиданно для всѣхъ насъ такой солдатскій бунтъ, которому еще подобныхъ я не видѣлъ и которые, конечно не солдаты, а просто взятые отъ сохи мужики (и которые?) всѣ свои мужицкія требованія нашли полезнымъ теперь заявить. Только слышно было въ толпѣ — «земли и воли», «долой династію», «долой Романовыхъ», «долой офицеровъ», и начались во многихъ частяхъ избіенія офицеровъ. Къ этому присоединились рабочіе и анархія дошла до своего апогея.

Послѣ долгихъ переговоровъ съ депутатами отъ рабочихъ удалось прійти только къ ночи сегодня къ нѣкоторому соглашенію, которое заключается въ томъ, чтобы было созвано черезъ нѣкоторое время Учредительное Собраніе для того, чтобы народъ могъ высказать свой взглядъ на форму правленія и только тогда Петроградъ вздохнулъ свободно и ночь прошла сравнительно спокойно.

Войска, мало по малу, въ теченіе ночи приводятся въ порядокъ, но провозглашеніе Императоромъ Великаго Князя Михаила Александровича подольетъ масла въ огонь и начнется безпорядочное истребленіе всего, что можно истребить.

Мы потеряемъ и упустимъ изъ рукъ власть и усмирить народное волненіе будетъ некому.

При предложенной формѣ — возвращеніе династіи не исключено, и желательно, чтобы примѣрно до окончанія войны, продолжалъ дѣйствовать Верховный Совѣтъ и нынѣ дѣйствующее Временное правительство. Я вполнѣ увѣренъ, что, при такихъ условіяхъ, возможно быстрое успокоеніе и рѣшительная побѣда будетъ обезпечена, такъ какъ, несомнѣнно, произойдетъ подъемъ потріотическаго чувства, все заработаетъ въ усиленномъ темпѣ и побѣда, повторяю, можетъ быть обезпечена. Родзянко».

«Я распоряженія всѣ сдѣлалъ, но крайне трудно ручаться, что удастся не допустить распространеніе, такъ какъ имѣлось въ виду этой мѣрой поскорѣй дать возможность арміи перейти къ спокойному состоянію въ отношеніи тыла. Вчера Императорскій поѣздъ, или вѣрнѣе уже сегодня, такъ какъ событія протекали ночью, ушелъ черезъ Двинскъ въ Ставку и, такимъ образомъ, центръ дальнѣйшихъ переговоровъ по этому важному дѣлу долженъ быть перенесенъ туда, такъ какъ по закону, начальникъ штаба въ случаѣ отсутствія Верховнаго Главнокомандующаго, замѣщаетъ его должность и дѣйствуетъ его именемъ. Кромѣ того, необходимо установить аппаратъ Юза въ томъ мѣстѣ, гдѣ засѣдаетъ новое правительство въ Петроградѣ, дабы обезпечить вамъ удобство сношеній со Ставкой и мной. Прошу также, два раза въ день, въ опредѣленное время, сообщать мнѣ о ходѣ дѣлъ лично, или черезъ довѣренныхъ лицъ, имена которыхъ желалъ бы знать. Рузскій».

«Я въ точности выполню Ваше желаніе и аппаратъ Юза будетъ поставленъ, но прошу Васъ, въ случаѣ прорыва свѣдѣній о манифестѣ въ публику и въ армію, по крайней мѣрѣ, не торопиться съ приведеніемъ войскъ къ присягѣ. Къ вечеру сегодня дамъ Вамъ и всѣмъ главнокомандующимъ дополнительныя свѣдѣнія о ходѣ дѣла.

Скажите мнѣ, пожалуйста, когда выѣхалъ Гучковъ? Родзянко».

«Гучковъ выѣхалъ сегодня ночью изъ Пскова около трехъ часовъ.

О воздержаніи приведенія къ присягѣ въ Псковѣ я сдѣлалъ еще вчера распоряженіе; немедленно сообщу о томъ арміи моего фронта и въ Ставку.

У аппарата былъ, кажется, князь Львовъ. Желаетъ ли онъ со мной говорить? Рузскій».

«Николай Владимировичъ все сказано. Князь Львовъ ничего добавить не можетъ. Оба мы твердо надѣемся на Божью помощь, на величье и мощь Россіи и на доблесть и стойкость арміи и, не взирая ни на какія препятствія, на побѣдный конецъ войны. До свиданія. Родзянко».

«Михаилъ Владиміровичъ, скажите для вѣрности, такъ ли я Васъ понялъ; значитъ, пока, все остается по старому, какъ бы манифеста не было, а равно и о порученіи князю Львову сформировать министерство. Что касается Великаго Князя Николая Николаевича (назначеннаго) Главнокомандующимъ повелѣніемъ Его Величества, отданнымъ указомъ Государемъ Императоромъ, то объ этомъ желалъ бы знать также Ваше мнѣніе. Объ этихъ указахъ сообщено было вчера очень широко по просьбѣ депутатовъ, даже въ Москву и, конечно, на Кавказъ. Рузскій».

«Сегодня нами сформировано правительство съ княземъ Львовымъ во главѣ, о чемъ всѣмъ командующимъ фронтами посланы телеграммы. Все остается въ такомъ видѣ: Верховный Совѣтъ; отвѣтственное министерство, дѣйствія законодательныхъ палатъ до разрѣшенія вопроса о конституціи Учредительнымъ собраніемъ.

Противъ распространенія Указовъ о назначеніи Великаго Князя Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ ничего не возражаемъ. До свиданія. Родзянко».

«Скажите, кто во главѣ Верховнаго Совѣта? Рузскій».

«Я ошибся, не Верховный Совѣтъ, а Временный комитетъ Государственной Думы подъ моимъ предсѣдательствомъ. Родзянко».

«Хорошо. До свиданія. Не забудьте сообщать въ Ставку, ибо дальнѣйшіе переговоры должны вестись въ Ставкѣ, а мнѣ надо сообщать только о ходѣ и положеніи дѣла. Рузскій». 3 марта 1917 г. 6 часовъ.

— — —

Этотъ разговоръ производитъ, на первый взглядъ, крайне странное впечатлѣніе.

Обращаетъ на себя вниманіе кажущееся болѣе чѣмъ легкомысленное отношеніе къ акту такой высокой важности, какъ манифестъ Государя объ отреченіи отъ престола. Ясно также, что генералъ Рузскій и предсѣдатель Государственной Думы Родзянко говорятъ на разныхъ языкахъ.

Но то, что говорилъ Родзянко станетъ понятнымъ, если стать на точку зрѣнія руководителей революціоннаго движенія, которымъ необходимо было добиться отреченія отъ престола Государя Императора.

Эта цѣль была достигнута, а все остальное являлось уже второстепеннымъ и должно было само собой приложиться.

Генералъ Рузскій этого не понялъ и спросилъ: «значитъ, пока, все остается по старому, какъ бы манифеста не было. . .», подразумѣвая, конечно, что «пока нѣтъ и отреченія государя отъ Престола».

Предсѣдатель Государственной Думы отвѣтилъ на этотъ вопросъ уклончиво и довольно туманно. . .

Въ этомъ же разговорѣ обращаетъ на себя двукратная оговорка Родзянко о какомъ то «Верховномъ Совѣтѣ»; но и это понятно: изъ телеграфныхъ сношеній предсѣдателя Государственной Думы съ начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, было ясно, что М. В. Родзянко былъ убѣжденъ въ томъ, что временный комитетъ Государственной Думы сохранитъ за собой то же «Верховное» значеніе, которое онъ имѣлъ и въ первые дни революціи. «Отвѣтственное министерство» ясно мнилось отвѣтственнымъ передъ законодательными палатами при наличіи Вр. комитета Государственной Думы, облеченнаго Верховной властью, который, въ этомъ случаѣ, и пріобрѣлъ бы значеніе «Верховнаго Совѣта».

Но ни Государственная Дума, ни ея Временный комитетъ, послѣ отреченія Государя отъ престола, не были нужны ни совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, ни временному правительству.

— — —

Телеграмма генерала Алексѣева на имя всѣхъ главнокомандующихъ фронтами:

«Предсѣдатель Государственной Думы, Родзянко, убѣдительно проситъ задержать всѣми мѣрами и способами объявленіе того манифеста, который сообщенъ этой ночью, въ виду особыхъ условій, которыя я Вамъ сообщу дополнительно. Прошу сдѣлать распоряженіе, ознакомивъ съ манифестомъ только старшихъ начальствующихъ лицъ. Прошу отвѣта. 3-го марта 1917 г. 6 ч. 45 м. № 1913. Алексѣевъ».

Телеграмма генерала Алексѣева на имя главнокомандующихъ фронтами:

«Семь часовъ 3-го марта.

Предсѣдатель Государственной Думы, вызвавъ меня по аппарату, сообщилъ, что событія Петроградѣ далеко не улеглись, положеніе тревожно, неясно, почему настойчиво проситъ не пускать въ обращеніе манифеста, подписаннаго 2-го марта, сообщеннаго уже главнокомандующимъ, и задержать обнародованіе этого манифеста.

Причина такого настоянія болѣе ясно и опредѣленно изложена предсѣдателемъ Думы разговорѣ по аппарату съ Главнокомандующимъ сѣвернаго фронта; копія этого разговора только что сообщена мнѣ. Съ регентствомъ Великаго Князя и воцареніемъ Наслѣдника Цесаревича, говоритъ Родзянко, быть можетъ помирились бы, но кандидатура Великаго Князя, какъ Императора, ни для кого не пріемлема и вѣроятна гражданская война.

На запросъ, почему депутаты присланные Псковъ для рѣшенія именно этого вопроса, не были достаточно инструктированы, Родзянко отвѣтилъ Главнокомандующему сѣвернаго фронта, что неожиданно, послѣ, повидимому, отъѣзда депутатовъ, въ Петроградѣ вспыхнулъ новый солдатскій бунтъ, къ солдатамъ присоединились рабочіе, анархія дошла до своего апогея. Послѣ долгихъ переговоровъ съ депутатами отъ рабочихъ, удалось къ ночи 2-го марта придти къ нѣкоторому соглашенію, суть коего: черезъ нѣкоторое время, не ранѣе полугода, собрать Учредительное собраніе для опредѣленія формы правленія; до того времени

власть сосредоточивается въ рукахъ временнаго комитета Государственной Думы, отвѣтственнаго министерства, уже сформированнаго, при дѣйствіи обѣихъ законодательныхъ палатъ. Родзянко мечтаетъ и старается убѣдить, что при такой комбинаціи возможно быстрое успокоеніе, рѣшительная побѣда будетъ обезпечена, произойдетъ подъемъ патріотическихъ чувствъ, все заработаетъ усиленнымъ темпомъ.

Нѣкоторыя, уже полученныя, свѣдѣнія указываютъ, что манифестъ уже получилъ извѣстность и мѣстами распубликованъ; вообще не мыслимо удержать въ секретѣ высокой важности актъ, предназначенный для общаго свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что между подписаніемъ и обращеніемъ Родзянко ко мнѣ прошла цѣлая ночь.

Изъ совокупности разговоровъ предсѣдателя Думы главнокомандующимъ сѣвернаго фронта и мною позволительно придти къ выводамъ:

Первое—въ Государственной Думѣ и въ ея временномъ комитетѣ нѣтъ единодушья; лѣвыя партіи, усиленныя совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, пріобрѣли сильное вліяніе.

Второе — на предсѣдателя Думы и временнаго комитета Родзянко лѣвыя партіи и рабочіе депутаты оказываютъ мощное давленіе и въ сообщеніяхъ Родзянко нѣтъ откровенности и искренности.

Третье — цѣли господствующихъ надъ предсѣдателемъ партій ясно опредѣлились изъ вышеприведенныхъ пожеланій Родзянко.

Четвертое — войска Петроградскаго гарнизона окончательно распропагандированы рабочими депутатами и являются вредными и опасными для всѣхъ, не исключая умѣренныхъ элементовъ временнаго комитета.

Очерченное положеніе создаетъ грозную опасность болѣе всего для дѣйствующей арміи, ибо неизвѣстность, колебанія, отмѣна уже объявленнаго манифеста, могутъ повлечь шатаніе умовъ въ войсковыхъ частяхъ и тѣмъ разстроить способность борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, а это ввергнетъ Россію безнадежно въ пучину крайнихъ бѣдствій, повлечетъ потерю значительной части территоріи и полное разложеніе порядка въ тѣхъ губерніяхъ, которыя

останутся за Россіей, попавшей въ руки крайнихъ лѣвыхъ элементовъ.

Получивъ отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича повелѣніе въ серьезныхъ случаяхъ обращаться къ нему срочными телеграммами, доношу ему все это, испрашиваю указаній, присовокупляя: первое — суть настоящаго заключенія сообщить предсѣдателю Думы и потребовать осуществленія манифеста во имя Родины и Дѣйствующей Арміи; второе — для установленія единства во всѣхъ случаяхъ и всякой обстановкѣ созвать совѣщаніе главнокомандующихъ Могилевѣ.

Если на это совѣщаніе изволитъ прибыть Верховный Главнокомандующій, то срокъ будетъ указанъ Его Высочествомъ. Если же Великій Князь не сочтетъ возможнымъ прибыть лично, то собраться 8 или 9 марта. Такое совѣщаніе тѣмъ болѣе необходимо, что только что получилъ полуоффиціальный разговоръ по аппарату между чинами морского главнаго штаба, суть коего: обстановка въ Петроградѣ 2-го марта значительно спокойнѣй, постепенно все налаживается, слухи о рѣзнѣ солдатами офицеровъ — сплошной вздоръ, авторитетъ временнаго правительства, повидимому, силенъ; слѣдовательно основные мотивы Родзянко могутъ оказаться не вѣрными и направленными къ тому, чтобы побудить представителей арміи неминуемо присоединиться къ рѣшенію крайнихъ элементовъ, какъ къ факту совершившемуся и неизбѣжному. Коллективный голосъ высшихъ чиновъ арміи и ихъ условія должны, по моему мнѣнію, стать извѣстными всѣмъ и оказать вліяніе на ходъ событій.

Прошу высказать Ваше мнѣніе; быть можетъ Вы сочтете нужнымъ запросить и командующихъ арміями, равно сообщить, признаете ли соотвѣтственнымъ съѣздъ главнокомандующихъ. Могилевъ. 1918. Алексѣевъ». Передавъ для отправленія эту телеграмму, генералъ Алексѣевъ, проходя къ себѣ въ кабинетъ, сказалъ: «Никогда себѣ не прощу, что повѣрилъ въ искренность нѣкоторыхъ людей, послушался ихъ, и послалъ телеграмму главнокомандующимъ по вопросу объ отреченіи Государя отъ Престола».

— — —

Телеграмма главнокомандующаго сѣвернымъ фронтомъ на имя генерала Алексѣева:

«1918. Первое — считаю необходимымъ объявленіе манифеста, ибо скрыть его нельзя, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ Ревелѣ, онъ уже объявленъ.

Присяга только по выходѣ акта о вступленіи на престолъ.

Второе — потребовать отъ новаго правительства воззванія къ арміи и населенію.

Третье — для установленія единства дѣйствій необходимо, чтобы штабъ Верховнаго Главнокомандующаго былъ въ полномъ контактѣ съ правительствомъ и чтобы только Ставка, а не органы правительства, давали необходимыя и своевременныя указанія главнокомандующимъ фронтами.

Четвертое — для установленія успокоенія главнокомандующіе должны оставаться на мѣстахъ.

Это единственно авторитетная власть на мѣстахъ, къ помощи которой всѣ обращаются. Во всякомъ случаѣ, до фактическаго вступленія въ главнокомандованіе Великаго Князя, сборъ главнокомандующихъ не соотвѣтственъ.

Пятое — командующимъ арміями обстановка внутри Имперіи мало извѣстна, поэтому запрашивать ихъ мнѣніе считаю лишнимъ. 3-го марта 16 часовъ. 1254. Рузскій».

— — —

Часть третья.

Корниловское выступленіе и начало Добровольческой арміи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Назначеніе генерала Корнилова *) Верховнымъ Главнокомандующимъ привѣтствовалось всѣми благомыслящими кругами.

---

*) Лавръ Георгіевичъ Корниловъ родился въ Сибири, въ городѣ Усть-Каменогорскѣ, 18 августа 1870 года.

Отецъ Лавра Корнилова былъ изъ простыхъ казаковъ Сибирскаго казачьяго войска и дослужился до перваго офицерскаго чина (хорунжій).

Хорунжій Георгій Корниловъ былъ обремененъ семьей и жить на нищенское офицерское содержаніе ему стало не по силамъ. Онъ вышелъ въ отставку и поступилъ на службу, въ качествѣ волостного писаря, въ своей родной станицѣ Каркаралинской.

Мать Корнилова, казачка станицы Кокпектинской, несла на себѣ всю черную работу по хозяйству и выхаживала дѣтей.

Маленькому Лавру Корнилову пришлось няньчить младшихъ братьевъ и сестеръ и помогать по хозяйству.

Около 9 лѣтъ мальчикъ поттупилъ въ приходскую школу, въ которой пробылъ всего лишь два года, а затѣмъ въ 1881 году вся семья Корниловыхъ переѣхала въ г. Зайсанъ.

Урывая время отъ сна, заслуженнаго отдыха послѣ тяжелыхъ дневныхъ работъ, мальчикъ занимался.

Въ 1883 году онъ былъ принятъ въ Сибирскій кадетскій корпусъ, который окончилъ въ 1889 году первымъ ученикомъ.

По окончаніи кадетскаго корпуса, Корниловъ поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище.

Послѣ производства въ офицеры онъ взялъ вакансію въ Туркестанъ.

Въ Туркестанѣ Корниловъ все свободное отъ службы время употреблялъ на самообразованіе, на изученіе туземныхъ языковъ и на уроки ради заработка, такъ какъ семья отца, будучи въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, требовала отъ него помощи.

Осенью 1895 года поручикъ Корниловъ поступаетъ въ академію Генеральнаго штаба, которую оканчиваетъ первымъ въ 1898 году и вновь отправляется на службу въ Туркестанскій военный округъ.

Со всѣхъ концовъ Россіи, отъ отдѣльныхъ лицъ и отъ различныхъ организацій и городскихъ самоуправленій, посылались въ Ставку телеграммы, выражающія радость по случаю назначенія генерала Корнилова и увѣренность, что онъ сумѣетъ возродить мощь русской арміи.

Еще будучи назначенъ главнокомандующимъ юго-западнаго фронта, въ моментъ его наибольшаго развала, генералъ Корниловъ обратилъ вниманіе временнаго правительства на то, что наиболѣе соотвѣтственные и нужные родинѣ люди — офицеры и хорошіе солдаты — гибли, а предатели и трусы, отъ которыхъ стонала русская земля, не только продолжали жить, но даже оставались безнаказанными.

Генералъ Корниловъ тогда же добился отъ временнаго правительства возстановленія на фронтѣ смертной казни для предателей и дезертировъ.

По прибытіи въ Туркестанъ онъ получаетъ командировку на Афганскую границу.

Однажды вечеромъ, генералъ Іоновъ, въ распоряженіе котораго былъ командированъ Корниловъ, жаловался, что никакъ не можетъ получить никакихъ свѣдѣній о выстроенной афганцами на берегу р. Аму крѣпости Дейдади.

Капитанъ Корниловъ, при этомъ присутствовавшій, на другой день попросилъ дать ему трехдневный отпускъ и куда-то исчезъ.

Черезъ три дня онъ вернулся и представилъ генералу Іонову 5 фотографическихъ снимковъ съ крѣпости, кроки мѣстности и описаніе характера укрѣпленій, мѣстности и ведущей къ крѣпости дороги.

Рискуя жизнью, если бъ онъ попался афганцамъ, Корниловъ, во время этой рекогносцировки, совершилъ верхомъ пробѣгъ въ 400 верстъ.

Лѣтомъ 1899 года Корниловъ изучилъ раіонъ Кушки, а затѣмъ полтора года проработалъ, изучая китайскій Туркестанъ. Результатомъ этого изслѣдованія явилась книга „Кашгарія или Восточный Туркестанъ".

Въ 1901 году капитанъ Корниловъ былъ командированъ для изученія восточныхъ провинцій Персіи. Эта командировка, въ теченіе которой Корниловъ первый прошелъ черезъ безводную, песчаную, знойную пустыню, которую персы называли „степью отчаянія", создала ему имя какъ путешественника.

Въ 1903 году Корниловъ получилъ командировку въ Индію. Японская война застала его въ Белуджистанѣ.

Корниловъ, послѣ долгихъ хлопотъ, получаетъ назначеніе въ дѣйствующую армію.

Во время Мукденскихъ боевъ, 1-я стрѣлковая бригада, въ которой Корниловъ былъ начальникомъ штаба, прикрывала отходъ другихъ частей арміи.

Будучи окружена японцами, бригада пробилась, вынеся всѣхъ своихъ раненыхъ.

Корниловъ за это дѣло получилъ орденъ Св. Великомученника Георгія Побѣдоносца 4-й степени.

Получивъ телеграмму о своемъ назначеніи Верховнымъ Главнокомандующимъ, генералъ Корниловъ послалъ временному правительству телеграмму съ требованіемъ, чтобы немедленно были приняты мѣры къ возстановленію дисциплины въ войскахъ, къ прекращенію преслѣдованія офицеровъ, къ недопущенію вмѣшательства комиссаровъ и комитетовъ въ боевыя и строевыя распоряженія и, главное, къ введенію смертной казни для дезертировъ и предателей въ тылу.

Телеграмму свою генералъ Корниловъ закончилъ указаніемъ, что если эти требованія не будутъ выполнены, то онъ должность Верховнаго Главнокомандующаго не приметъ.

Временное правительство (Керенскій) отвѣтило, что всѣ требованія генерала Корнилова принимаются.

Послѣ Русско-Японской войны полковникъ Корниловъ одно время служилъ въ главномъ управленіи Генеральнаго штаба, а съ 1907 по 1911 годъ былъ военнымъ агентомъ въ Китаѣ.

За время своего пребыванія на востокѣ Корниловъ верхомъ объѣздилъ Китай, Монголію, Тарбогатай, Илійскій край, Синь-Цзянь и Кашгарію.

На Европейскую войну генералъ Корниловъ пошелъ командиромъ бригады 49-й пѣхотной дивизіи, но уже 25 августа 1914 года былъ назначенъ начальникомъ 48-й пѣхотной дивизіи, стяжавшей себѣ въ бояхъ, подъ его начальствомъ, названіе „стальной".

При отходѣ изъ Карпатъ, 29 апрѣля 1915 года, прикрывая, съ горстью храбрецовъ, отходъ своей дивизіи, былъ тяжело раненъ и взятъ австрійцами въ плѣнъ.

Поправившись отъ раненія, генералъ Корниловъ бѣжалъ изъ австрійскаго плѣна.

Побѣгъ генерала Корнилова изъ плѣна — одна изъ самыхъ яркихъ страницъ его феерической жизни.

Послѣ возвращенія Корнилова изъ плѣна онъ былъ награжденъ Георгіемъ 3-й степени и назначенъ командиромъ 25-го армейскаго корпуса.

Во время революціи, 2-го марта 1917 года, Корниловъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Петроградскаго военнаго округа.

20 апрѣля 1917 г. озвѣрѣлыя толпы рабочихъ — красноармейцевъ и развращенныхъ тыловыхъ солдатъ окружили Зимній дворецъ, гдѣ засѣдало временное правительство, и потребовали ухода неугодныхъ имъ министровъ. Корниловъ хотѣлъ подавить мятежъ, но временное правительство не имѣло мужества пойти противъ толпы и предпочло исполнить всѣ ея требованія.

Генералъ Корниловъ послѣ этого отказался отъ должности начальника Петроградскаго военнаго округа и, получивъ назначеніе Командующимъ VIII-й арміи, отправился на фронтъ.

Генералъ Корниловъ прибылъ въ Могилевъ и принялъ должность Верховнаго Главнокомандующаго. Но временное правительство слова своего не сдержало.

Продолжая говорить, что требованія генерала Корнилова временнымъ правительствомъ «принципіально» приняты, Керенскій, опасаясь открыто пойти противъ Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, рѣшительно возражавшихъ противъ принятія этихъ требованій, оттягивалъ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, говоря, что военному министерству (Савинкову) поручено составить проектъ необходимымъ измѣненій въ дисциплинарномъ уставѣ, въ положеніяхъ о комиссарахъ и комитетахъ, и о введеніи смертной казни въ тылу; что составленный по этимъ вопросамъ проектъ будетъ разсмотрѣнъ въ правительствѣ и срочно проведенъ въ жизнь.

Генералъ Корниловъ страшно волновался, говорилъ, что Керенскій его обманываетъ, оттягивая проведеніе въ жизнь, требованія, и явно хочетъ уклониться отъ исполненія даннаго слова.

Отношенія между Ставкой Верховнаго Главнокомандующаго и Петроградомъ портились.

Чувствовалось, что намъ не довѣряютъ.

Какъ мною уже было отмѣчено, еще при генералѣ Брусиловѣ, Могилевскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ добивался расчистки, яко-бы, образовавшагося въ Ставкѣ контръ-революціоннаго гнѣзда.

Конечно съ этими требованіями Могилевскій «совѣтъ» обращался не только къ генералу Брусилову, но и комиссару временнаго правительства, бывшему въ Ставкѣ, Елачичу. Но послѣдній, будучи порядочнымъ человѣкомъ и не видя никакихъ конкретныхъ доказательствъ предъявляемымъ обвиненіямъ, дальнѣйшаго хода этому дѣлу не далъ.

Дѣятельностью Елачича въ Ставкѣ временное правительство было не довольно и, послѣ назначенія генерала Корнилова Верховнымъ Главнокомандующимъ, Елачичъ былъ замѣненъ Филоненко, пользовавшимся полнымъ

довѣріемъ Савинкова, вступившаго въ управленіе военнымъ министерствомъ.

Филоненко, дня черезъ два послѣ своего прибытія въ Ставку, пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что у него есть данныя, что въ Ставкѣ имѣется группа контръ-революціонеровъ, затѣвающихъ переворотъ.

Я ему отвѣтилъ, что все это ерунда. Если какіе нибудь офицеры и скажутъ, что либо непріятное по отношенію временнаго правительства, то за это преслѣдовать нельзя; ничего же серьезнаго, я увѣренъ, нѣтъ; но, что если у него дѣйствительно есть какія либо данныя, то пусть онъ мнѣ ихъ сообщить и я разберу дѣло.

На этомъ и порѣшили.

Нѣсколько позже онъ далъ мнѣ списокъ нѣсколькихъ офицеровъ, яко-бы, явныхъ контръ-революціонеровъ.

Генералъ Корниловъ приказалъ произвести разслѣдованіе, не давшее никакихъ данныхъ для обвиненія. Была просто болтовня, о которой писаря и вѣстовые донесли въ Могилевскій совѣтъ.

Ко мнѣ больше Филоненко съ этимъ вопросомъ не обращался, но разслѣдованіе свое продолжалъ. Однажды мнѣ принесли копію телеграммы, посланной имъ Савинкову.

Я прочиталъ и ничего не понялъ. Было упомянуто о «конѣ блѣдномъ», скачущимъ черезъ какія то горы и что-то затѣвающихъ. Было упомянуто въ телеграммѣ о начальникѣ военныхъ сообщеній.

Я сказалъ, что воровского языка не понимаю и не могу разобрать, въ чемъ дѣло.

Мнѣ было разъяснено, что въ телеграммѣ употреблены выраженія изъ книги Савинкова «Конь блѣдный» и что эти условныя слова даютъ возможность расшифровать телеграмму; что Филоненко предупреждаетъ Савинкова о контръ-революціонныхъ замыслахъ начальника военныхъ сообщеній генерала Тихменева.

Это впослѣдствіи подтвердилось и генерала Тихменева по телеграфу изъ Петрограда туда вызвали; такъ какъ я, изъ того же Петрограда, получилъ предупрежденіе, что

ген. Тихменева тамъ арестуютъ, то обратился къ генералу Корнилову.

Генералу Корнилову стоило большихъ трудовъ отстоять ген. Тихменева.

Вообще изъ Петрограда мы получали постоянныя предупрежденія, что неудовольствіе противъ генерала Корнилова и Ставки среди временнаго правительства все наростаетъ и что совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ начинаетъ настаивать на удаленіи генерала Корнилова и на разгонѣ контръ-революціонеровъ Ставки.

Атмосфера постепенно сгущалась.

Между тѣмъ германцы на сѣверномъ фронтѣ перешли въ наступленіе, переправились черезъ Двину, прорвали нашъ фронтъ и появилась угроза не только Ригѣ и Ревелю, но и Петрограду.

Съ большимъ трудомъ удалось создать новый фронтъ противъ прорваннаго германцами участка, но чувствовалось, что если германцы сосредоточатъ противъ сѣвернаго фронта новыя силы, положеніе можетъ стать катастрофическимъ.

Генералъ Корниловъ вновь обратился къ временному правительству съ настояніемъ немедленно провести въ жизнь его требованія. Было отвѣчено, что его просятъ прибыть въ Петроградъ къ 10/23 августа для окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ въ правительствѣ.

Если не ошибаюсь, 6/19 или 7/20 августа, генералъ квартирмейстеръ, генералъ Романовскій, доложилъ мнѣ, что генералъ Корниловъ проситъ меня отдать распоряженіе о сосредоточеніи въ раіонѣ Невель — Н. Сокольники — Великіе Луки 3-го коннаго корпуса съ туземной дивизіей (кавалерійской).

Эти части находились въ резервѣ Румынскаго фронта и, за нѣсколько дней до этого доклада генерала Романовскаго, у меня былъ разговоръ съ генераломъ Корниловымъ о необходимости для усиленія сѣвернаго фронта перевести значительную кавалерійскую группу съ Румынскаго фронта.

— «Но почему же въ раіонѣ Невель — Н. Сокольники — Великіе Луки?» спросилъ я генерала Романовскаго.

— «Я не знаю. Передаю Вамъ точно приказаніе Верховнаго Главнокомандующаго».

— «Когда Вы его получили и какимъ путемъ?»

— «Вчера, послѣ двадцати трехъ часовъ, генералъ Корниловъ меня вызвалъ и приказалъ доложить Вамъ объ этомъ сегодня утромъ».

Мнѣ все это показалось нѣсколько страннымъ; странно почему это приказаніе было отдано не непосредственно мнѣ, а черезъ генералъ-квартирмейстера; не понятно было, почему выбранъ указанный раіонъ сосредоточенія.

Передъ этимъ былъ разговоръ о томъ, что, если я захочу, то могу быть назначеннымъ командующимъ арміей; но это рѣшено не было и я пока оставался начальникомъ штаба; поэтому обращеніе главнокомандующаго къ генералъ-квартирмейстеру меня удивило.

Я пошелъ къ генералу Корнилову.

Сказавъ ему, что генералъ Романовскій передалъ мнѣ его приказаніе, я попросилъ объяснить, почему выбранъ для конницы указанный раіонъ сосредоточенія.

Генералъ Корниловъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ хочетъ сосредоточить конницу не спеціально за сѣвернымъ фронтомъ, а въ такомъ раіонѣ откуда легко было бы, въ случаѣ надобности перебросить ее на сѣверный фронтъ, или на западный; что выбранный имъ раіонъ наиболѣе удовлетворяетъ этому требованію.

Я сказалъ, что намъ врядъ ли есть основаніе опасаться за западный фронтъ, гдѣ имѣются достаточные резервы и было бы лучше сосредоточить конницу въ окрестностяхъ Пскова.

Но Корниловъ остался при своемъ рѣшеніи.

— «Я, конечно, сейчасъ же отдалъ необходимыя распоряженія, но у меня получается, Лавръ Георгіевичъ, впечатлѣніе, что Вы что-то не договариваете.

Выбранный Вами раіонъ сосредоточенія конницы очень хорошъ на случай если бъ ее надо было бросить на Петроградъ, или на Москву; но, на мой взглядъ, онъ менѣе

удаченъ если идетъ рѣчь лишь объ усиленіи сѣвернаго фронта.

Если я не ошибаюсь и Вы дѣйствительно что то не договариваете, то прошу — или отпустите меня на фронтъ, или полностью скажите мнѣ Ваши предположенія. Начальникъ штаба можетъ оставаться на своемъ мѣстѣ лишь при полномъ довѣріи со стороны начальника».

Генералъ Корниловъ нѣсколько секундъ подумалъ и затѣмъ отвѣтилъ:

«Вы правы. У меня есть нѣкоторыя соображенія относительно которыхъ я съ Вами еще не говорилъ. Прошу Васъ сейчасъ же отдать распоряженіе о перемѣщеніи конницы и срочно вызовите сюда командира 3-го коннаго корпуса генерала Крымова; а мы съ Вами подробно переговоримъ послѣ моего возвращенія изъ Петрограда».

9/22 *) августа, вечеромъ, генералъ Корниловъ выѣхалъ въ Петроградъ.

Насколько уже къ этому времени сложились ненормальныя отношенія между нимъ и Керенскимъ показываетъ слѣдующее.

8/21 и 9/22 августа изъ Петрограда, изъ военнаго министерства, въ Ставку было сообщено частнымъ образомъ, что, по слухамъ, Керенскій рѣшилъ смѣстить генерала Корнилова съ поста Верховнаго Главнокомандующаго; что генералу Корнилову будетъ объ этомъ объявлено по пріѣздѣ его въ Петроградъ и будетъ предложено тамъ остаться, если же онъ не согласится и захочетъ вернуться въ армію, то будетъ арестованъ.

Генералъ Корниловъ одно время рѣшилъ отказаться отъ поѣздки въ Петроградъ, но, затѣмъ, измѣнилъ свое рѣшеніе и поѣхалъ, но поѣхалъ какъ въ непріятельскій станъ.

Для охраны былъ взятъ эскадронъ Текинскаго полка съ пулеметами.

---

*) Я очень опасаюсь, что нѣсколько путаю даты событій этого періода; въ частности у меня сомнѣніе относительно поѣздки Корнилова въ Петроградъ именно 9/22 августа. Если ошибаюсь, то это должно быть исправлено впослѣдствіи.

По пріѣздѣ въ Петроградъ онъ поѣхалъ въ Зимній Дворецъ въ сопровожденіи текинцевъ съ двумя пулеметами; эти пулеметы послѣ входа генерала Корнилова во дворецъ, были сняты съ автомобиля и текинцы дежурили у подъѣзда дворца, чтобы въ случаѣ надобности, придти на помощь къ Главнокомандующему.

Насколько слухи о предполагавшемся смѣщеніи Корнилова были вѣрны — я не знаю, но основаній для ихъ распространенія было много.

Послѣ іюньской катастрофы на юго-западномъ фронтѣ всѣ говорили о необходимости созданія твердой власти, независимой въ то же время отъ какихъ бы то ни было организацій. Говорили и писали о диктатурѣ, мысль о которой не была чужда и Керенскому.

При своихъ поѣздкахъ на фронтъ, забывая о страхѣ, который онъ испытывалъ въ Петроградѣ передъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, Керенскій набирался храбрости и, со своими спутниками, неоднократно обсуждалъ вопросы о созданіи твердой власти, объ образованіи директоріи, или о передачѣ власти диктатору.

А такъ какъ большинство этихъ спутниковъ и приближенныхъ Керенскаго, въ дѣйствительности, сердцемъ были ближе къ Ставкѣ чѣмъ къ нему, то всѣ эти разговоры передавались намъ.

Волна революціи вынесла Керенскаго на верхъ и онъ, одно время, сталъ кумиромъ толпы.

Будучи крайне честолюбивымъ человѣкомъ, онъ, естественно, мечталъ объ укрѣпленіи власти, но въ своемъ лицѣ.

Между тѣмъ, съ назначеніемъ Верховнымъ Главнокомандующимъ генерала Корнилова, на котораго съ надеждой устремились глаза всѣхъ благомыслящихъ круговъ и, въ лицѣ котораго, они видѣли единственнаго человѣка могущаго еще спасти Россію, Керенскій почувствовалъ соперника, который можетъ его затмить.

Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ открылъ первымъ кампанію противъ генерала Корнилова и, въ

этомъ отношеніи, Керенскій, естественно, пошелъ по одному съ нимъ пути.

Слухи о предполагаемомъ увольненіи Корнилова были въ Петроградѣ такъ упорны, что 9/22 августа къ Керенскому была отправлена делегація отъ совѣта союза казачьихъ войскъ, которая заявила, что совѣтъ проситъ его сказать, насколько справедливы эти слухи, и сообщить ему, отъ имени Совѣта, что все казачество не допускаетъ мысли о возможности смѣны генерала Корнилова.

Керенскій отвѣтилъ, что эти слухи ни на чемъ не основаны и никто не предполагаетъ смѣщать Корнилова.

9/22 августа, послѣ отъѣзда генерала Корнилова въ Петроградъ, отъ имени Керенскаго была получена телеграмма, что генерала Корнилова временное правительство проситъ не пріѣзжать; если же онъ все таки поѣдетъ, то временное правительство снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за то, что можетъ произойти.

Мои ближайшіе помощники пришли ко мнѣ взволнованные, говоря, что телеграмма послана умышленно съ такимъ расчетомъ, чтобы она не застала Главнокомандующаго въ Ставкѣ; что указаніе на то, что временное правительство снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность — показываетъ, что можно, дѣйствительно, ожидать ареста генерала Корнилова.

Я ихъ успокоилъ, сказавъ, что на арестъ генерала Корнилова Керенскій пойти не рѣшится, а эту телеграмму надо понимать проще: такъ какъ главнокомандующій, въ одной изъ предыдущихъ телеграммъ, самъ указывалъ, что оставлять Ставку ему нельзя изъ за опасенія, чтобы на фронтѣ не случилось чего нибудь въ его отсутствіи, то Керенскій, который просто не хочетъ видѣть Корнилова, въ своей телеграммѣ подчеркиваетъ, что вся отвѣтственность за отъѣздъ изъ Ставки Главнокомандующаго остается на немъ самомъ, такъ какъ временное правительство его въ Петроградъ теперь не вызываетъ. Поздняя же присылка телеграммы — просто плохая работа военнаго министерства, или канцеляріи Керенскаго.

11/24 августа, утромъ, генералъ Корниловъ вернулся изъ Петрограда.

Онъ, возмущенно, сталъ мнѣ разсказывать, что поѣздка его была напрасна; что Керенскій его водитъ за носъ, явно не желая выполнить свое обѣщаніе и провести въ жизнь его требованія; что на засѣданіи временнаго правительства только въ общихъ чертахъ были разсмотрѣны его требованія и поручено Савинкову разработать окончательный проектъ того, что надо ввести для поднятія дисциплины въ войскахъ и, затѣмъ, по соглашенію съ нимъ, Корниловымъ, все вновь внести на утвержденіе временнаго правительства.

— «Какъ видите—только затягиваютъ время. Повидимому Керенскому не хочется, чтобы я ѣхалъ на московское государственное совѣщаніе, но я поѣду и добьюсь, чтобы мои требованія были наконецъ приняты» — закончилъ Корниловъ.

Затѣмъ генералъ Корниловъ напомнилъ мнѣ, что, на засѣданіи временнаго правительства, 3/16 августа (во время его предыдущей поѣздки въ Петроградъ), Савинковъ ему передалъ записку (которую читалъ и Керенскій), въ которой предупредилъ, что надо быть осторожнымъ и всего не говорить, такъ какъ это сейчасъ же станетъ извѣстнымъ совѣту рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, а оттуда и нѣмцамъ.

«Я тогда же просилъ мнѣ сказать, при комъ именно нельзя всего говорить и мнѣ назвали министра земледѣлія Чернова.

Вотъ Вамъ и временное правительство, въ составѣ котораго сидятъ завѣдомые предатели! Не мудренно, что не хотятъ проводить въ жизнь моихъ требованій».

Послѣ этого генералъ Корниловъ вернулся къ разговору, бывшему у меня съ нимъ до его поѣздки въ Петроградъ.

— «Какъ Вамъ извѣстно, всѣ донесенія нашей контръразвѣдки сходятся на томъ, что новое выступленіе большевиковъ произойдетъ въ Петроградѣ въ концѣ этого мѣсяца; указываютъ на 28—29 августа/10—11 сентября.

Германіи необходимо заключить съ Россіей сепаратный миръ и свои арміи, находящіяся на нашемъ фронтѣ, бросить противъ французовъ и англичанъ.

Германскіе агенты — большевики, какъ присланные нѣмцами въ запломбированныхъ вагонахъ, такъ и мѣстные, на этотъ разъ, примутъ всѣ мѣры, чтобы произвести переворотъ и захватить власть въ свои руки.

По опыту 20 апрѣля/3 мая и 3—4/16—17 іюля я убѣжденъ, что слизняки, сидящіе въ составѣ временнаго правительства, будутъ сметены, а если, чудомъ, временное правительство останется у власти, то, при благосклонномъ участіи такихъ господъ какъ Черновы, главари большевиковъ и совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — останутся безнаказанными.

Пора съ этимъ покончить.

Пора нѣмецкихъ ставленниковъ и шпіоновъ, во главѣ съ Ленинымъ, повѣсить, а совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ разогнать, да разогнать такъ, чтобы онъ нигдѣ и не собрался.

Вы правы. Конный корпусъ я передвигаю, главнымъ образомъ, для того, чтобы къ концу августа его подтянуть къ Петрограду и, если выступленіе большевиковъ состоится, то расправиться съ предателями родины, какъ слѣдуетъ.

Руководство этой операціей я хочу поручить генералу Крымову. Я убѣжденъ, что онъ не задумается, въ случаѣ если это понадобится, перевѣшать весь составъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Противъ временнаго правительства я не собираюсь выступать. Я надѣюсь, что мнѣ, въ послѣднюю минуту, удастся съ нимъ договориться.

Но впередъ ничего никому говорить нельзя, такъ какъ г.г. Керенскіе, а тѣмъ болѣе Черновы, на все это не согласятся и операцію сорвутъ.

Если же мнѣ не удалось бы договориться съ Керенскимъ и Савинковымъ, то возможно, что придется ударить по большевикамъ и безъ ихъ согласія. Но затѣмъ они же будутъ мнѣ благодарны и можно будетъ создать необхо-

димую для Россіи твердую власть, не зависимую отъ всевозможныхъ предателей.

Я лично ничего не ищу и не хочу. Я хочу только спасти Россію и буду безпрекословно подчиняться временному правительству, очищенному и укрѣпившемуся.

Пойдете ли Вы со мной до конца и вѣрите ли, что лично для себя я ничего не ищу?»

Я, зная генерала Корнилова, какъ безусловно честнаго и преданнаго родинѣ человѣка, отвѣтилъ, что вѣрю ему, вполнѣ раздѣляю его взглядъ и пойду съ нимъ до конца.

Вотъ начало и основа всего заговора, въ которомъ потомъ временное правительство обвиняло генерала Корнилова и меня.

Послѣ этого я сказалъ генералу Корнилову, что все надо хорошенько обдумать, постараться предусмотрѣть всѣ случайности и сдѣлать такъ, чтобы бить навѣрняка. Я просилъ поручить мнѣ все это обдумать.

Генералъ Корниловъ мнѣ отвѣтилъ: «Теперь я Васъ прошу никакой арміи не принимать, а остаться у меня начальникомъ штаба.

До сихъ поръ я съ Вами не говорилъ, предполагая, что Вы захотите принять армію.

Я уже кой что подготовилъ и, по моимъ указаніямъ, полковникъ Лебедевъ и капитанъ Роженко разрабатываютъ всѣ детали.

У Васъ, какъ у начальника штаба, слишкомъ много работы, а потому уже довѣрьтесь, что я лично за всѣмъ присмотрю и все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

Во все это посвящены еще мой ординарецъ Завойко и адъютантъ полковникъ Голицынъ».

Я, къ сожалѣнію, на это согласился и никакого участія въ разработкѣ операціи не принималъ.

Какъ послѣдующее показало, самъ генералъ Корниловъ, за неимѣніемъ времени, подготовкой операціи не руководилъ, а исполнители, не исключая и командира корпуса, генерала Крымова, отнеслись къ дѣлу болѣе чѣмъ легкомысленно, что и было одной изъ главныхъ причинъ, почему операція впослѣдствіи сорвалась.

12/25 августа въ Ставку пріѣхалъ генералъ Крымовъ, но такъ какъ генералъ Корниловъ, до отъѣзда въ Москву на государственное совѣщаніе, не имѣлъ времени съ нимъ переговорить, то предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Москву, чтобы переговорить дорогой.

Государственное совѣщаніе было созвано въ Москвѣ въ цѣляхъ выясненія средствъ для спасенія Родины.

13/26 августа генералъ Корниловъ пріѣхалъ въ Москву, которая встрѣтила его очень торжественно.

Въ тотъ же день генерала Корнилова предупреждали, что Керенскій не доволенъ встрѣчею, которую Москва устроила Верховному Главнокомандующему и этимъ подчеркнула, что видитъ въ немъ человѣка способнаго спасти родину. При этомъ Корнилову сказали, что Керенскій приметъ всѣ мѣры, чтобы помѣшать ему выступать на государственномъ совѣщаніи.

Дѣйствительно, вечеромъ 13/26-го въ поѣздъ главнокомандующаго прибылъ одинъ изъ членовъ временнаго правительства и, ссылаясь на то, что всѣ ораторы уже расписаны, что Керенскій скажетъ относительно арміи все что надо, совѣтывалъ генералу Корнилову съ рѣчью не выступать.

Но Корниловъ потребовалъ, чтобы ему было предоставлено слово и, на утреннемъ засѣданіи государственнаго совѣщанія, 14/27 августа выступилъ съ рѣчью.

Онъ опредѣленно сказалъ, что у него нѣтъ увѣренности въ томъ, что русская армія выполнитъ свой долгъ передъ родиной.

Указалъ, что въ арміи развалъ и убійства офицеровъ озвѣрѣвшими солдатами продолжаются.

Прочиталъ рядъ послѣднихъ телеграммъ о кошмарныхъ, хулиганскихъ, убійствахъ чиновъ командного состава.

Указалъ, что дезертирство продолжается и анархія въ арміи развивается.

Указалъ, что на югѣ опасность угрожаетъ плодороднымъ губерніямъ, а на сѣверѣ, если не будетъ удержанъ

Рижскій заливъ, то непосредственная опасность будетъ угрожать Петрограду.

Затѣмъ генералъ Корниловъ заявилъ, что для спасенія арміи и Россіи, необходимо ввести въ арміи желѣзную дисциплину, возстановить власть начальниковъ и престижъ корпуса офицеровъ.

Указавъ на разруху въ тылу, вслѣдствіе которой армія начинаетъ голодать, а производительность фабрикъ и заводовъ падаетъ, требовалъ принятія немедленныхъ и самыхъ рѣшительныхъ мѣръ противъ развала арміи и тыла.

Заявилъ, что правительство занимается попустительствомъ и не утверждаетъ для спасенія арміи тѣхъ необходимыхъ мѣръ, на которыхъ онъ неоднократно настаивалъ.

Всѣ участники совѣщанія, кромѣ представителей совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, горячо привѣтствовали Корнилова и въ своихъ рѣчахъ настаивали на проведеніи въ жизнь намѣченныхъ имъ реформъ.

Послѣ своей рѣчи на совѣщаніи Корниловъ сейчасъ же выѣхалъ въ Могилевъ.

Въ бытность въ Москвѣ онъ видѣлся съ Донскимъ атаманомъ Калединымъ, съ предсѣдателемъ Государственной Думы Родзянко и съ представителями различныхъ общественныхъ организацій и политическихъ партій.

Разговоры съ ними его убѣдили, что требованія имъ предъявляемыя, будутъ поддержаны и укрѣпили въ немъ увѣренность въ правильности его рѣшеній.

Послѣ возвращенія въ Могилевъ, Корниловъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія возбужденныхъ имъ вопросовъ.

Керенскій и Савинковъ прислали телеграммы, что разработка мѣропріятій, требующихся для возстановленія дисциплины въ арміи, заканчивается и что Савинковъ, въ ближайшіе дни, пріѣдетъ въ Могилевъ для окончательнаго согласованія вопросовъ съ Корниловымъ, послѣ чего все намѣченное будетъ немедленно утверждено временнымъ правительствомъ.

Между тѣмъ, свѣдѣнія, поступающія изъ Петрограда, подтверждали, что выступленіе большевиковъ состоится въ концѣ мѣсяца.

Въ Петроградѣ, еще раньше, нѣсколькими лицами было образовано тайное общество съ цѣлью формировать отряды самообороны на случай большевистскаго выступленія.

Полковникъ генеральнаго штаба Лебедевъ, поддерживавшій связь съ лицами, стоявшими во главѣ этой организаціи, предложилъ Корнилову войти съ ними въ непосредственное сношеніе и вызвать ихъ въ Могилевъ.

Генералъ Корниловъ согласился и вызванныя лица (два инженера путей сообщенія) пріѣхали.

Они доложили Корнилову, что въ ихъ распоряженіи имѣется около двухъ тысячъ человѣкъ отлично вооруженныхъ, но офицеровъ мало. Набирать широко среди офицеровъ Петроградскаго гарнизона они не рискуютъ, опасаясь что кто нибудь проболтается и что ихъ организація можетъ быть раскрыта. Что они просятъ генерала Корнилова прислать въ Петроградъ къ концу августа человѣкъ сто офицеровъ и они ручаются, что, въ случаѣ выступленія большевиковъ, ихъ организація сыграетъ крупную роль.

Генералъ Корниловъ согласился, сказавъ, что офицеры могутъ быть посланы съ фронта, подъ видомъ отпускныхъ. Распоряженіе объ этомъ должно было быть сдѣлано черезъ союзъ офицеровъ. *)

Было условлено, что все должно быть подготовлено къ 26 августа/8 сентября и, въ случаѣ выступленія большевиковъ, при приближеніи къ Петрограду корпуса генерала Крымова, эта организація должна была въ Петроградѣ выступить, занять Смольный Институтъ (гдѣ помѣщался совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ) и постараться арестовать большевистскихъ главарей.

* * *

*) Въ іюнѣ, съ цѣлью объединить офицеровъ, поддерживать между ними связь и координировать ихъ усилія для прекращенія развала арміи, былъ образованъ союзъ офицеровъ.

При Ставкѣ находился центральный органъ управленія союза офицеровъ, а на мѣстахъ — въ штабахъ армій, корпусовъ, дивизій и въ каждой отдѣльной части войскъ были свои отдѣленія союза.

Въ Ставку пріѣхали, кромѣ указанныхъ инженеровъ, б. членъ 1-й Государственной Думы Аладьинъ и нѣкій Добрынскій.

Я ихъ прежде не зналъ.

Генералъ Корниловъ съ Аладьинымъ познакомился, насколько мнѣ извѣстно, въ бытность свою главнымъ начальникомъ Петроградскаго округа, а Добрынскаго, кажется, рекомендовалъ ему Завойко.

Оба они никакого участія и никакой активной роли въ, такъ называемомъ, Корниловскомъ выступленіи не играли.

Аладьинъ просилъ разрѣшенія пріѣхать въ Ставку и Корниловъ его пригласилъ, считая, что онъ можетъ быть вообще полезенъ (какъ одинъ изъ видныхъ членовъ 1-й Государственной Думы); Добрынскаго Корниловъ считалъ полезнымъ, какъ человѣка, яко-бы, имѣющаго большія связи среди горскаго и казачьяго населенія.

При описаніяхъ Корниловскаго выступленія были указанія, что, какъ эти лица, такъ и ординарецъ ген. Корнилова, Завойко, имѣли громадное вліяніе на Корнилова и принимали какое-то выдающееся участіе въ подготовкѣ выступленія, получая отъ Корнилова особыя порученія.

Повторяю, что ни Аладьинъ, ни Добрынскій — никакой роли не играли.

Что же касается ординарца Завойко (крупный подольскій помѣщикъ; бывшій уѣздный предводитель дворянства), то, вообще, его роль при Корниловѣ была довольно значительная, такъ какъ Завойко отлично владѣлъ перомъ и Корниловъ поручалъ ему составленіе нѣкоторыхъ бумагъ, лично отъ него исходившихъ. Кромѣ того, Завойко сумѣлъ заслужить полное довѣріе Корнилова и послѣдній нерѣдко поручалъ ему, отъ своего имени, сноситься съ тѣми или иными лицами.

* * *

Къ сожалѣнію, послѣ Московскаго государственнаго совѣщанія, Корниловъ говорилъ очень многимъ изъ пріѣзжавшихъ въ Ставку о своемъ рѣшеніи раздѣлаться съ

большевиками и Петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. *)

Это рѣшеніе Корнилова, въ сущности говоря, перестало быть секретнымъ и, если не все, то многое дошло и до Петрограда.

Я глубоко убѣжденъ, что тревожные слухи, дошедшіе до совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, заставили большевиковъ отложить намѣчавшееся выступленіе и настоять, черезъ совѣтъ раб. и солд. депутатовъ, чтобы Керенскій покончилъ съ Корниловымъ.

При настроеніи же Керенскаго, видѣвшаго въ лицѣ Корнилова опаснаго соперника, онъ схватился за этотъ случай дабы спровоцировать выступленіе Корнилова и отъ него отдѣлаться.

Наконецъ, 24 августа/6 сентября, пріѣхалъ въ Ставку давно ожидавшійся управляющій военнымъ министерствомъ Савинковъ.

Я прошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ кабинетъ Корнилова.

Поздоровавшись, Савинковъ сказалъ главнокомандующему, что у него есть къ нему порученіе отъ временнаго правительства, которое онъ хотѣлъ бы передать ему съ глазу на глазъ.

Я ушелъ къ себѣ.

Примѣрно черезъ часъ, Корниловъ меня позвалъ и сказалъ, что Савинковъ привезъ проекты намѣченныхъ мѣропріятій для возстановленія дисциплины въ арміи.

Главнокомандующій добавилъ, что, повидимому, всѣ его требованія принимаются; что онъ проситъ меня разсмотрѣть матеріалъ, привезенный ему Савинковымъ и доложить ему до обѣда; что послѣ обѣда, въ моемъ присутствіи, онъ окончательно договорится съ Савинковымъ, а въ 8 часовъ вечера Савинковъ проситъ принять пріѣхавшаго съ нимъ начальника канцеляріи, полковника Барановскаго, и тогда нужно будетъ переговорить о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо принять въ Петроградѣ, дабы предупредить предполагаемое выступленіе большевиковъ.

*) Болтали много и окружавшіе Корнилова.

Затѣмъ генералъ Корниловъ сказалъ, что съ Савинковымъ пріѣхалъ въ Могилевъ начальникъ контръ-развѣдки въ военномъ министерствѣ и что Савинковъ просилъ разрѣшеніе произвести, если потребуется, аресты нѣкоторыхъ лицъ въ Ставкѣ.

— «Такимъ образомъ, пріѣздъ Савинкова сюда связанъ не только съ рѣшеніемъ договориться со мной, добавилъ генералъ Корниловъ, но и съ какимъ то разслѣдованіемъ дѣйствій чиновъ Ставки».

Я сказалъ, что пусть выясняютъ, что хотятъ, но что, безъ своего разрѣшенія, я не допускаю никакихъ арестовъ».

Я пошелъ разсматривать матеріалъ, привезенный Савинковымъ.

Изъ разсмотрѣнія привезенныхъ документовъ, я увидѣлъ, что кругъ вѣдѣнія, оставляемыхъ по проекту въ войскахъ комиссаровъ и комитетовъ, недостаточно суженъ и, осбенно комиссарамъ, дается широкое право вмѣшиваться въ распоряженія командnаго состава, если только они не касаются боевыхъ распоряженій.

Послѣднее же передъ тѣмъ время генералъ Корниловъ рѣшилъ настаивать на полномъ упраздненіи комитетовъ и комиссаровъ.

Я все это доложилъ Верховному Главнокомандующему.

Послѣ обѣда я и Савинковъ пошли въ кабинетъ къ Корнилову.

Савинковъ настаивалъ на необходимости сохранить комиссаровъ и комитеты, соглашаясь сократить кругъ ихъ вѣдѣнія и болѣе точно его опредѣлить.

Генералъ Корниловъ настаивалъ на ихъ упраздненіи.

Въ концѣ концовъ закончили тѣмъ, что желаніе главнокомандующаго будетъ доложено временному правительству; но если согласіе на полное упраздненіе комиссаровъ и комитетовъ не послѣдуетъ, то придется ограничиться суженіемъ ихъ правъ.

Въ остальномъ разногласій не было.

Когда было закончено разсмотрѣніе привезенныхъ матеріаловъ, Савинковъ сказалъ Корнилову, что надо догово-

риться относительно того, какъ обезвредить совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, который, конечно, будетъ категорически протестовать противъ принятія требованій генерала Корнилова; что временное правительство, не взирая на протесты этого совѣта, утвердитъ тотъ проектъ, который теперь согласованъ съ Верховнымъ главнокомандующимъ; но что, конечно, немедленно послѣдуетъ выступленіе большевиковъ, которое нужно будетъ подавить самымъ безпощаднымъ образомъ, покончивъ одновременно и съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — если послѣдній поддержитъ большевиковъ; что гарнизонъ Петрограда недостаточно надеженъ и что необходимо немедленно подвезти къ Петрограду надежныя конныя части; что, ко времени подхода этихъ частей къ Петрограду, столицу, съ ея окрестностями, необходимо объявить на военномъ положеніи. Что все это онъ говоритъ въ полномъ согласіи со взглядами предсѣдателя временнаго правительства, Керенскаго, и что съ нимъ, Савинковымъ, пріѣхалъ начальникъ канцеляріи Керенскаго, полковникъ Барановскій, для точнаго установленія границъ раіона, который надо будетъ объявить на военномъ положеніи; что о времени подхода конныхъ частей къ Петрограду онъ проситъ генерала Корнилова телеграфировать и Петроградъ съ окрестностями будетъ немедленно объявленъ на военномъ положеніи.

— «Объявленіе столицы съ окрестностями на военномъ положеніи необходимо, такъ какъ это облегчитъ намъ возможность примѣнить самыя рѣшительныя мѣры для подавленія ожидаемаго большевистскаго выступленія» — добавилъ Савинковъ.

— «Я надѣюсь, Лавръ Георгіевичъ, что назначенный Вами начальникъ отряда сумѣетъ рѣшительно и безпощадно расправиться и съ большевиками и съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — если послѣдній поддержитъ большевиковъ.» *)

Генералъ Корниловъ отвѣтилъ, что Савинковъ можетъ не безпокоиться; что онъ приметъ мѣры къ тому, что-

*) Ставя въ кавычкахъ заявленіе Савинкова я долженъ оговориться, что, можетъ быть, память мнѣ измѣняетъ и я передаю его слова не совсѣмъ точно, но суть и смыслъ передаю безусловно вѣрно.

бы, въ случаѣ выступленія большевиковъ, расправа съ ними и съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ была должная.

Было уже 8 часовъ вечера и въ кабинетъ Корнилова были приглашены генералъ-квартирмейстеръ Романовскій, и начальникъ канцеляріи Керенскаго — Барановскій.

При нихъ Савинковъ еще разъ повторилъ о томъ, что, послѣ утвержденія временнымъ правительствомъ согласованныхъ съ главнокомандующимъ мѣропріятій, неминуемо въ Петроградѣ выступленіе большевиковъ; что, для подавленія этого выступленія, генералъ Корниловъ, въ полномъ согласіи съ временнымъ правительствомъ, направляетъ къ Петрограду конный корпусъ и что теперь надо опредѣлить тотъ раіонъ, который необходимо объявить на военномъ положеніи при приближеніи корпуса къ Петрограду.

Требуемый раіонъ, при участіи полковника Барановскаго, былъ опредѣленъ и онъ взялъ себѣ экземпляръ карты, на которомъ раіонъ былъ очерченъ.

Прощаясь съ Корниловымъ, Савинковъ выразилъ увѣренность, что все пройдетъ хорошо и, неожиданно для насъ, добавилъ: «только начальникомъ отряда не назначайте генерала Крымова».

На это Корниловъ ничего не отвѣтилъ.

Послѣ отъѣзда Савинкова и Барановскаго въ кабинетъ Корнилова были приглашены Крымовъ, Завойко и Аладьинъ.

Корниловъ имъ передалъ все, что было сказано Савинковымъ и добавилъ, что теперь все, дѣйствительно, согласовано съ временнымъ правительствомъ, что никакихъ треній не будетъ и все пройдетъ великолѣпно.

Я на это сказалъ, что все это такъ хорошо, что даже страшно. Нѣтъ ли здѣсь подкопа? Что все сказанное Савинковымъ настолько согласуется съ нашими предположеніями, что получается впечатлѣніе — какъ будто Савинковъ присутствовалъ при нашихъ разговорахъ, или... очень хорошо о нихъ освѣдомленъ. Что упоминаніе его о назначеніи Крымова мнѣ не нравится и меня безпокоитъ.

Генералъ Корниловъ сталъ мнѣ возражать, говоря, что я слишкомъ мнительный, что Савинковъ просто умный человѣкъ, понимаетъ обстановку и, естественно пришелъ къ тѣмъ же выводомъ, къ которымъ пришли и мы. Что упоминаніе про Крымова вполнѣ естественно, такъ какъ Савинковъ знаетъ, что будетъ къ Петрограду двинуть 3-й конный корпусъ, которымъ командуетъ Крымовъ; что послѣдній извѣстенъ своей рѣшительностью и Савинковъ боится, что онъ повѣситъ лишнихъ 20—30 человѣкъ; но что это замѣчаніе Савинкова не важно — онъ самъ, впослѣдствіи, будетъ доволенъ, что назначенъ командовать отрядомъ именно генералъ Крымовъ.

Меня эти увѣренія мало успокоили и я попросилъ на всякій случай, запротоколировать все, что было сказано Савинковымъ въ присутствіи Романовскаго и Барановскаго.

Генералъ Романовскій это исполнилъ и протоколъ былъ подписанъ Корниловымъ, мною и Романовскимъ (впослѣдствіи онъ былъ опубликованъ).

Генералу Крымову было предложено немедленно отправиться къ корпусу и начать перевозки для сосредоточенія къ Петрограду.

25 августа/7 сентября, утромъ, когда я пришелъ съ докладомъ къ генералу Корнилову, онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее:

24 августа/6 сентября, вечеромъ, въ Могилевъ пріѣхалъ В. Н. Львовъ (бывшій оберъ-прокуроромъ Св. Синода) и хотѣлъ тогда же видѣть Корнилова, но такъ какъ главнокомандующій былъ занятъ и не могъ его принять, онъ явился утромъ 25 августа/7 сентября.

В. Н. Львовъ сказалъ, что онъ является къ верховному главнокомандующему, въ качествѣ лица уполномоченнаго министромъ-предсѣдателемъ Керенскимъ, выяснить точку зрѣнія Корнилова на вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ способѣ созданія сильной власти. Что Керенскій считаетъ возможнымъ три варіанта: согласно первому—диктаторская власть сохраняется за нимъ — Керенскимъ, и при немъ будетъ сформировано правительство въ новомъ составѣ; по второму — диктаторской властью можетъ быть

облечено небольшое правительство въ составѣ трехъ-четырехъ лицъ (въ число ихъ долженъ войти и верховный главнокомандующій); по третьему — диктаторская власть можетъ быть сосредоточена въ лицѣ верховнаго главнокомандующаго, при которомъ должно быть образовано правительство. При этомъ В. Н. Львовъ спросилъ — считаетъ ли желательнымъ генералъ Корниловъ, чтобы, въ случаѣ принятія третьяго варіанта, въ составъ кабинета вошли Керенскій и Савинковъ.

Корниловъ высказался за третій варіантъ, сказавъ, что сохраненіе въ составѣ кабинета Керенскаго и Савинкова онъ считаетъ нужнымъ, и уполномочилъ В. Н. Львова передать Керенскому и Савинкову, что признаетъ ихъ пріѣздъ въ Ставку необходимымъ и при этомъ срочный, такъ какъ, въ виду возможныхъ событій въ Петроградѣ, онъ, во первыхъ, опасается за личную ихъ безопасность въ столицѣ, а, во вторыхъ, ихъ присутствіе въ Ставкѣ желательно для разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ, которые, конечно, возникнутъ.

Я спросилъ генерала Корнилова было ли у В. Н. Львова какое нибудь письменное удостовѣреніе.

— «Нѣтъ, у него ничего не было. Свои вопросы онъ мнѣ прочиталъ по отмѣткамъ въ своей записной книжкѣ и въ нее же занесъ мой отвѣтъ.

Репутація у В. Н. Львова — человѣка безукоризненно порядочнаго и я ему не могъ не повѣрить».

— «Что онъ высоко-порядочный человѣкъ — въ этомъ и у меня нѣтъ сомнѣній, но что у него репутація путанника — это то же вѣрно. Но, кромѣ того, мнѣ вообще это порученіе Керенскаго, передаваемое Вамъ черезъ Львова не нравится.

Я боюсь не затѣваетъ ли Керенскій какой нибудь гадости.

Все это очень странно.

Почему Савинковъ ничего не зналъ, или ничего не сказалъ?

Почему дается порученіе Львову, въ то время когда въ Ставку ѣдетъ Савинковъ?

Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мнѣ все это очень не нравится и я опасаюсь Керенскаго».

Корниловъ опять назвалъ меня слишкомъ мнительнымъ; сказалъ, что Львовъ выѣхалъ изъ Петрограда позже Савинкова и этимъ можно объяснить неосвѣдомленность послѣдняго; что онъ вѣритъ, въ данномъ случаѣ, искренности Керенскаго, такъ какъ, въ сущности говоря, мысль о созданіи диктатуры или директоріи уже обсуждалась Керенскимъ и прежде.

26 августа/8 сентября Савинкову, согласно условію, была послана слѣдующая телеграмма:

«Корпусъ сосредоточится въ окрестностяхъ Петрограда къ вечеру 28 августа. Прошу объявить Петроградъ на военномъ положеніи 29 августа номеръ 6394. Генералъ Корниловъ».

26 августа/8 сентября Керенскій вызвалъ генерала Корнилова къ прямому проводу и попросилъ его «подтвердить, уполномочилъ ли онъ В. Н. Львова передать ему свои предположенія».

Генералъ Корниловъ отвѣтилъ: «Подтверждаю, что я уполномочилъ В. Н. Львова передать Вамъ свои предположенія».

Затѣмъ Керенскій спросилъ продолжаетъ ли Корниловъ считать желательнымъ безотлагательное прибытіе въ Ставку его и Савинкова.

Корниловъ отвѣтилъ утвердительно, на что послѣдовалъ отвѣтъ Керенскаго, что «сегодня, въ субботу, уже поздно выѣзжать и отъѣздъ придется отложить до воскресенія».

Корниловъ сказалъ, что будетъ ожидать ихъ обоихъ въ понедѣльникъ 28 августа/10 сентября.

Необходимо отмѣтить, (что впослѣдствіи призналъ и генералъ Корниловъ), что онъ, говоря по прямому проводу съ Керенскимъ, поступилъ невѣроятно необдуманно, не спросивъ Керенскаго *что именно передалъ ему Львовъ*. А на этомъ именно и сыгралъ Керенскій; онъ отрекся отъ того, что онъ самъ послалъ Львова къ Корнилову; приказалъ Львова арестовать; объявилъ въ засѣданіи временнаго правительства о нагломъ требованіи Корнилова предоставить

ему (Корнилову) диктаторскую власть и потребовалъ отъ временнаго правительства постановленія о смѣщеніи генерала Корнилова съ поста Верховнаго Главнокомандующаго.

Между тѣмъ генералъ Корниловъ такъ былъ увѣренъ, что все идетъ отлично и что онъ дѣйствуетъ въ полной согласованности съ временнымъ правительствомъ, что, когда, поздно вечеромъ 6 августа/8 сентября, я зашелъ къ нему въ кабинетъ что-то доложить, то засталъ его за составленіемъ проекта списка будущихъ министровъ.

— «Вотъ я составляю проектъ состава будущаго кабинета. Къ пріѣзду Керенскаго и Савинкова я рѣшилъ все это подготовить и съ ними столковаться.

Но я буду радъ, если меня избавятъ отъ необходимости принять диктаторскія полномочія.

Будетъ, пожалуй, много лучше если будетъ образовано мощное правительство въ составѣ 3—4 лицъ, со включеніемъ, конечно, въ него и меня — какъ верховнаго главнокомандующаго».

Въ тотъ же день вечеромъ генералъ Корниловъ послалъ въ Москву телеграмму предсѣдателю Государственной Думы Родзянко, прося его, вмѣстѣ съ другими общественными дѣятелями, пріѣхать въ Ставку къ утру 28 августа/10 сентября.

Но, конечно, когда развернулись послѣдующія событія, никто изъ общественныхъ дѣятелей, такъ горячо поддерживавшихъ Корнилова въ Москвѣ на государственномъ совѣщаніи, въ Ставку не пріѣхалъ.

27 августа/9 сентября, въ 7 часовъ утра, ко мнѣ пришелъ генералъ-квартирмейстеръ, генералъ Романовскій, и принесъ телеграмму, адресованную генералу Корнилову и мнѣ.

Въ телеграммѣ указывалось, что генералъ Корниловъ освобождается отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго, что ему надлежитъ немедленно прибыть въ Петроградъ, а мнѣ предлагается временно вступить въ исполненіе должности Верховнаго Главнокомандующаго.

Телеграмма была подписана просто «Керенскій» и была даже безъ номера.

Я пошелъ къ генералу Корнилову.

Эта телеграмма для Главнокомандующаго была страшнымъ ударомъ.

Рушилась надежда на спасеніе арміи, на спасеніе Родины.

Ясно стало, что Керенскій, отстраняя Корнилова, пойдетъ дальше по пути соглашательства съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; ясно стало, что большевики возьмутъ вверхъ и все, еще не развалившееся въ арміи и государственномъ механизмѣ, окончательно рухнетъ.

Генералъ Корниловъ, прочитавъ телеграмму, спросилъ меня: «Что же Вы предполагаете дѣлать?»

Я на это отвѣтилъ, что считаю для себя совершенно невозможнымъ принимать должность Верховнаго Главнокомандующаго и сейчасъ составлю отвѣтную телеграмму.

Корниловъ мнѣ сказалъ:

— «Да, обстановка такова, что я долженъ оставаться на своемъ посту до конца.

Я долженъ добиться, чтобы временное правительство провело въ жизнь мои требованія.

Пошлите сейчасъ же телеграмму генералу Крымову, чтобы онъ ускорилъ сосредоточеніе своихъ войскъ къ Петрограду».

Я послалъ предсѣдателю временнаго правительства телеграмму, въ которой указалъ:

Что всѣ, близко стоящіе къ военному дѣлу, отлично сознали, что, при создавшейся обстановкѣ и при фактическомъ руководствѣ и направленіи внутренней политики безотвѣтственными организаціями, а также громаднаго, разлагающаго, вліянія этихъ организацій на армію, послѣднюю возсоздать не удастся, а, наоборотъ, армія, какъ таковая, должна окончательно развалиться черезъ 2—3 мѣсяца и тогда Россія принуждена будетъ заключить позорный сепаратный миръ, послѣдствія котораго будутъ для нея ужасны.

Что правительство принимало полумѣры, которыя, ничего не исправляя, лишь затягивали агонію и, спасая революцію, не спасали Россію.

Что для спасенія Россіи, прежде всего, необходимо создать дѣйствительно сильную власть и оздоровить тылъ.

Что генералъ Корниловъ предъявилъ рядъ требованій, проведеніе коихъ въ жизнь затягивалось.

Что генералъ Корниловъ не преслѣдуя никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, считалъ необходимымъ принять болѣе рѣшительныя мѣры, которыя обезпечили бы водвореніе порядка въ арміи и странѣ.

Что пріѣздъ Савинкова и Львова, сдѣлавшихъ предложенія генералу Корнилову въ томъ же смыслѣ отъ имени Керенскаго, лишь заставили принять окончательное рѣшеніе, отмѣнить которое теперь уже поздно.

Закончилъ я такъ: «Почитаю долгомъ совѣсти, и имѣя въ виду лишь пользу родины, опредѣленно вамъ заявить, что теперь остановить начатое съ Вашего одобренія, дѣло невозможно; это поведетъ лишь къ гражданской войнѣ, окончательному разложенію арміи и позорному сепаратному миру....

Ради спасенія Россіи вамъ необходимо идти съ генераломъ Корниловымъ, а не смѣщать его...

Я лично не могу принять на себя отвѣтственность за армію, хотя бы на короткое время, и не считаю возможнымъ принимать должность отъ генерала Корнилова....»

Черезъ нѣсколько времени послѣ отправки этой телеграммы, управляющій военнымъ министерствомъ, Савинковъ, вызвалъ генерала Корнилова къ прямому проводу и имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе, заявивъ, что соображеніе, изложенное въ телеграммѣ генерала Лукомскаго не соотвѣтствуетъ истинѣ и является клеветой на него, Савинкова, не предлагавшаго никакихъ политическихъ комбинацій. *)

*) Ясно, что Савинковъ, не достаточно вдумавшись въ мои выраженія въ телеграммѣ:

„Пріѣздъ Савинкова и Львова, сдѣлавшихъ предложеніе генералу Корнилову въ томъ же смыслѣ отъ Вашего имени, лишь заставили Корнилова.....“,

и „Ваша сегодняшняя телеграмма указываетъ, что рѣшеніе, принятое прежде Вами и сообщенное отъ Вашего имени Савинковымъ и Львовымъ теперь измѣнилось“ — понялъ въ томъ смыслѣ, что я указываю, что онъ, какъ и Львовъ, дѣлалъ предложеніе Корнилову о переустройствѣ власти.

Далѣе Савинковъ упрекнулъ Корнилова въ томъ, что послѣдній стремится къ диктатурѣ изъ личныхъ цѣлей; въ преступленіи противъ родины, заключающемся въ томъ, что онъ содѣйствуетъ торжеству императора Вильгельма, открывая фронтъ; въ томъ, что не онъ Савинковъ, виноватъ, что ему не удалось сблизить Корнилова съ демократіей.

Въ заключеніе онъ обратился къ патріотизму и чувству долга генерала Корнилова, приглашая его подчиниться приказанію временнаго правительства и сдать должность Верховнаго Главнокомандующаго.

Генералъ Корниловъ отвѣтилъ, что ему не приходится учиться долгу и преданности родинѣ у кого либо изъ членовъ временнаго правительства, что эту преданность онъ доказалъ неоднократно; что именно сознаніе своего долга передъ родиной налагаетъ на него тяжелую и отвѣтственную обязанность остаться на своемъ посту.

Вмѣстѣ съ этимъ, отвергая мысль о какихъ либо личныхъ честолюбивыхъ замыслахъ, Корниловъ устанавливалъ, что къ Керенскому не онъ посылалъ Львова, а послѣдній самъ явился въ качествѣ посланца министра-предсѣдателя, предлагавшаго, въ числѣ прочихъ комбинацій, ту, при которой главнымъ объединяющимъ лицомъ былъ бы онъ, Корниловъ.

Савинковъ призналъ, что посредничество Львова было несчастнымъ.

Однако приказаніе временнаго правительства объ оставленіи Корниловымъ своего поста не было отмѣнено, несмотря на признаніе Савинковымъ возможнаго недоразумѣнія, на коемъ оно было основано.

28 августа/10 сентября постъ Верховнаго Главнокомандующаго былъ предложенъ главнокомандующему сѣвернаго

Между тѣмъ я имѣлъ въ виду два совершенно различныхъ предложенія: Львова — о переустройствѣ власти и Савинкова — о посылкѣ къ Петрограду коннаго корпуса для подавленія ожидавшагося выступленія большевиковъ.

фронта, генералу Клембовскому, съ указаніемъ, что ему надлежитъ оставаться въ Псковѣ.

Генералъ Клембовскій, придравшись къ этому указанію, отъ предложенія отказался, указавъ, что изъ Пскова управлять невозможно.

Всѣ главнокомандующіе и многіе изъ командующихъ арміями выразили свою солидарность съ генераломъ Корниловымъ, послав объ этомъ телеграммы Керенскому и въ Ставку.

28 августа/10 сентября генералъ Корниловъ приказалъ по телеграфу разослать слѣдующее воззваніе:

«Я, Верховный Главнокомандующій Корниловъ, передъ лицомъ всего народа объявляю, что долгъ солдата, самоотверженность гражданина свободной Россіи и беззавѣтная любовь къ родинѣ заставили меня въ эти тяжелыя минуты бытія отечества не подчиниться приказанію временнаго правительства и оставить за собой верховное командованіе арміей и флотомъ. Поддержанный въ этомъ рѣшеніи всѣми главнокомандующими, — я заявляю всему народу русскому, что предпочитаю смерть устраненію меня отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго. Истинный сынъ народа русскаго всегда погибаетъ на своемъ посту и несетъ въ жертву родинѣ самое большое, что онъ имѣетъ — свою жизнь.

Въ эти, поистинѣ, ужасныя минуты существованія отечества, когда подступы къ обѣимъ столицамъ почти открыты для побѣдоноснаго движенія торжествующаго врага, — Временное Правительство, забывъ великій вопросъ самаго независимаго существованія страны, кидаетъ въ народъ призрачный страхъ контръ-революціи, которую оно само, своимъ неумѣніемъ къ управленію, своей слабостью во власти, своей нерѣшительностью въ дѣйствіяхъ, — вызываетъ къ скорѣйшему воплощенію.

Не мнѣ, кровному сыну своего народа, всю жизнь свою на глазахъ всѣхъ отдавшему набеззавѣтное служеніе ему, — не стоять на стражѣ великихъ свободъ великаго будущаго своего народа. До нынѣ — будущее это — въ слабыхъ, безвольныхъ рукахъ. Надменный врагъ, по-

средствомъ подкупа и предательства, распоряжается у насъ, какъ у себя дома, несетъ гибель не только свободѣ, но и существованію народа русскаго. Очнитесь люди русскіе отъ безумія, ослѣпленія и вглядитесь въ бездонную пропасть, куда стремительно идетъ наша родина.

Избѣгая всякихъ потрясеній, предупреждая какое либо пролитіе русской крови, междуусобной брани и забывая всѣ обиды и оскорбленія, я, передъ лицомъ всего народа, обращаюсь къ Временному Правительству и говорю:

Пріѣзжайте ко мнѣ въ Ставку, гдѣ свобода ваша и безопасность обезпечены моимъ честнымъ словомъ и, совмѣстно со мной, выработайте и образуйте такой составъ народной обороны, который, обезпечивая свободу, велъ бы народъ русскій къ великому будущему, достойному могучаго свободнаго народа. Генералъ Корниловъ».

Но Керенскому, который уже шелъ рука объ руку съ Петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, примиреніе съ Корниловымъ было не нужно.

Онъ всюду разослалъ телеграммы съ указаніемъ, что Корниловъ прислалъ къ нему члена Государственной Думы Владиміра Львова съ требованіемъ предоставить ему (Корнилову) диктаторскія права.

Корниловъ, я, Романовскій, а затѣмъ Деникинъ и Марковъ *) были объявлены измѣнниками и предателями родины и состоялся приказъ о преданіи насъ суду.

Керенскій, сообщая объ этомъ по телеграфу «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ», указалъ, что никакое изъ нашихъ распоряженій не должно исполняться.

Я тогда послалъ телеграмму Керенскому съ запросомъ, чьи же оперативныя распоряженія должны исполняться на фронтѣ. Я указалъ, что перерыва въ преемственности власти быть не можетъ, что и теперь дѣлаются распоряженія

*) Генералъ Деникинъ былъ въ это время Главнокомандующимъ Юго-Западнаго фронта; генералъ Марковъ былъ у него начальникомъ Штаба.

Смѣщеніе генераловъ Деникина и Маркова съ должностей, а затѣмъ арестъ и преданіе суду были вызваны рѣзкой телеграммой за ихъ подписью на имя Керенскаго, въ которой они указывали на недопустимость и преступность смѣщенія генерала Корнилова съ должности Верховнаго Главнокомандующаго.

относительно усиленія сѣвернаго фронта и что обстоятельства могутъ потребовать отдачу и иныхъ распоряженій.

Въ отвѣтъ на это послѣдовало новое распоряженіе (всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ), что оперативныя распоряженія генерала Корнилова и отдаваемыя его именемъ обязательны къ исполненію.

Получилось довольно пикантное положеніе, при которомъ временное правительство, объявивъ людей измѣнниками и предателями, указываетъ на необходимость исполнять ихъ распоряженія.

Генералъ Корниловъ, возмущенный содержаніемъ обвинительной телеграммы Керенскаго, разослалъ свою:

«Телеграмма министра-предсѣдателя во всей своей первой части является сплошной ложью: не я посылалъ члена Государственной Думы Владиміра Львова къ временному правительству, а онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, какъ посланецъ министра-предсѣдателя; тому свидѣтель членъ 1-й Государственной Думы Аладьинъ. Такимъ образомъ, совершилась великая провокація, каковая ставитъ на карту судьбу отечества.

Русскіе люди, великая родина наша погибаетъ, близокъ часъ кончины.

Вынужденный выступить открыто, я, генералъ Корниловъ, заявляю, что Временное Правительство подъ давленіемъ большевистскаго большинства совѣтовъ дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планами германскаго генеральнаго штаба и, одновременно съ предстоящей высадкой вражескихъ силъ на Русскомъ побережьи, убиваетъ армію и потрясаетъ страну. Тяжелое сознаніе неминуемой гибели страны повелѣваетъ мнѣ, въ эти грозныя минуты, призвать всѣхъ русскихъ людей къ спасенію умирающей Родины.

Всѣ, у кого бьется русское сердце, кто вѣритъ въ Бога, въ Храмъ, молите Господа о явленіи величайшаго чуда, чуда спасенія родимой земли.

Я, генералъ Корниловъ, сынъ крестьянина и казака, заявляю всѣмъ и каждому, что лично мнѣ ничего не надо, кромѣ сохраненія Великой Россіи, и клянусь довести на-

родъ путемъ побѣды надъ врагомъ до Учредительнаго Собранія, на которомъ онъ самъ рѣшитъ свою судьбу и выберетъ укладъ своей новой государственной жизни.

Предать же Россію въ руки ея исконнаго врага, германскаго племени, и сдѣлать русскій народъ рабомъ нѣмцевъ я не могу, не въ силахъ, и предпочитаю умереть на полѣ чести и брани, чтобы не видѣть позора и срама русской земли. Русскій народъ — въ твоихъ рукахъ жизнь твоей страны. Генералъ Корниловъ».

Почти одновременно съ этимъ обращеніемъ былъ отданъ генераломъ Корниловымъ слѣдующій приказъ по арміи и флоту:

«Я, Верховный Главнокомандующій генералъ Корниловъ, объясняю всѣмъ ввѣреннымъ мнѣ арміямъ въ лицѣ ихъ командного состава, комиссаровъ и выборныхъ организацій — смыслъ происшедшихъ событій.

Мнѣ извѣстно изъ документальныхъ данныхъ донесеній контръ-развѣдки, перехваченныхъ телеграммъ и личныхъ наблюденій нижеслѣдующее:

1) Взрывъ въ Казани, гдѣ погибло болѣе милліона снарядовъ и 12.000 пулеметовъ произошелъ при несомнѣнномъ участіи германскихъ агентовъ.

2) На организацію разрухи рудниковъ и заводовъ Донецкаго бассейна и Юга Россіи — Германіей истрачены милліоны рублей.

3) Контръ-развѣдка изъ Голландіи доноситъ:

а) На дняхъ намѣченъ одновременный ударъ на всемъ фронтѣ съ цѣлью заставить дрогнуть и бѣжать нашу развалившуюся армію.

б) Подготовлено возстаніе Финляндіи.

в) Предполагаются взрывы мостовъ на Днѣстрѣ и Волгѣ. Организуется возстаніе большевиковъ въ Петроградѣ.

4) 3/16 августа въ Зимнемъ Дворцѣ, на засѣданіи Совѣта министровъ, Керенскій и Савинковъ лично просили меня быть осторожнѣе и не говорить всего, такъ какъ въ составѣ министровъ есть люди не надежные и не вѣрные.

5) Я имѣю основаніе тяжко подозрѣвать измѣну и предательство въ составѣ различныхъ безотвѣтственныхъ организацій, работающихъ на нѣмецкія деньги и вліяющихъ на работу правительства.

6) Въ связи съ вышеизложеннымъ, въ согласіи съ управляющимъ военнымъ министерствомъ Савинковымъ, пріѣзжавшимъ въ Ставку 24 августа/6 сентября, былъ разработанъ и принятъ рядъ мѣръ для подавленія большевистскаго движенія въ Петроградѣ.

7) 25 августа ко мнѣ былъ присланъ членъ Думы Львовъ и имѣла мѣсто историческая провокація.

У меня не могло быть сомнѣнія въ томъ, что безотвѣтственное вліяніе взяло верхъ въ Петроградѣ и родина подведена къ краю могилы.

Въ такія минуты не разсуждаютъ — я принялъ извѣстное вамъ рѣшеніе спасти Отечество, или умереть на своемъ посту.

Вамъ хорошо извѣстна моя прошлая жизнь и я заявляю, что ни прежде, ни нынѣ у меня нѣтъ ни личныхъ желаній, ни личныхъ цѣлей и стремленій, а только одна задача, одинъ подвигъ жизни — спасти родину — и къ этому я зову васъ всѣхъ и въ обращеніи къ народу звалъ и Временное Правительство — пока я отвѣта не имѣю.

Должности Верховнаго Главнокомандующаго я не сдалъ, такъ какъ никто изъ генераловъ ее не принимаетъ, а потому приказываю всему составу арміи и флота, отъ главнокомандующихъ до послѣдняго солдата, всѣмъ комиссарамъ, всѣмъ выборнымъ организаціямъ — сплотиться въ эти роковыя минуты жизни отечества воедино и всѣ силы свои, безъ мысли о себѣ, отдать дѣлу спасенія родины.

А для этого, въ полномъ спокойствіи, оставаться на фронтѣ и грудью противостоять предстоящему натиску врага.

Честнымъ словомъ офицера и солдата еще разъ завѣряю, что я, генералъ Корниловъ, сынъ простого казака — крестьянина, всею жизнью своею, а не словами, показалъ беззавѣтную преданность родинѣ и свободѣ, что я чуждъ

какихъ либо контръ-революціонныхъ замысловъ и стою на стражѣ завоеванныхъ свободъ при единомъ условіи дальнѣйшаго существованія независимости народа русскаго. Генералъ Корниловъ».

Этотъ приказъ и предыдущая телеграмма показываютъ, что генералъ Корниловъ вѣрилъ въ конечный успѣхъ предпринятаго имъ дѣла.

Онъ не сомнѣвался въ томъ, что выступленіе большевиковъ въ Петроградѣ произойдетъ и не сомнѣвался въ рѣшимости Крымова довести дѣло до конца.

Но никакого выступленія большевиковъ въ Петроградѣ не произошло. Руководители большевиковъ, конечно, поняли, что выступленіе въ это время для нихъ гибель. Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ объединилъ свою работу съ работой временнаго правительства и были приняты мѣры, дабы не допустить корпусъ Крымова подойти къ Петрограду.

На встрѣчу туземной дивизіи была выслана мусульманская депутація.

Керенскій обратился къ бывшему въ это время въ Петроградѣ генералу Алексѣеву, чтобы онъ помогъ ликвидировать «наступленіе» генерала Крымова.

Генералъ Алексѣевъ написалъ Крымову записку о томъ, что въ Петроградѣ все спокойно, что никакого выступленія большевиковъ нѣтъ и просилъ его оставить войска и самому, немедленно, прибыть въ Петроградъ.

Генералъ Крымовъ отдалъ приказъ корпусу впередъ не продвигаться и поѣхалъ въ Петроградъ. *)

Генералъ Алексѣевъ направилъ его къ Керенскому.

Въ чемъ заключался ихъ разговоръ я не знаю; затѣмъ генералъ Крымовъ прошелъ въ канцелярію военнаго министра и застрѣлился. **)

---

*) Надо отмѣтить, что, фактически, къ этому времени связь генерала Крымова съ частями его корпуса была потеряна и въ войскахъ уже начались колебанія.

**) Послѣ смерти генерала Крымова очень была распространена версія, что онъ не застрѣлился, а былъ убитъ кѣмъ-то изъ близкихъ къ Керенскому лицъ. Въ это вѣрятъ многіе до настоящаго времени.

По разсказамъ лицъ, бывшихъ въ комнатѣ сосѣдней съ той въ которой (въ Зимнемъ Дворцѣ) находились Керенскій и Крымовъ, разговоръ ихъ носилъ очень бурный характеръ,

Передъ смертью онъ написалъ письмо генералу Корнилову и послалъ его съ адъютантомъ.

Письмо было получено Корниловымъ, но съ его содержаніемъ онъ никого не познакомилъ.

Если не ошибаюсь, 30 августа/12 сентября мы узнали, что вся операція генерала Крымова, вслѣдствіе не выступленія большевиковъ, закончилась.

Совѣтъ союза казачьихъ войскъ *) хотѣлъ выступить въ качествѣ посредника между Керенскимъ и Корниловымъ, но изъ этого ничего не вышло.

Вотъ, какъ объ этомъ было изложено въ воззваніи атамана Терскаго войска, Караулова, къ Терскому войску:

«Совѣтъ казачьихъ войскъ предложилъ свои услуги Вр. Правительству для предотвращенія братоубійственнаго

Крымовъ вышелъ изъ комнаты Керенскаго очень взволнованный и отправился въ канцелярію военнаго министра. Тамъ онъ попросилъ дать ему возможность написать письмо генералу Корнилову и отдохнуть, сказавъ, что онъ очень усталъ.

Написавъ письмо, онъ далъ его своему адъютанту съ порученіемъ немедленно отправиться въ Могилевъ и передать его въ руки ген. Корнилову.

Послѣ ухода адъютанта онъ застрѣлился.

Пріѣхавшій въ Могилевъ адъютантъ явился ко мнѣ и отъ меня узналъ о смерти ген. Крымова.

Занятый какой-то срочной работой я приказалъ адъютанту подняться въ слѣдующій этажъ въ комнату дежурныхъ офицеровъ и подождать тамъ меня.

Минутъ черезъ пять я пошелъ къ генералу Корнилову доложить о пріѣздѣ адъютанта ген. Крымова; но въ комнатѣ дежурныхъ офицеровъ адъютанта не оказалось и мнѣ сказали, что Корниловъ, при входѣ въ комнату пріѣхавшаго офицера, былъ тамъ и позвалъ его съ собой въ свой кабинетъ.

Подходя къ кабинету ген. Корнилова, я встрѣтилъ выходившаго оттуда адъютанта Крымова.

Генералъ Корниловъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, откинувшись на спинку кресла.

На мой вопросъ, что содержится въ письмѣ ген. Крымова, генералъ Корниловъ, помолчавъ нѣсколько секундъ, сказалъ: „Крымовъ застрѣлился самъ".

На мой повторный вопросъ: „Я письмо порвалъ. Ничего особеннаго онъ не пишетъ. Одно ясно и вѣрно—это то, что онъ застрѣлился самъ, а никто его не убивалъ".

Ясно было, что Корниловъ, почему-то, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, не хотѣлъ никому сообщить содержаніе полученнаго имъ письма.

---

*) Казаки отказались послать своихъ депутатовъ въ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и образовали въ Петроградѣ совѣтъ союза казачьихъ войскъ.

столкновенія, настаивая на необходимости переговорить непосредственно съ Корниловымъ, дабы путемъ откровеннаго разговора съ обѣими сторонами предотвратить дальнѣйшее развитіе запутавшейся «авантюры или рокового недоразумѣнія», какъ охарактеризовалъ А. Ф. Керенскій всю обстановку дѣла въ разговорѣ со мной, Дутовымъ и Аникѣевымъ въ 1—2 часа ночи 29 августа/11 сентября.

Сначала Керенскій, съ видимой охотой, согласился на наше предложеніе, но, ко времени нашего предполагавшагося отъѣзда изъ Петрограда въ Ставку, отказалъ намъ въ выдачѣ пропуска на выѣздъ и возвращеніе, чѣмъ поставилъ насъ въ невозможность раскрыть Корнилову глаза на дѣйствительность.

Наша поѣздка не состоялась.

Совѣтъ союза казачьихъ войскъ выразилъ по этому поводу свой протестъ и остановился на твердой увѣренности, что братоубійственное столкновеніе, видимо, не для всѣхъ представляется одинаково опаснымъ, а потому на запросъ представителей Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, за кого идетъ совѣтъ — за Керенскаго или за Корнилова, — совѣтъ союза казачьихъ войскъ отвѣтилъ: «казаки стоятъ только за отечество и, не желая его гибели въ гражданской войнѣ, участія не будутъ принимать ни съ той, ни съ другой стороны».

* * *

Временное правительство рѣшило ликвидировать Ставку. Съ этой цѣлью въ Минскѣ, при штабѣ западнаго фронта, былъ сорганизованъ чисто большевистскій карательный отрядъ, который долженъ былъ разгромить Ставку.

Керенскій, какъ намъ сообщали изъ Петрограда, былъ очень воинственно настроенъ и склонялся къ вооруженной карательной экспедиціи.

Но затѣмъ, послѣ настойчивыхъ заявленій со стороны представителей различныхъ общественныхъ организацій и политическихъ группъ, согласился попросить генерала Алексѣева взять на себѣ задачу уговорить генерала Корни-

лова сдать ему, генералу Алексѣеву, назначаемому въ Ставку начальникомъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, временно должность Верховнаго Главнокомандующаго и покориться дальнѣйшему рѣшенію временнаго правительства.

Генералъ Алексѣевъ принялъ на себя эту миссію.

Поздно вечеромъ 31 августа/13 сентября мнѣ доложили, что меня, изъ Витебска, вызываетъ къ прямому проводу генералъ Алексѣевъ.

Генералъ Алексѣевъ сообщилъ о характерѣ своей миссіи и прибавилъ, что онъ можетъ продолжать путь въ Могилевъ лишь при условіи, если ему я, отъ имени генерала Корнилова, поручусь что онъ никакихъ непріятностей въ Ставкѣ не будетъ имѣть и что ему будетъ обѣщано, что генералъ Корниловъ и я, какъ начальникъ штаба, сдадимъ ему свои должности и подчинимся его рѣшенію.

Затѣмъ онъ сказалъ, что онъ согласился принять на себя это, болѣе чѣмъ непріятное, порученіе единственно съ цѣлью ликвидировать все происшедшее безъ кровопролитія; если бъ онъ не согласился, то былъ бы посланъ карательный отрядъ, на чемъ и теперь еще продолжаетъ настаивать совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ; что онъ долженъ срочно сообщить въ Петроградъ, согласенъ ли Корниловъ подчиниться рѣшенію вр. правительства и что Керенскій, по глубокому убѣжденію его, Алексѣева, надѣется что Корниловъ откажется и что тогда будетъ отправленъ отрядъ, прибытіе котораго въ Могилевъ, конечно вызоветъ кровавое столкновеніе.

Чтобы провѣрить, дѣйствительно ли я по телефону говорю съ Алексѣевымъ, я задалъ ему нѣсколько вопросовъ, на которые только онъ одинъ могъ дать мнѣ отвѣты, и, убѣдившись, что со мной дѣйствительно говоритъ генералъ Алексѣевъ, пошелъ къ Корнилову.

Генералъ Корниловъ, выслушавъ меня, попросилъ собрать старшихъ чиновъ штаба и нѣсколькихъ другихъ поименно названныхъ имъ лицъ.

Когда всѣ собрались я вновь передалъ все, что мнѣ сообщилъ Алексѣевъ.

Корниловъ попросилъ всѣхъ высказаться.

У большинства настроеніе было боевое; многіе считали недопустимымъ подчиниться вр. правительству послѣ всего того — что произошло; что касается ожидаемаго карательнаго отряда, то высказались въ томъ смыслѣ, что, при наличіи въ Могилевѣ вѣрныхъ частей, этотъ отрядъ будетъ просто уничтоженъ.

Я категорически высказался противъ возможности дальнѣйшаго сопротивленія; указалъ, что послѣ перваго карательнаго отряда будетъ присланъ новый; что мы отрѣжемъ Ставку отъ фронта и будетъ прекращено управленіе арміями; что если поступить такъ, какъ предлагается, то мы только сыграемъ въ руку Керенскому; что мы тогда дѣйствительно совершимъ преступленіе передъ родиной и только подтвердимъ, что Керенскій, объявляя насъ предателями, былъ правъ; что теперь надо покориться и требовать суда; при этомъ выяснится, что мы дѣйствительно хотѣли спасти армію и родину и все что произошло — произошло исключительно вслѣдствіе преступнаго и провокаціоннаго поведенія Керенскаго.

Послѣ моего опредѣленнаго заявленія больше никто не настаивалъ на продолженіи сопротивленія.

Генералъ Корниловъ молчалъ.

Затѣмъ онъ всталъ и, сказавъ мнѣ, чтобы я пришелъ къ нему черезъ часъ, распустилъ совѣщаніе.

Когда я къ нему вновь пришелъ, онъ мнѣ сказалъ:

— «Вы правы; дальнѣйшее сопротивленіе было бы глупо и преступно.

Пойдите на телеграфъ, заявите, что я и Вы ему подчинимся и ему въ Ставкѣ не угрожаютъ никакія непріятности».

Я сейчасъ же все передалъ генералу Алексѣеву.

1/14 сентября генералъ Алексѣевъ прибылъ въ Ставку; сначала онъ прошелъ къ генералу Корнилову, а затѣмъ пришелъ ко мнѣ.

Онъ мнѣ сказалъ, что согласился принять должность начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго при непремѣнномъ условіи немедленнаго проведенія въ жизнь всѣхъ требованій Корнилова. Что Керенскій обѣщалъ и что онъ будетъ идти по пути, начертанному Корниловымъ и на-

дѣется спасти армію и добиться возможности продолжать войну.

Я на это сказалъ:

— «Неужели, Михаилъ Васильевичъ, Вы вѣрите Керенскому?

Неужели Вы допускаете, что Вамъ это говорили искренно?

Развѣ Вы не видите, что теперь у Керенскаго, пока его самого не свернули, одинъ только путь — это путь соглашенія съ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Васъ послали сюда и Вамъ предложили постъ начальника штаба только потому, что надо было исполнить требованіе общественнаго мнѣнія и что Вы, пожалуй, единственный человѣкъ, который могъ ликвидировать Ставку безъ кровопролитія.

Я убѣжденъ, что и Вы непріемлемы для Керенскаго; Вы здѣсь пробудете не долго».

Генералъ Корниловъ, которому генералъ Алексѣевъ также оптимистично высказался относительно будущаго, сказалъ ему:

— «Вамъ трудно будетъ выйти съ честью изъ создавшагося положенія.

Вамъ придется идти по грани, которая отдѣляетъ честнаго человѣка отъ безчестнаго.

Малѣйшая Ваша уступка Керенскому — толкнетъ Васъ на безчестный поступокъ.

Думать же, что Керенскій, который теперь, конечно, въ рукахъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, пойдетъ на выполненіе всѣхъ моихъ требованій — не приходится.

Въ лучшемъ случаѣ — или Вы сами уйдете, или Васъ попросятъ уйти».

Вечеромъ 1/14 сентября я былъ на квартирѣ у 2-го генералъ-квартирмейстера, полковника Плющевскаго-Плющика. Во время ужина мнѣ передали по телефону, что генералъ Алексѣевъ меня вызываетъ на мою квартиру, такъ какъ у него есть ко мнѣ срочное дѣло.

Я поѣхалъ въ штабъ, гдѣ жилъ.

Генералъ Алексѣевъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ получилъ приказаніе отъ вр. правительства немедленно арестовать Корнилова, меня, Романовскаго и другихъ участниковъ выступленія. Что онъ проситъ меня оставаться на квартирѣ, считаясь арестованнымъ.

Черезъ два дня Корнилову и мнѣ было объявлено, что всѣхъ арестованныхъ приказано перевести въ гостинницу «Метрополь», а наши помѣщенія очистить къ ожидаемому пріѣзду въ Ставку новаго Верховнаго Главнокомандующаго — Керенскаго.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ гостинницѣ «Метрополь» размѣстили насъ довольно сносно.

Арестованныхъ было много.

Кромѣ главныхъ — Корнилова, меня и Романовскаго, арестовали еще товарища министра путей сообщеній Кислякова, 2-го генералъ-квартирмейстера Плющевскаго-Плющикъ, члена 1-й Государственной Думы Аладьина, нѣсколькихъ офицеровъ генеральнаго штаба и весь составъ исполнительнаго комитета союза офицеровъ, находившагося въ Могилевѣ.

Въ Бердичевѣ были арестованы главнокомандующій юго-западнаго фронта Деникинъ, его начальникъ штаба Марковъ, командующіе арміями Эрдели и Ванновскій и съ ними еще нѣсколько человѣкъ.

Для разслѣдованія нашего дѣла была назначена особая слѣдственная комиссія подъ предсѣдательствомъ главнаго военнаго прокурора Шабловскаго. Членами этой комиссіи были назначены военные слѣдователи Украинцевъ, Раупахъ и Колосовскій (или Колосовъ).

Внутреннюю охрану нашего арестнаго помѣщенія несъ Текинскій конный полкъ.

Надо сказать, что генералъ Корниловъ, говорившій по текински, пользовался громадной популярностью въ полку; текинцы его называли: «нашъ бояръ».

Первоначально для охраны насъ хотѣли назначить Георгіевскій полкъ, но текинцы просили, чтобы внутреннюю охрану предоставили имъ.

Въ этомъ отношеніи намъ помогли предсѣдатель слѣдственной комиссіи — Шабловскій и генералъ Алексѣевъ, настоявшіе, чтобы противъ непосредственной охраны насъ текинцами не возражали.

Охрана отъ Георгіевскаго полка выставлялись снаружи помѣщенія.

Послѣ первыхъ же допросовъ, произведенныхъ членами слѣдственной комиссіи, выяснилось, что всѣ они относится къ намъ въ высшей степени благожелательно.

Отъ нихъ же мы узнали, что совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ настаиваетъ на самомъ срочномъ производствѣ слѣдствія и преданій насъ военно-полевому суду; что Керенскій также считаетъ, что мы подлежимъ военно-полевому суду; что слѣдственная комиссія постарается затянуть слѣдствіе, насколько только это будетъ возможно и будетъ настаивать на гласномъ нормальномъ судѣ.

Для насъ, конечно, было понятно, что и для совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, и для Керенскаго совсѣмъ не улыбается доводить дѣло до нормальнаго суда, на которомъ выяснится вся истина.

Для нихъ нуженъ былъ скорѣйшій надъ нами военно-полевой судъ и разстрѣлъ.

Насъ, въ первые дни послѣ нашего ареста, спасло то, что мы были арестованы въ двухъ группахъ: въ Могилевѣ и въ Бердичевѣ. Нужно было, все же, предварительно допросить на мѣстахъ, не соединяя арестованныхъ вмѣстѣ. А на это требовалось время и слѣдственная комиссія не спѣшила.

Въ это же время во всей печати была начата кампанія противъ предполагавшагося преданія насъ военно-полевому суду и появился рядъ статей, объясняющихъ дѣйствительный смыслъ всего того, что произошло.

Керенскому не считаться съ этимъ было трудно.

Но все же, до самаго конца пребыванія своего у власти, онъ проводилъ мысль о необходимости судить насъ во-

енно-полевымъ судомъ. Это мы знали отъ членовъ слѣдственной комиссіи.

Между тѣмъ, пребываніе наше въ Могилевѣ стало волновать Могилевскій и Петроградскій совѣты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Дѣло въ томъ, что въ Могилевѣ находился Корниловскій ударный полкъ. Этотъ полкъ былъ сформированъ изъ добровольцевъ на фронтѣ, въ VIII-й арміи, когда ею командовалъ генералъ Корниловъ.

Полкъ былъ въ блестящемъ порядкѣ, подъ начальствомъ, преданнаго Корнилову, капитана генеральнаго штаба Нѣженцева.

По одному знаку Корнилова полкъ пошелъ бы куда угодно.

Ежедневно, около 12 часовъ дня, полкъ, возвращаясь съ ученія, проходилъ передъ гостинницей «Метрополь» и привѣтствовалъ криками «ура» генерала Корнилова, подходившаго къ окну.

Всѣмъ было ясно, что еслибъ генералъ Корниловъ захотѣлъ, то, съ помощью Корниловскаго и Текинскаго полковъ, онъ могъ бы, не только, когда угодно уйти изъ подъ ареста, но и арестовать прибывшаго въ Ставку Керенскаго.

Было рѣшено насъ перевести въ Быховъ, а Корниловскій полкъ отправить на юго-западный фронтъ.

Командиру полка, явившемуся за приказаніями къ своему шефу, Корниловъ далъ указаніе подчиниться распоряженію Ставки, сказавъ, что за безопасность его и всѣхъ насъ, при наличіи текинцевъ, безпокоиться не приходится.

Во время нашего пребыванія въ гостинницѣ «Метрополь», попросилъ разрѣшеніе зайти ко мнѣ братъ жены Керенскаго, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Барановскій, бывшій у меня, въ дивизіи на фронтѣ, начальникомъ штаба, а въ этотъ періодъ бывшій начальникомъ канцеляріи у Керенскаго.

Когда онъ пришелъ, я его спросилъ: «Что можете сказать Владиміръ Львовичъ?»

— «Могу только то, что уже сказано генераломъ Корниловымъ, т. е. что все произошло вслѣдствіе провокаціи Керенскаго».

Передъ нашимъ переводомъ изъ Могилева въ Быховъ, по постановленію предсѣдателя слѣдственной комиссіи Шабловскаго, было освобождено значительное число арестованныхъ, никакого активнаго участія въ Корниловскомъ выступленіи не принимавшихъ. Изъ старшихъ чиновъ были освобождены — начальникъ военныхъ сообщеній генералъ Тихменевъ и 2-й генералъ-квартирмейстеръ полковникъ Плющевскій-Плющикъ.

Въ Быховъ были переведены:

Генералъ Корниловъ, я, генералъ Романовскій, генералъ Кисляковъ, Аладьинъ, капитанъ Брагинъ, полковникъ Пронинъ, прапорщикъ Никитинъ, Никоноровъ (за статью помѣщенную въ печати противъ вр. правительства), Александровъ, полковникъ Новосильцевъ, есаулъ Родіоновъ (авторъ извѣстнаго романа «Наше преступленіе»), капитанъ Соетсъ, полковникъ Реснянскій и подполковникъ Роженко.

Кромѣ переведенныхъ изъ Могилева, въ Быховъ было доставлено еще нѣсколько лицъ, арестованныхъ за сочувствіе Корнилову, но ихъ скоро выпустили на свободу.

Въ Быховѣ насъ помѣстили въ зданіи стараго католическаго монастыря.

Зданіе было очень мрачное, комнаты низкія со сводчатымъ потолкомъ.

Только генералъ Корниловъ и я имѣли по отдѣльной комнатѣ; остальные помѣщались по 2—3 человѣка въ комнатѣ.

Одна большая комната была отведена подъ столовую, куда мы собирались къ чаю, обѣду и ужину.

Прогулка намъ разрѣшалась два раза въ день во дворѣ, вокругъ костела. Впослѣдствіи, для нашихъ прогулокъ, отвели блшой садъ, примыкавшій къ дому, въ которомъ мы помѣщались.

Охрана внутри зданія неслась текинцами, полъ эскадрона которыхъ помѣщались въ самомъ зданіи. Наружная охрана неслась ротой Георгіевскаго полка.

Оффиціально, мы все время, кромѣ необходимаго на пищу и предоставляемаго для прогулокъ,—должны были сидѣть по своимъ комнатамъ; но, въ дѣйствительности, внутри зданія мы пользовались полной свободой и ходили, когда хотѣли, одинъ къ другому.

Денежнаго содержанія мы были лишены; но пищу намъ разрѣшено было готовить на казенный счетъ такую же, какъ давали въ офицерскихъ собраніяхъ. Изъ Ставки въ Быховъ былъ присланъ поваръ и насъ кормили вполнѣ удовлетворительно.

Сношеніе съ внѣшнимъ міромъ оффиціально было воспрещено; но, такъ какъ комендантомъ былъ назначенъ помощникъ командира Текинскаго полка, человѣкъ вполнѣ преданный Корнилову, — онъ докладывалъ о всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Быховъ и желавшихъ насъ видѣть и къ намъ допускались всѣ тѣ, которыхъ мы хотѣли видѣть.

Вслѣдствіе этого очень скоро наладилась прочная связь съ Петроградомъ, Москвой и Могилевымъ, и мы были въ курсѣ всего того, что происходитъ, и вели переписку съ нужными для насъ лицами.

Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго также освѣдомлялъ насъ по всѣмъ насъ интересующимъ вопросамъ.

Было разрѣшено нашимъ женамъ поселиться въ Быховѣ и посѣщать насъ ежедневно отъ 10 ч. утра до 6 час. вечера.

Такимъ образомъ, жизнь наша устроилась совершенно сносно и мы спокойно ожидали окончанія слѣдствія и преданія насъ гласному суду. Но, недѣли черезъ полторы — двѣ, отъ предсѣдателя и членовъ слѣдственной комиссіи, мы узнали, что комитетъ юго-западнаго фронта, Бердичевскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и комиссары юго-западнаго фронта—категорически протестуютъ противъ перевода изъ Бердичева въ Быховъ генерала Деникина и другихъ, арестованныхъ съ нимъ, и требуютъ немедленнаго преданія ихъ военно-полевому суду въ Бердичевѣ;

что Керенскій колеблется и видимо склоненъ согласиться; что въ Могилевъ вызванъ комиссаръ юго-западнаго фронта и прокуроръ, и вопросъ долженъ окончательно разрѣшиться въ ближайшіе дни.

Предсѣдатель слѣдственной комиссіи сказалъ, что онъ сдѣлаетъ все, чтобы соединить Бердичевскихъ арестованныхъ съ нами и надѣется, что это ему удастся; но не скрылъ отъ насъ, что положеніе серьезное.

Дѣйствительно, первоначальное раздѣленіе насъ на двѣ группы было для насъ, какъ я уже отмѣтилъ, выгодно, давая возможность затянуть слѣдствіе и оттянуть рѣшеніе о назначеніи суда; но дальнѣйшее оставленіе въ Бердичевѣ Деникина и другихъ съ нимъ арестованныхъ — было болѣе чѣмъ опасно. Охраны надежной тамъ не было и мѣстныя революціонныя власти требовали немедленнаго военно-полевого суда; оставленіе арестованныхъ въ Бердичевѣ, при объявленіи, что они не подлежатъ военно-полевому суду, грозило имъ самосудомъ озвѣрѣвшей толпы.

Наконецъ, благодаря исключительной энергіи предсѣдателя слѣдственной комиссіи Шабловскаго Бердичевскіе узники были доставлены въ Быховъ. *)

Изъ Бердичева въ Быховъ были привезены:

Генералы: Деникинъ, Марковъ, Ванновскій, Эрдели, Эльснеръ и Орловъ, капитанъ Клецанда (чехъ) и чиновникъ Будиловичъ.

Когда арестованныхъ привезли съ вокзала къ нашему мѣсту заключенія — мы вышли въ переднюю ихъ встрѣтить.

Вмѣсто радостно настроенныхъ, какими мы ожидали ихъ увидѣть въ первую минуту, мы встрѣтили группу мрачныхъ лицъ, которыя даже какъ то насъ сторонились и свѣшили пройти внутрь помѣщенія.

---

*) Какъ мнѣ впослѣдствіи говорилъ одинъ изъ членовъ слѣдственной комиссіи, полковникъ Украинцевъ, на засѣданіи въ Могилевѣ, Шабловскому стоило громадныхъ усилій добиться отъ Керенскаго, чтобы послѣдній согласился признать, что Бердичевскіе арестованные не могутъ быть въ Бердичевѣ преданы военно-полевому суду и должны быть доставлены въ Быховъ.

Затѣмъ это ихъ настроеніе разъяснилось. Оказалось, что въ Бердичевѣ, все послѣднее время, они жили подъ угрозой самосуда, подвергаясь непрерывнымъ оскорбленіямъ и издѣвательствамъ черни, настроенной агитаторами.

Ихъ путь изъ тюрьмы въ Бердичевѣ до вокзала — былъ, по истинѣ, крестнымъ путемъ.

Охрана изъ юнкеровъ едва ихъ отбивала отъ озвѣрѣвшей толпы, сопровождавшей ихъ до вокзала и требовавшей самосуда.

Въ нихъ бросали камнями и комками грязи.

У бѣднаго генерала Орлова было разбито все лицо, а у другихъ чувствовались послѣдствія ударовъ на различныхъ частяхъ тѣла.

Отъ Бердичева до Быхова ихъ сопровождала делегація Бердичевскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, которой было поручено провѣрить, какъ будутъ содержаться арестованные въ Быховѣ и сдѣлать докладъ совѣту.

Бердичевскіе узники едва вѣрили, что остались цѣлы и предполагая, что и наше положеніе аналогично ими испытанному въ Бердичевѣ, были удивлены, что мы такъ свободно себя держимъ и опасались, что если это увидятъ соглядатаи изъ Бердичева, то будутъ непріятности. Но Бердичевскую делегацію наша охрана, конечно, не допустила даже во дворъ зданія, а когда одинъ изъ делегатовъ сталъ настойчиво требовать, чтобы ихъ пропустили, — текинцы пригрозили нагайками и они принуждены были уйти.

На другой день, во время нашей утренней прогулки, Бердичевская делегація подошла къ рѣшеткѣ садика и начала дѣлать какія-то замѣчанія. Начальникъ караула вышелъ съ двумя текинцами и ихъ отогналъ, а затѣмъ выставилъ на улицѣ постъ, который никого не подпускалъ къ рѣшеткѣ.

Бердичевская делегація, возмущенная подобнымъ снисходительнымъ содержаніемъ арестованныхъ, разослала во всѣ концы телеграммы, и петроградскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ сталъ настойчиво требовать отъ Керенскаго назначенія другой слѣдственной комиссіи и пе-

ревода нашего въ Петропавловскую крѣпость. Благодаря настояніямъ предсѣдателя слѣдственной комиссіи и тому, что общественное мнѣніе было на нашей сторонѣ, эти домогательства были отвергнуты, но въ составъ слѣдственной комиссіи включили двухъ представителей отъ петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Эти представители оказались порядочными людьми и, познакомившись со слѣдственнымъ производствомъ, согласились съ характеромъ работы слѣдственной комиссіи.

Между тѣмъ, какъ и надо было ожидать, Керенскій, не имѣвшій возможности выполнить всѣхъ обѣщаній, данныхъ Алексѣеву о проведеніи въ жизнь требованій Корнилова, повелъ дѣло такъ, что самъ Алексѣевъ, видя, что ничего сдѣлать не можетъ, попросилъ, чтобы его освободили отъ должности начальника штаба. Вмѣсто него былъ назначенъ генералъ Духонинъ.

Всѣ свѣдѣнія къ намъ поступавшія указывали, что армія окончательно разваливается и надо было ожидать катастрофы со дня на день.

Я писалъ генералу Духонину и генералъ-квартирмейстеру Ставки генералу Дитрихсу, что надо ожидать паденія временнаго правительства и надо быть готовыми къ тому, что у власти окажутся большевики.

Я рекомендовалъ подтянуть къ Могилеву нѣсколько надежныхъ частей, дабы Ставка не оказалась въ безпомощномъ положеніи и, въ случаѣ надобности, могла подъ ихъ прикрытіемъ, перейти въ Кіевъ. Казалось, что можно, путемъ сохраненія менѣе развалившихся фронтовъ, именно юго-западнаго и Румынскаго, еще удержать общій фронтъ.

Но, для этого, опять таки, нужны были суровыя и безпощадныя мѣры, а на нихъ «Верховный Главнокомандующій», Керенскій, не шелъ.

* * *

Чтобы скрасить однообразно тянувшіеся дни Быховскіе заключенные попросили Аладьина давать имъ уроки англійскаго языка, а по вечерамъ собирались вмѣстѣ, читали вслухъ, устраивали сообщенія, лекціи.

Газеты были переполнены статьями о нашемъ дѣлѣ. Печатались статьи и за насъ, и противъ насъ.

Одну изъ статей, въ которой излагалось мнѣніе бывшаго комиссара при Ставкѣ, Филоненко, о дѣлѣ Корнилова, впослѣдствіи, въ годовщину смерти генерала Корнилова, вспомнилъ генералъ Деникинъ при чествованіи памяти Корнилова: «Годъ назадъ русская граната, направленная рукою русскаго человѣка, сразила великаго русскаго патріота.

За что? За то ли, что въ дни великихъ потрясеній, когда недавніе рабы склонялись передъ новыми владыками, онъ сказалъ имъ гордо и смѣло: уйдите, вы губите русскую землю.

За то ли, что, не щадя жизни, съ горстью войскъ ему преданныхъ, онъ началъ борьбу противъ стихійнаго безумія, охватившаго страну и палъ поверженный, но не измѣнившій долгу передъ Родиной.

За то ли, что крѣпко и мучительно любилъ онъ народъ, его предавшій, его распявшій.

Пройдутъ года и къ высокому берегу Кубани потекутъ тысячи людей поклониться праху мученика и творца идеи возрожденія Россіи. Придутъ и его палачи.

И палачамъ онъ проститъ.

Но однимъ онъ никогда не проститъ:

Когда Верховный Главнокомандующій томился въ Быховской тюрьмѣ въ ожиданіи Шемякина суда временнаго правительства, одинъ изъ разрушителей русской храмины сказалъ: Корниловъ долженъ быть казненъ, но когда это случится, я, прійдя на могилу, принесу цвѣты и преклонню колѣна передъ русскимъ патріотомъ.

Проклятіе имъ — прелюбодѣямъ слова и мысли. Прочь ихъ цвѣты. Они оскверняютъ святую могилу»....

* * *

25 октября/7 ноября большевики свергли временное правительство и захватили власть.

Керенскій бѣжалъ.

Ясно было, что большевики прежде всего ликвидируютъ Ставку, а затѣмъ, дѣйствуя по германской указкѣ, вступятъ въ переговоры съ нѣмцами.

Конечно, одновременно съ Ставкой, большевики должны были ликвидировать и насъ.

Положеніе наше стало опаснымъ.

Въ бытность у власти Керенскаго мы могли, если бъ захотѣли, бѣжать изъ Быхова совершенно свободно. Но мы этого дѣлать не хотѣли, мы хотѣли суда. Съ появленіемъ же у власти большевиковъ — оставаться въ Быховѣ становилось просто глупо.

Предсѣдателю слѣдственной комиссіи, Шабловскому, было сообщено, что мы просимъ его пріѣхать въ Быховъ. Онъ пріѣхалъ черезъ два дня и сказалъ намъ, что, дѣйствуя вполнѣ законно, основываясь на данныхъ слѣдственнаго производства, онъ, въ ближайшіе дни, освободитъ всѣхъ заключенныхъ, за исключеніемъ Корнилова, Деникина, меня, Романовскаго и Маркова.

И дѣйствительно, онъ началъ группами освобождать арестованныхъ и къ 18 ноября/1 декабря въ Быховѣ насъ осталось всего пять человѣкъ.

Съ 10/23 ноября большевиками уже подготовлялась экспедиція для ликвидаціи Ставки и насъ. Во главѣ экспедиціи былъ поставленъ Крыленко, назначенный совѣтскимъ правительствомъ Верховнымъ Главнокомандующимъ.

Я послалъ нѣсколько писемъ Духонину и Дитрихсу, въ которыхъ доказывалъ, что имъ надо перейти въ Кіевъ; что оставаться въ Могилевѣ безполезно и опасно; что Ставка, все равно, будетъ въ ближайшіе дни занята большевиками.

Но меня не послушались. Генералъ Духонинъ рѣшилъ оставаться въ Могилевѣ. И только 18 ноября/1 декабря, получивъ свѣдѣнія о движеніи въ Могилевъ большевистскаго отряда, онъ рѣшилъ выѣхать въ Кіевъ.

Какъ намъ передали изъ Могилева, были поданы автомобили и начали на нихъ нагружать болѣе важные и цѣнные документы и дѣла; но мѣстный совѣтъ рабочихъ

и солдатскихъ депутатовъ воспрепятствовалъ отъѣзду; дѣла были частью уничтожены, частью внесены обратно въ помѣщеніе штаба.

Духонинъ рѣшилъ оставаться на своемъ посту до конца....

Около 12 часовъ дня 18 ноября/1 декабря, за подписью Духонина, генералу Корнилову была прислана телеграмма, въ которой сообщалось, что большевики приближаются къ Могилеву и что намъ оставаться въ Быховѣ нельзя; что къ 6 часамъ вечера въ Быховъ будетъ поданъ поѣздъ, на которомъ намъ рекомендуется, взявъ съ собой текинцевъ, отправиться на Донъ.

Когда генералъ Корниловъ намъ сообщилъ содержаніе этой телеграммы, я сказалъ: «ну далеко на этомъ поѣздѣ мы не уѣдемъ!»

Послѣ обсужденія вопроса о томъ, какъ лучше поступить, все же было рѣшено воспользоваться этимъ поѣздомъ, взявъ съ собой и текинцевъ; затѣмъ, переодѣвшись въ поѣздѣ въ штатское платье, на ближайшихъ же станціяхъ слѣзть и продолжать путь по одиночкѣ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, большевики насъ выловили бы изъ этого поѣзда.

Къ 6 час. вечера мы были готовы къ отъѣзду и текинцы пошли къ станціи на посадку (лошадей, при коноводахъ, рѣшено было оставить въ Быховѣ).

Но поѣздъ поданъ не былъ и около 8 часовъ вечера прибылъ къ намъ въ Быховъ генеральнаго штаба полковникъ Кусонскій, доложившій, что, вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о томъ, что отрядъ Крыленко остановился въ Оршѣ, а въ Могилевъ прибудетъ только делегація съ генераломъ Одинцовымъ во главѣ и, слѣдовательно, намъ не угрожаетъ никакой непосредственной опасности, генералъ Духонинъ отложилъ отправку поѣзда въ Быховъ и намъ надлежитъ оставаться на мѣстѣ.

Генералы Корниловъ и Деникинъ, въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, сказали полковнику Кусонскому, что генералъ Духонинъ совершенно не понимаетъ обстановку; что онъ губитъ и себя, и насъ; что мы въ Быховѣ оставаться

больше не можемъ и не совѣтуемъ задерживаться въ Могилевѣ генералу Духонину.

Полковникъ Кусонскій уѣхалъ на паровозѣ въ Могилевъ, а генералъ Корниловъ вызвалъ нашего коменданта, разсказалъ ему обстановку и сказалъ, что намъ надо на другой же день, 19 ноября/2 декабря, покинуть Быховъ.

Затѣмъ отдалъ распоряженіе немедленно вызвать изъ Могилева остававшійся тамъ эскадронъ текинскаго полка, провѣрить, какъ подкованы лошади, и полку быть готовому къ выступленію къ вечеру 19 ноября/2 декабря.

Послѣ этого мы совмѣстно стали обсуждать планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Генералъ Корниловъ сказалъ, что сдѣлать переходъ верхомъ почти въ 1500 верстъ, въ это время года, полку будетъ трудно; но если мы всѣ пойдемъ съ полкомъ, то это обяжетъ насъ быть съ нимъ до конца.

Корниловъ предложилъ намъ четыремъ (Деникину, мнѣ, Романовскому и Маркову) отправиться въ путь самостоятельно; а онъ съ полкомъ пойдетъ одинъ.

«Теперь я оставить полкъ не могу; я долженъ идти съ текинцами; если же въ пути выяснится необходимость мнѣ отдѣлиться отъ полка, то одинъ я это сдѣлать могу» — закончилъ Корниловъ.

На этомъ мы и порѣшили.

Около 7 часовъ утра 19 ноября/2 декабря къ намъ опять пріѣхалъ полковникъ Кусонскій; онъ сказалъ, что присланъ генералъ-квартирмейстеромъ Дитрихсомъ; что, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, Ставка будетъ занята большевиками, вѣроятно, къ вечеру этого же дня; что Дитрихсъ уѣзжаетъ изъ Ставки и рекомендуетъ намъ немедленно бѣжать. Кусонскій предложилъ, на своемъ паровозѣ, довезти до Гомеля двухъ изъ насъ.

Мы рѣшили такъ: Романовскому и Маркову ѣхать съ Кусонскимъ, а Деникину и мнѣ пробираться самостоятельно.

Переговоривъ съ генераломъ Деникинымъ, дабы не ѣхать вмѣстѣ, мы согласились, что онъ поѣдетъ поѣздомъ на югъ, а я на сѣверъ, черезъ Могилевъ.

Чтобы не подводить охрану Георгіевскаго полка, которая должна была остаться въ Быховѣ, у насъ были, заготовленные въ Ставкѣ, оффиціальные документы, удостовѣряющіе, что мы освобождаемся изъ подъ ареста.

Попрощавшись съ генераломъ Корниловымъ и вручивъ коменданту документы объ освобожденіи насъ изъ подъ ареста, мы отправились на его квартиру. Тамъ мы переодѣлись. Романовскій превратился въ прапорщика инженерныхъ войскъ; Марковъ надѣлъ солдатскую форму; Деникинъ и я переодѣлись въ штатское. Я сбрилъ усы и бороду.

Соотвѣтствующіе документы и паспорта были приготовлены заранѣе.

Пожелавъ другъ другу счастливаго пути, мы разстались: Романовскій и Марковъ отправились на вокзалъ; Деникинъ остался на квартирѣ коменданта въ ожиданіи вечерняго поѣзда, а я, надѣвъ полушубокъ и темные очки, пошелъ въ городъ.

На базарной площади я нанялъ извозчика до женскаго монастыря, находившагося въ 8 верстахъ отъ города.

Доѣхавъ до монастыря, я расплатился съ извозчикомъ и пошелъ въ церковь, гдѣ шла служба.

Помолившись Богу, я вышелъ изъ церкви и, убѣдившись, что извозчикъ уѣхалъ, пошелъ въ деревню, бывшую отъ монастыря въ двухъ верстахъ; въ этой деревнѣ стоялъ польскій пѣхотный полкъ.

Прійдя въ деревню и узнавъ, гдѣ помѣщается командиръ полка, я прошелъ къ нему и прямо ему сказалъ, что я генералъ, что мнѣ надо спасаться отъ большевиковъ и просилъ его дать мнѣ перевозочныя средства доѣхать до станціи, находящейся между Быховымъ и Могилевымъ.

Командиръ полка отнесся ко мнѣ крайне внимательно, угостилъ хорошимъ обѣдомъ и далъ подводу доѣхать до станціи.

Поѣздъ на сѣверъ проходилъ черезъ станцію около 9 часовъ вечера и я около часу прождалъ его прихода. Взялъ я билетъ до Витебска.

Проѣзжая Могилевъ я видѣлъ на станціи ударный батальонъ, который, по требованію Крыленко, генералъ Духонинъ отправлялъ въ Гомель.

Въ Оршѣ я рѣшилъ пройти на станцію и выпить воды.

Станція была переполнена матросами. На вокзалѣ, стоя около буфета, я, изъ разговоровъ окружавшихъ солдатъ и матросовъ, узналъ, что въ Оршѣ стоитъ поѣздъ Крыленко и передовой эшелонъ отряда, направляемаго для ликвидаціи Ставки; что поѣзда пойдутъ въ Могилевъ сейчасъ же, какъ будетъ получено извѣстіе, что ударный батальонъ, столкновенія съ которымъ опасался Крыленко, будетъ отправленъ въ Гомель. *)

Здѣсь на вокзалѣ, съ болью въ сердцѣ, я увидѣлъ безобразную картину: пьяный офицеръ-прапорщикъ сидѣлъ между двумя пьяными-же матросами, изъ которыхъ одинъ, обнявъ офицера, запрокидывалъ его голову, а другой вливалъ ему въ ротъ изъ бутылки водку.

Въ Витебскъ поѣздъ пришелъ часа въ 2 ночи.

Вокзалъ былъ переполненъ.

Пройдя въ залъ 1 класса, я увидѣлъ нѣсколько знакомыхъ лицъ и, изъ опасенія, что меня могутъ узнать, рѣшилъ поѣхать въ городъ и переночевать въ какой нибудь гостинницѣ, такъ какъ поѣздъ на Смоленскъ и Москву отходилъ только около 2 часовъ дня.

Извозчикъ объѣхалъ всѣ гостинницы, но нигдѣ не не было свободныхъ комнатъ; какъ онъ мнѣ объяснилъ,

---

*) Какъ потомъ стало извѣстно, Крыленко съ передовымъ эшелономъ отряда, назначеннаго для занятія Могилева, прибылъ въ Ставку 20 ноября—3 декабря.

Генералъ Духонинъ былъ арестованъ и на автомобилѣ отвезенъ на вокзалъ, гдѣ его ввели въ вагонъ Крыленко.

Генералу Духонину было сказано, что его отправятъ въ Петроградъ.

Но затѣмъ матросы, собравшіеся у вагона, потребовали, чтобы онъ къ нимъ вышелъ.

Когда генералъ Духонинъ показался на площадкѣ вагона у выходной двери, то какой то матросъ, почти въ упоръ, выстрѣлилъ ему въ лицо, послѣ чего его подняли на штыки.

Озвѣрѣвшіе матросы били штыками и прикладами тѣло послѣдняго Верховнаго Главнокомандующаго русской арміи (послѣ бѣгства Керенскаго, генералъ Духонинъ вступилъ въ исполненіе этой должности) и долго еще трупъ генерала Духонина валялся на желѣзнодорожныхъ путяхъ около вагона новаго большевистскаго главнокомандующаго—Крыленко.

всѣ гостинницы были заняты чинами штаба новаго большевистскаго главнокомандующаго, ожидающими когда будетъ возможно проѣхать въ Могилевъ.

Извозчикъ предложилъ отвезти меня въ извѣстную ему квартиру, гдѣ можно переночевать.

Я согласился.

Онъ подвезъ меня къ трехэтажному дому и позвонилъ у подъѣзда.

Вышла какая-то женщина и, узнавъ, что я хочу переночевать, она мнѣ сказала, что это будетъ стоить двадцать пять рублей.

Меня устроили въ гостиной и я отлично заснулъ. Проснулся послѣ 11 часовъ утра.

Помывшись и напившись чаю, я попросилъ горничную провести меня въ уборную.

Когда горничная повела меня во 2-ой этажъ, гдѣ въ коридоръ выходили двери отдѣльныхъ комнатъ и гдѣ царствовала, почти въ 12 часовъ дня, мертвая тишина, я только тогда понялъ, что я провелъ ночь въ веселомъ, но теперь сонномъ учрежденіи...

Къ 2 часамъ дня я былъ на вокзалѣ и, взявъ билетъ 3-го класса до Москвы, вышелъ на перронъ, гдѣ и ходилъ въ ожиданіи поѣзда.

Я совершенно не замѣтилъ какъ ко мнѣ, откуда то сбоку, подошелъ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства отецъ Шавельскій.

Я отъ него отвернулся; онъ зашелъ съ другой стороны и сталъ меня разглядывать, обращая этимъ на меня вниманіе публики.

Я тогда направился къ нему и сказалъ, что прошу его идти рядомъ со мной.

— «Александръ Сергѣевичъ, неужели это Вы? какъ Вы измѣнились!»

— «Отецъ Георгій, мы должны сейчасъ же разойтись и прошу Васъ на меня не обращать вниманіе и ко мнѣ не подходить. Если меня здѣсь кто нибудь узнаетъ, то я погибну».

Отецъ Шавельскій отошелъ.

Немного спустя я наткнулся на моего бывшаго вѣстового, котораго въ Быховѣ я просилъ коменданта отчислить за явно большевистскія наклонности, которыя онъ сталъ проявлять.

Солдатъ остановился, посмотрѣлъ на хорошо ему знакомый полушубокъ, потомъ на мое лицо...

Я былъ въ темныхъ очкахъ, бритый и еще сдѣлалъ гримасу, чтобы меня труднѣй было узнать.

Узналъ ли меня мой прежній вѣстовой или нѣтъ — не знаю; но онъ, какъ то странно, свистнулъ и затѣмъ вскочилъ на площадку вагона подходившаго поѣзда.

Поѣздъ былъ переполненъ и мнѣ удалось пристроиться на ступенькахъ одной изъ площадокъ вагона 3-го класса. Морозъ былъ болѣе 10 градусовъ и я, послѣ перваго же перегона, промерзъ. На первой же станціи я соскочилъ на перронъ и побѣжалъ вдоль поѣзда, чтобы устроиться гдѣ нибудь лучше. Только площадка 1 класса оказалась свободной. Я взошелъ на нее. Но когда поѣздъ отошелъ, я понялъ почему эта площадка пуста: впереди вагона была открытая платформа и сильный вѣтеръ сталъ пронизывать меня насквозь. Я рѣшилъ войти въ вагонъ 1 класса, чтобы въ коридорѣ немного согрѣться; но вагонъ оказался переполненнымъ пассажирами. Я пріоткрылъ дверь въ уборную и увидѣлъ тамъ двухъ дамъ: одна сидѣла на главномъ мѣстѣ, а другая на ящикѣ съ угломъ. Увидя меня и думая, что я хочу воспользоваться уборной согласно ея назначенію, онѣ хотѣли выдти. У имъ сказалъ, что хочу только согрѣться и мы, втроемъ, остались въ уборной, въ которой я доѣхалъ до Смоленска.

Пересѣвъ въ Смоленскъ въ другой поѣздъ, я, утромъ 21 ноября/4 декабря, пріѣхалъ въ Москву.

По дорогѣ, до Москвы, какіе то солдаты два раза провѣряли у пассажировъ паспорта, причемъ мои документы не вызвали какихъ либо сомнѣній.

Въ Москвѣ я взялъ у вокзала извозчика и проѣхалъ шагомъ мимо квартиры, которую прежде занимала моя семья. Квартира показалась мнѣ пустой и я рѣшилъ, что женѣ удалось уже выѣхать изъ Москвы.

Вечеромъ въ этотъ же день я поѣхалъ, черезъ Рязань и Воронежъ, въ Новочеркасскъ.

Этотъ переѣздъ былъ для меня очень тяжелымъ. Вагонъ былъ страшно переполненъ и я, отъ Москвы до ст. Лисокъ, т. е. болѣе 36 часовъ, принужденъ былъ стоять, не имѣя возможности ни разу присѣсть.

Въ вагонѣ, въ которомъ я помѣщался, ѣхало человѣкъ 10 молодежи въ солдатской формѣ. Всю дорогу они держали себя довольно разнузданно, но манера себя держать не соотвѣтствовала ихъ физіономіямъ и мнѣ казалось, что они умышленно себя держать — какъ распущенные солдаты и явно шаржируютъ.

Такъ какъ въ Лискахъ (на границѣ Донской области) они остались въ вагонѣ, то для меня стало ясно, что это юнкера какого нибудь военнаго училища, или молодые офицеры, пробирающіеся на Донъ.

Послѣ отхода поѣзда со станціи «Лиски» эта молодежь стала устраиваться на освободившихся мѣстахъ. Я подошелъ къ одной изъ группъ и попросилъ уступить мнѣ верхнее мѣсто.

— «А ты кто такой?» услышалъ я отъ одного изъ нихъ, въ отвѣтъ на мою просьбу.

Я тогда сказалъ:

— «Ну, вотъ что, господа, теперь вы можете уже смѣло перейти на настоящій тонъ и перестать разыгрывать изъ себя дезертировъ съ фронта. Послѣдняя категорія и та сбавляетъ тонъ на Донской территоріи.

Я — генералъ; очень усталъ и прошу мнѣ уступить мѣсто».

Картина сразу измѣнилась.

Они помогли мнѣ устроиться на верхнемъ мѣстѣ и я, съ удовольствіемъ, улегся.

Ноги мои, отъ продлжительнаго стоянія, опухли и были, какъ колоды.

Въ Новочеркасскъ поѣздъ пришелъ поздно вечеромъ 23 ноября/6 декабря.

На вокзалѣ былъ дежурный офицеръ, который указывалъ пріѣзжавшимъ офицерамъ и юнкерамъ, гдѣ имъ можно остановиться.

Я поѣхалъ переночевать въ общежитье, а утромъ 24 ноября/7 декабря перебрался въ гостинницу.

Первое лицо, которое я увидѣлъ въ гостинницѣ, былъ предсѣдатель Государственной Думы, М. В. Родзянко, котораго, подъ видомъ тяжело больного и въ загримированномъ видѣ, доставили изъ Москвы въ Новочеркасскъ.

Затѣмъ я встрѣтился съ генералами Деникинымъ, Рэмановскимъ и Марковымъ, добравшимися наканунѣ благополучно до Новочеркасска.

Отъ нихъ я узналъ, что въ Новочеркасскѣ генералъ Алексѣевъ, который въ полномъ согласіи съ атаманомъ Донского казачьяго войска, приступилъ къ формированію Добровольческой арміи для борьбы съ большевиками. *) Генералъ Алексѣевъ пріѣхалъ въ Новочеркасскъ въ первыхъ числахъ ноября.

Я пошелъ къ нему.

М. В. Алексѣевъ сказалъ мнѣ, что онъ рѣшилъ сформировать на Дону Добровольческую армію; что въ Петроградѣ и въ Москвѣ имъ образованы общества для помощи офицерамъ; что эти общества поддерживаютъ тѣсное общеніе съ общественными организаціями, помогающими имъ матеріально, и они будутъ направлять на Донъ всѣхъ желающихъ офицеровъ, юнкеровъ и кадетъ старшихъ классовъ; что союзъ общества офицеровъ, со своей стороны приметъ всѣ мѣры для облегченія желающимъ офицерамъ пробраться на Донъ изъ другихъ раіоновъ.

Я на это отвѣтилъ, что мнѣ представляется необходимымъ, чтобы онъ кликнулъ кличъ, призывающій офицеровъ немедленно направляться на Донъ; что его имя среди

*) На формированіи Добровольческой арміи именно на Дону генералъ Алексѣевъ остановился, считая, что только тамъ, подъ прикрытіемъ Донскихъ казачьихъ частей, можно будетъ, сравнительно спокойно, сформировать вооруженную силу для борьбы съ большевиками.

Вообще всѣмъ намъ казалось, что Донское, Кубанское и Терское казачество не будетъ воспріимчиво къ большевистскимъ идеямъ.

офицерства очень популярно и на его кличъ потекутъ на Донъ не сотни, а десятки тысячъ офицеровъ.

Генералъ Алексѣевъ на это мнѣ сказалъ, что онъ самъ объ этомъ думалъ, но сдѣлать это онъ пока не смѣетъ.

— «Какъ же я могу обратиться съ такимъ воззваніемъ къ офицерамъ разъ въ моемъ распоряженіи нѣтъ средствъ.

Вѣдь и теперь, когда имѣется всего около пятисотъ офицеровъ и юнкеровъ, я не сплю по ночамъ, думая, какъ мнѣ ихъ прокормить, какъ ихъ одѣть».

На это я отвѣтилъ, что — будетъ сила, будутъ и деньги.

— «Рискнуть надо; безъ этого Вы, Михаилъ Васильевичъ, арміи не сформируете.

Вѣдь надо знать нашу общественность: они не даютъ и не дадутъ большихъ средствъ пока не будутъ увѣрены въ успѣхѣ, пока въ Вашемъ распоряженіи не будетъ достаточной силы. А Вы не можете собрать эту силу, не имѣя средствъ.

Получается заколдованный кругъ.

Повторяю, что не только можно, а должно рискнуть».

Генералъ Алексѣевъ сказалъ, что онъ еще подумаетъ.

Прощаясь со мной, Алексѣевъ сказалъ, что намъ надо, въ ближайшіе дни, условиться относительно дальнѣйшей совмѣстной работы.

25 ноября/8 декабря генералъ Деникинъ и я пошли къ Донскому атаману генералу Каледину.

Атаманъ принялъ насъ очень сердечно; сказалъ, что, работая въ полномъ согласіи съ генераломъ Алексѣевымъ, онъ убѣжденъ, что послѣднему удастся сформировать хорошую Добровольческую армію, а ему Донскую.

Затѣмъ онъ сказалъ, что очень радъ пріѣзду на Донъ цѣлой группы генераловъ, которые помогутъ наладить организаціонную работу, но, прибавилъ Калединъ, «имена генераловъ Корнилова, Деникина, Лукомскаго и Маркова настолько для массы связаны со страхомъ контръ-революціи, что я рекомендовалъ бы вамъ обоимъ, и пріѣхавшему генералу Маркову, пока активно не выступать; было бы даже лучше если бы вы, временно, уѣхали изъ предѣловъ Дона».

Послѣ этого генералъ Калединъ добавилъ: «я отнюдь не настаиваю, чтобы вы уѣзжали съ Дона. Если васъ это не устраиваетъ, то оставайтесь и вы будете гостями донского казачества; но я, зная обстановку, счелъ своимъ долгомъ высказать, что вамъ лучше временно уѣхать.

Я убѣжденъ, что въ самомъ ближайшемъ будущемъ ваше присутствіе здѣсь будетъ совершенно необходимо; тогда вы вернетесь и мы вмѣстѣ будемъ работать».

Деникинъ, Марковъ и я рѣшили уѣхать изъ Новочеркасска.

Деникинъ и Марковъ направились въ Екатеринодаръ, а я во Владикавказъ.

Выѣхавъ изъ Новочеркасска 26 ноября/9 декабря, мы благополучно проскочили черезъ Ростовъ.

27 ноября/10 декабря въ Ростовѣ произошло выступленіе мѣстныхъ большевиковъ, къ которому присоединились бывшіе въ городѣ солдаты и матросы.

Городъ былъ въ ихъ рукахъ нѣсколько дней.

Въ подавленіи возстанія приняла участіе первая сформированная въ Новочеркасскѣ рота будущей Добровольческой арміи.

* * *

За два дня до бѣгства изъ Быхова я послалъ вѣстового съ вещами къ моей женѣ, которая, какъ я предполагалъ, должна была выѣхать изъ Москвы и находиться въ имѣніи у знакомыхъ подъ Харьковымъ; я ей написалъ, что буду пробираться въ Новочеркасскъ и прошу ее, какъ только будетъ возможно, доставить туда мои вещи.

Получивъ мое письмо и зная изъ газетъ, что мы изъ Быхова бѣжали и что большевики отдали распоряженіе постараться насъ задержать въ пути, она рѣшила немедленно проѣхать въ Новочеркасскъ самой.

Пріѣхавъ въ Ростовъ 27 ноября/10 декабря утромъ, она, въ ожиданіи поѣзда на Новочеркасскъ, сдала всѣ вещи на храненіе, а сама пошла въ залъ 1 класса.

Какъ разъ въ это время произошло въ Ростовѣ выступленіе большевиковъ и они, занявъ городъ, двинулись къ вокзалу.

На вокзалѣ началась паника и бывшимъ тамъ пассажирамъ объявили, что кто хочетъ спасаться отъ большевиковъ — тотъ можетъ воспользоваться поѣздомъ, отходящимъ въ Таганрогъ.

Моя жена едва успѣла вскочить въ отходящій поѣздъ и проѣхала въ Таганрогъ.

5/18 декабря, когда движеніе поѣздовъ опять возстановилось, она поѣхала черезъ Ростовъ въ Новочеркасскъ. Въ Ростовѣ, изъ вещей, сданныхъ на храненіе, въ складѣ оказались только два взрѣзанныхъ и пустыхъ чемодана; всѣ вещи, какъ мои, такъ и ея, пропали.

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ, про меня она ничего узнать не могла, такъ какъ тѣ лица, которыя знали, что я поѣхалъ во Владикавказъ, почему то, считали, что объ этомъ никому говорить нельзя и моя жена, въ полной неизвѣстности, принуждена была жить въ Новочеркасскѣ.

* * *

Пріѣхавъ во Владикавказъ, я поселился въ небольшой гостинницѣ и страшно скучалъ, ожидая вѣстей изъ Новочеркасска.

Одинъ мой знакомый просилъ меня занести во Владикавказѣ письмо Тапѣ Чермоеву, предсѣдателю союза горцевъ.

Чермоевъ меня очень любезно принялъ и, въ разговорѣ, спросилъ, не согласился ли бы я помочь горцамъ сорганизоваться и устроить приличную армію.

Я отказался, сказавъ, что теперь обстановка такова, что можно ожидать рѣзню между горцами и терскими казаками и что, въ этомъ случаѣ, мое положеніе могло бы оказаться болѣе чѣмъ страннымъ.

Настроеніе во Владикавказѣ было напряженное.

Почти каждую ночь разбойники — осетины дѣлали набѣги на городъ и грабили магазины.

По вечерамъ я часто бывалъ у атамана терскаго казачьяго войска, Караулова, отъ него узнавалъ обстановку.

Въ этотъ періодъ началось движеніе въ тылъ отдѣльныхъ солдатскихъ группъ и цѣлыхъ войсковыхъ частей съ Кавказскаго фронта. Терская область и Ставропольская гу-

бернія стали наполняться большевистски настроенными солдатами.

То тамъ, то здѣсь начинали вспыхивать безпорядки.

Началось броженіе и въ нѣкоторыхъ станицахъ Терскаго казачьяго войска. Атаманъ Караулovъ постоянно разъѣзжалъ и, насколько возможно, поддерживалъ порядокъ.

Во время одной изъ такихъ поѣздокъ, около половины/конца декабря, на станціи Прохладной, взбунтовавшаяся толпа отцѣпила его вагонъ отъ поѣзда и онъ былъ убитъ.

12/25 декабря я получилъ телеграмму отъ Завойко (бывшаго прежде ординарцемъ у Корнилова), что онъ, вмѣстѣ съ генераломъ Корниловымъ, будутъ во Владикавказѣ 13/26 декабря.

Въ этотъ день Завойко пріѣхалъ, но одинъ. Онъ мнѣ сказалъ, что генералъ Корниловъ, послѣ неимовѣрно труднаго путешествія, 6/19 декабря пріѣхалъ въ Новочеркасскъ. *) Что, познакомившись съ обстановкой, сложив-

*) 19 ноября—2 декабря 1917 г., въ 11 ч. вечера, вышелъ изъ Быховской тюрьмы къ ожидавшему его Текинскому полку, поздоровался съ нимъ и, сѣвъ на коня, отправился съ полкомъ въ дальній и тяжелый путь.

20 ноября—3 декабря большевики узнали о бѣгствѣ Быховскихъ узниковъ, при чемъ, по полученнымъ ими даннымъ, выяснили, что нѣкоторые изъ бѣжавшихъ уѣхали изъ Быхова по желѣзной дорогѣ, а генералъ Корниловъ, съ другими и Текинцами, отправился куда то походнымъ порядкомъ.

Большевиками было отдано распоряженіе внимательно осматривать поѣзда, повѣрять у пассажировъ документы и постараться поймать отправившихся по желѣзной дорогѣ.

Для того, чтобы перерѣзать путь Текинскому полку, было ими отдано распоряженіе по телеграфу, черезъ всѣ телеграфныя станціи раіона примыкавшаго къ Быхову, сообщать въ Ставку о всѣхъ данныхъ, могущихъ точно выяснить направленіе движенія Текинскаго полка.

Большевикамъ удалось выслѣдить пути движенія полка и около станціи Унеча Черниговской губерніи, предполагая перейти черезъ полотно желѣзной дороги, полкъ попалъ подъ сильный пулеметный огонь большевистскаго броневого поѣзда и понесъ большія потери.

Затѣмъ, на другой день, полкъ наткнулся на засаду, устроенную въ лѣсу и, отъ пулеметнаго огня, понесъ опять значительныя потери.

Послѣ переправы черезъ р. Сеймъ полкъ попалъ въ плохо замерзшій болотистый раіонъ и потерялъ много лошадей.

Морозъ держался крѣпкій; люди были плохо одѣты, у лошадей посбивались подковы. Населеніе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, относилось враждебно и не всегда удавалось получить продовольствіе и фуражъ.

Путь былъ крайне тяжелый.

Наконецъ Корниловъ рѣшилъ снять тяжелый крестъ съ вѣрныхъ

шейся въ Новочеркасскѣ, генералъ Корниловъ рѣшилъ, что ему тамъ нечего дѣлать и рѣшилъ проѣхать во Владикавказъ, гдѣ сговориться со мной, вызвать изъ Екатеринодара генерала Деникина и рѣшить, что дѣлать дальше; что все къ отъѣзду было готово, но, въ послѣднюю минуту, генералъ Корниловъ, подъ давленіемъ московскихъ общественныхъ дѣятелей, измѣнилъ свое рѣшеніе и остался въ Новочеркасскѣ.

14/27 декабря я получилъ телеграмму отъ генерала Эрдели, что генералъ Корниловъ меня вызываетъ.

Въ Новочеркасскъ я пріѣхалъ 16/29 декабря; изъ Екатеринодара пріѣхали туда же генералы Деникинъ и Марковъ.

Я засталъ генерала Корнилова въ большомъ колебаніи.

Формированіе Добровольческой арміи было уже начато генераломъ Алексѣевымъ. По характерамъ генералы Алексѣевъ и Корниловъ мало подходили другъ къ другу.

Корниловъ считалъ, что дѣло можетъ пойти успѣшно, лишь при условіи, если во главѣ будетъ стоять одинъ человѣкъ; Алексѣевъ говорилъ, что роли можно распредѣлить; онъ указывалъ, что въ его рукахъ останутся финансовые вопросы и политика (внѣшняя и внутренняя), а Корниловъ всецѣло займется формированіемъ арміи и ея управленіемъ.

Корниловъ доказывалъ, что ихъ параллельная дѣятельность будетъ вызывать постоянныя тренія и, прежде всего, въ финансовыхъ вопросахъ, такъ какъ каждую копѣйку на организацію и нужды арміи ему придется испрашивать у Алексѣева.

Затѣмъ Корниловъ указывалъ, что, съ развитіемъ дѣла, ему, какъ командующему арміей, придется вплотную подойти къ внутренней политикѣ, которая будетъ находиться въ вѣдѣніи Алексѣева; что это, опять таки, породитъ недоразумѣнія и тренія.

Въ сущности говоря, это сознавалъ и генералъ Алексѣевъ, предложившій генералу Корнилову такое рѣшеніе:

текинцевъ и, полагая, что имъ самимъ будетъ идти безопасно, оставилъ ихъ и, переодѣвшись крестьяниномъ, съ подложнымъ паспортомъ, отправился на Донъ одинъ, куда и пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ 6—19 декабря.

«Вы, Лавръ Георгіевичъ, поѣзжайте въ Екатеринодаръ и тамъ, совершенно самостоятельно, приступайте къ формированію частей Добровольческой арміи, а я буду производить формированія на Дону».

Генералъ Корниловъ категорически отъ этого отказался, сказавъ, что это не выходъ изъ создавшагося положенія и что это будетъ еще хуже.

— «Еслибъ я на это согласился, то, находясь на такомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, мы, Михаилъ Васильевичъ, уподобились бы съ Вами двумъ содержателямъ балагановъ, зазывающихъ къ себѣ публику на одной и той же ярмаркѣ».

Генералъ Корниловъ хотѣлъ ѣхать на Волгу, а оттуда въ Сибирь. Онъ считалъ болѣе правильнымъ, чтобы генералъ Алексѣевъ оставался на югѣ Россіи, а ему дали возможность вести работу въ Сибири.

Онъ доказывалъ, что для дѣла это будетъ лучше; что одинъ другому они мѣшать не будутъ и вѣрилъ, что ему удастся создать въ Сибири большое дѣло.

Онъ рвался на просторъ, гдѣ возможна была самостоятельная работа. Но пріѣхавшіе въ Новочеркасскъ изъ Москвы представители національнаго центра *) настаивали на томъ, чтобы Корниловъ остался на югѣ Россіи и работалъ совмѣстно съ Алексѣевымъ и Калединымъ.

Такъ какъ Корниловъ не соглашался, то было заявлено, что Московскія общественныя организаціи совершенно опредѣленно поручили объявить, что руководители антибольшевистскаго движенія могутъ разсчитывать на моральную помощь — лишь при условіи, что всѣ они (Алексѣевъ, Корниловъ и Калединъ) будутъ работать на югѣ Россіи совмѣстно, распредѣливъ между собой роли и подписавъ составленное между собой соглашеніе; при этомъ было указано, что только послѣ того, какъ это соглашеніе состоится и, подписанное всѣми тремя генералами, будетъ передано

*) Въ Новочеркасскъ пріѣхали: кн. Григорій Николаевичъ Трубецкой, Петръ Бернардовичъ Струве, Михаилъ Михайловичъ Федоровъ, Николай Николаевичъ Львовъ, Г-нъ Бѣлоусовъ и Павелъ Николаевичъ Милюковъ. Наѣзжали на нѣсколько дней и другіе, но фамилій ихъ не помню.

представителямъ Англіи и Франціи, можно разсчитывать на полученіе денежной помощи отъ союзниковъ.

Генералъ Корниловъ принужденъ былъ согласиться и, нѣсколько позже, было составлено, подписано и передано представителямъ московскихъ общественныхъ организацій соглашеніе, по которому Алексѣевъ принималъ на себя завѣдываніе всѣмъ финансовымъ дѣломъ и вопросами, касающимися внѣшней и внутренней политики; Корниловъ принималъ на себя организацію и командованіе Добровольческой арміей; а Калединъ — формированіе Донской арміи и управленіе всѣми дѣлами и вопросами, касающимися войска Донского.

Принципіальные вопросы они должны были разрѣшать совмѣстно.

Разсказавъ мнѣ все это, генералъ Корниловъ предложилъ мнѣ быть у него начальникомъ штаба.

При слѣдующемъ нашемъ свиданіи, когда мы разбирались съ тѣмъ — что было уже сдѣлано и что надо дѣлать дальше, Корниловъ вновь заговорилъ о томъ, что онъ остается на югѣ Россіи по принужденію; что онъ согласился на это только по настоянію московскихъ общественныхъ дѣятелей; что онъ боится за успѣхъ работы, когда во главѣ дѣла будетъ стоять не одинъ полноправный распорядитель, а двое *) равноправныхъ, не подчиненныхъ одинъ другому; что онъ опасается возникновенія постоянныхъ недоразумѣній, особенно по финансовымъ вопросамъ; что онъ, наконецъ, мало вѣритъ въ успѣхъ работы на югѣ Россіи, гдѣ придется создавать дѣло на территоріи казачьихъ войскъ и, въ значительной степени, зависѣть отъ войсковыхъ атамановъ.

Закончилъ Корниловъ такъ: «Сибирь я знаю, въ Сибирь я вѣрю; я убѣжденъ, что тамъ можно будетъ поставить дѣло широко.

Здѣсь же съ дѣломъ легко справится и одинъ генералъ Алексѣевъ.

---

*) Не считая генерала Каледина, который въ вопросы формированія и управленія Добровольческой арміи не вмѣшивался.

Я убѣжденъ, что долго здѣсь оставаться я буду не въ силахъ.

Жалѣю только, что меня задерживаютъ теперь и не пускаютъ въ Сибирь, гдѣ необходимо начинать работу возможно скорѣй, чтобы не упустить время».

Этотъ взглядъ Корнилова отразился на всей его работѣ въ Новочеркасскій періодъ. Онъ всей душой и сердцемъ стремился въ Сибирь, хотѣлъ, чтобы его отпустили, и къ работѣ по формированію Добровольческой арміи на Дону относился безъ особаго интереса.

Придавая большое значеніе Сибири и Поволожью генералъ Корниловъ послалъ въ Сибирь рядъ писемъ къ мѣстнымъ политическимъ дѣятелямъ (въ томъ числѣ Попеляеву) и, по его просьбѣ, генераломъ Алексѣевымъ былъ командированъ туда генералъ Флугъ, на котораго была возложена задача ознакомить сибирскихъ политическихъ дѣятелей съ тѣмъ, что дѣлается на югѣ Россіи, постараться объединить офицеровъ и настоять на созданіи тамъ противобольшевистскаго фронта.

На Волгу — въ Нижній Новгородъ, Казань, Самару, Царицынъ и Астрахань были командированы офицеры съ цѣлью сорганизовать тамъ противобольшевистскія силы и постараться, поднявъ возстанія противъ большевиковъ, захватить въ свои руки эти пункты.

У генерала Корнилова зрѣлъ очень широкій планъ: онъ не ограничивался идеей борьбы съ большевиками; онъ, вѣря въ Сибирь и въ Поволжье, былъ убѣжденъ, что можно будетъ не только смести большевиковъ, но и возсоздать фронтъ для борьбы съ Германіей.

Работа на Дону ему представлялась работой сравнительно мелкой, мѣстнаго характера; работа же на востокѣ — работой крупнаго, европейскаго масштаба.

Къ сожалѣнію опасенія Корнилова, что у него будутъ тренія и недоразумѣнія съ Алексѣевымъ, оправдались съ первыхъ же дней ихъ совмѣстной работы.

Тренія происходили и изъ за невозможности точно разграничить кругъ вѣдѣнія одного отъ другого, такъ и по

разрѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ денежными отпусками.

Столкновенія носили иногда очень рѣзкій храактеръ и Корниловъ, нѣсколько разъ, заявлялъ, что онъ работать на югѣ Россіи не можетъ и уѣзжаетъ въ Сибирь.

Я лично считалъ, что лучше предоставить генералу Корнилову свободу дѣйствій и не возражать противъ его желанія ѣхать въ Сибирь, но бывшіе въ Новочеркасскѣ московскіе общественные дѣятели продолжали считать необходимымъ, чтобы генералъ Корниловъ оставался на югѣ Россіи. Они считали, что если уѣдетъ Корниловъ, то за нимъ въ Сибирь поѣдутъ очень многіе изъ вступившихъ въ ряды Добровольческой арміи и дѣло, начатое въ Новочеркасскѣ, можетъ развалиться.

П. Б. Струве, П. Н. Милюковъ, кн. Г. Н. Трубецкой, М. М. Федоровъ и А. И. Деникинъ нѣсколько разъ выступали въ роли миротворцевъ и налаживали отношенія между Корниловымъ и Алексѣевымъ.

Во второй половинѣ (концѣ) декабря въ Новочеркасскъ, изъ Екатеринодара, пріѣхалъ Савинковъ.

Сначала Савинковъ посѣтилъ генерала Каледина, а затѣмъ генерала Алексѣева. Онъ имъ заявилъ, что считаетъ свое участіе въ работѣ по созданію Добровольческой арміи не только желательнымъ, но, для дѣла, безусловно необходимымъ. Онъ указалъ на то, что, по его глубокому убѣжденію, возглавленіе борьбы съ большевиками одними генералами болѣе чѣмъ ошибочно; что изъ этого ничего серьезнаго не выйдетъ; что масса отнесется, въ этомъ случаѣ, къ начатому дѣлу — какъ къ контръ-революціонному; что необходимо при генералѣ Алексѣевѣ создать политическое совѣщаніе, въ составъ котораго долженъ войти онъ, Савинковъ; что присутствіе его въ составѣ этого политическаго совѣщанія, работающаго рука объ руку съ Л. Г. Корниловымъ, ясно покажетъ всѣмъ, что начатое дѣло — есть дѣло чисто патріотическое, чуждое какихъ либо контръ-революціонныхъ замысловъ.

Л. Г. Корниловъ, къ которому обратились Алексѣевъ и Калединъ, сначала отвѣтилъ категорическимъ отказомъ работать вмѣстѣ съ Савинковымъ.

Но затѣмъ Алексѣевъ и Калединъ убѣдили Корнилова согласиться.

Главный мотивъ, которымъ удалось, въ концѣ концовъ, убѣдить Корнилова, заключался въ томъ, что если Савинковъ будетъ работать съ нами, то онъ, скорѣй, будетъ полезенъ; если же отвергнуть его предложеніе, то онъ можетъ, работая отдѣльно, сильно повредить начатому нами дѣлу.

Л. Г. Корниловъ согласился.

При генералѣ Алексѣевѣ было рѣшено образовать политическое совѣщаніе въ составѣ:

Предсѣдатель — Алексѣевъ,

Члены — Корниловъ, Калединъ, Деникинъ, Лукомскій, Романовскій, Струве, Милюковъ, кн. Гр. Трубецкой, Федоровъ, Савинковъ.

Генералъ Деникинъ категорически отказался участвовать въ составѣ совѣщанія и ни на одно изъ засѣданій не приходилъ.

Я также не склоненъ былъ работать совмѣстно съ Савинковымъ, но Корниловъ, въ концѣ концовъ, меня уговорилъ.

Онъ мнѣ сказалъ:

«Мнѣ очень жаль, что Антонъ Ивановичъ Деникинъ рѣшительно отказался отъ участія въ совѣщаніи; но если и Вы, будучи моимъ начальникомъ штаба, не захотите бывать на совѣщаніи, то это отразится вредно на дѣлѣ.

Теперь внутренняя политика будетъ такъ переплетена съ военнымъ дѣломъ, что Вы, какъ начальникъ штаба, должны быть въ курсѣ всего, что дѣлается.

Повѣрьте, что я, не менѣе остро чѣмъ Вы, чувствую ненормальность нашей будущей работы съ Савинковымъ; еще слишкомъ для насъ болѣзненно воспоминаніе о работѣ Савинкова совмѣстно съ Керенскимъ — послѣ всей мерзости и подлости, которыя Керенскій проявилъ по отношенію къ намъ.

Но я переборолъ себя и рѣшилъ это забыть, такъ какъ для меня, прежде всего, важно спасти Родину, а не сводить личные счеты.

Переломите себя и давайте вмѣстѣ работать».

Какъ мнѣ передавали, Савинковъ, въ Екатеринодарѣ, говоря о «Корниловскомъ выступленіи» и обвиняя меня въ созданіи заговора въ Ставкѣ, въ который я, яко-бы вовлекъ генерала Корнилова, сказалъ:

— «Этого я простить Лукомскому не могу и считаю его смертельнымъ моимъ врагомъ.

Если мы когда нибудь встрѣтимся, то одинъ изъ насъ въ живыхъ не останется».

Насколько передаваемое мнѣ было справедливо я не знаю, но я рѣшилъ, при первомъ же свиданіи съ Савинковымъ, поставить ему вопросъ, какъ онъ относится къ нашей совмѣстной работѣ.

Я, нѣсколько запоздавъ на первое засѣданіе политическаго совѣщанія и войдя въ комнату, гдѣ всѣ собравшіеся уже сидѣли за столомъ, подошелъ къ Савинкову, который. при моемъ къ нему приближеніи, всталъ.

— «Послѣ всего того, что произошло въ Могилевѣ судьба насъ вновь свела и мы сегодня встрѣтились.

Прежде чѣмъ сѣсть за этотъ столъ, я хотѣлъ бы знать Ваше откровенное мнѣніе о возможности намъ съ Вами совмѣстно работать.

Я хочу знать, не отразится ли на работѣ Ваше отношеніе ко мнѣ и не повредитъ ли оно дѣлу, нами здѣсь начатому».

Савинковъ на это отвѣтилъ:

— «Генералъ, я знаю отлично все несходство нашихъ политическихъ убѣжденій.

Но теперь у насъ одна дорога, одна цѣль — это свергнуть большевиковъ и спасти Россію.

Въ будущемъ мы, конечно, станемъ опять политическими врагами, но пока, я опредѣленно это заявляю и обѣщаю, что съ моей стороны не будетъ никакихъ противодѣйствій Вашей работѣ, которыя могли бы основываться на какихъ либо личныхъ отношеніяхъ».

На первомъ же засѣданіи Савинковъ возбудилъ вопросъ о необходимости выработать воззваніе къ народу, въ которомъ ясно и опредѣленно указать цѣли борьбы и политическое лицо Добровольческой арміи.

Послѣ обсужденія основныхъ положеній проектируемаго воззванія, было поручено Савинкову его составить и предоставить на обсужденіе совѣщанія.

На слѣдующемъ засѣданіи проектъ воззванія былъ оглашенъ Савинковымъ, но встрѣтились нѣкоторыя возраженія и въ концѣ воззванія было не ясно указано, о какомъ Учредительномъ собраніи, которое должно будетъ рѣшить форму правленія въ Россіи, идетъ рѣчь: о новомъ, или объ Учредительномъ собраніи 1917 года.

По послѣднему вопросу всѣ высказались единодушно, что объ Учредительномъ Собраніи 1917 года не можетъ быть и рѣчи; что выборы въ это собраніе были произведены подъ давленіемъ большевиковъ и что составъ его не можетъ быть выразителемъ мнѣнія Россіи.

П. Н. Милюковъ вызвался пересоставить воззваніе.

Пересоставленное воззваніе было одобрено, напечатано и были приняты мѣры къ широкому его распространенію.

Савинковъ пробылъ въ Новочеркасскѣ не долго.

Передъ его отъѣздомъ въ Москву, около 10/23 января 1918 года, произошелъ слѣдующій случай.

Какъ то вечеромъ А. И. Деникинъ, котораго передъ тѣмъ вызвалъ къ себѣ генералъ Алексѣевъ, заѣхалъ за мной и попросилъ немедленно ѣхать съ нимъ къ Алексѣеву.

По дорогѣ онъ разсказалъ, что его вызывалъ Алексѣевъ и что идетъ рѣчь о раскрытіи будто бы готовящихся покушеній на Савинкова и Алексѣева.

Когда мы пріѣхали, генералъ Алексѣевъ намъ разсказалъ, что кто-то изъ чиновъ контръ-развѣдки предупредилъ о готовящемся покушеніи на Савинкова, а послѣднему сообщили, что готовится покушеніе и на него — Алексѣева; что во всемъ этомъ надо разобраться совмѣстно съ Савинковымъ, который долженъ сейчасъ пріѣхать.

Генералъ Деникинъ, не желавшій встрѣтиться съ Савинковымъ прошелъ въ другое помѣщеніе, а я остался въ кабинетѣ у генерала Алексѣева.

Пріѣхавшій Савинковъ подтвердилъ то, что было сказано Алексѣевымъ. Вызванный офицеръ контръ-развѣдки, отъ котораго были получены эти свѣдѣнія, ничего опредѣленнаго сказать не могъ.

Кончилось это тѣмъ, что было приказано принять мѣры для охраны Савинкова, выяснить болѣе точно источникъ этихъ слуховъ и постараться ихъ провѣрить.

Савинковъ вскорѣ послѣ этого уѣхалъ въ Москву, а разслѣдованіе этого случая не привело ни къ какимъ результатамъ.

Противъ Савинкова многіе были возстановлены и, возможно, что въ этой исторіи и была доля правды; что же касается слуха о возможномъ покушеніи на Алексѣева, если онъ въ дѣйствительности и былъ, то былъ явно вздоренъ.

Формированіе и организація Добровольческой арміи подвигались медленно.

Въ среднемъ, въ день, пріѣзжало и записывалось въ ряды арміи 75—80 добровольцевъ.

Солдатъ было мало; больше всего записывались въ армію офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старшихъ классовъ.

Орудій, винтовокъ и огнестрѣльныхъ припасовъ въ Донскихъ складахъ почти не было. Приходилось ихъ отбирать у проходившихъ черезъ Ростовъ и Новочеркасскъ войсковыхъ эшелоновъ, ѣдущихъ «по домамъ»; покупать, черезъ скупщиковъ, въ эшелонахъ, проходящихъ черезъ раіонъ войска Донского и, наконецъ, добывать небольшими экспедиціями, посылаемыми въ Ставропольскую губернію, гдѣ начали сосредоточиваться большевистски настроенныя части съ Кавказскаго фронта.

Въ Екатеринодарѣ производилось самостоятельное формированіе Добровольческаго отряда для защиты, главнымъ образомъ, столицы Кубани отъ большевиковъ, начавшихъ угрожать со стороны Тихорѣцкой и Новороссійска.

Формированіе Донскихъ частей подвигалось также плохо.

Возвращающіяся съ фронта части не хотѣли воевать, стремились разойтись по станицамъ и молодые казаки вступали въ открытую борьбу со стариками.

Во многихъ станицахъ эта борьба пріобрѣла ожесточенный характеръ; расправы съ обѣихъ сторонъ были жестокія. Но пришедшихъ съ фронта казаковъ было больше, чѣмъ стариковъ, они всѣ были хорошо вооружены и, въ большинствѣ станицъ, побѣда осталась на сторонѣ молодежи, проповѣдывавшей большевистскія идеи.

Выяснилось, что въ Донскомъ воскѣ можно создать прочныя части, только основываясь на принципѣ добровольчества.

Формировать добровольческія (партизанскія) Донскія части вызывалось довольно много желающихъ изъ числа Донскихъ офицеровъ. Это дѣло въ Донскомъ штабѣ не было какъ слѣдуетъ налажено; разрѣшеніе на формированіе партизанскихъ отрядовъ давалось чуть ли ни каждому просившему, появилось много авантюристовъ, иногда просто разбойниковъ, которые, съ цѣлью личной наживы, грабили населеніе.

Хорошими партизанскими начальниками оказались есаулъ Чернецовъ и генералъ Семилѣтовъ.

Особенно хорошъ былъ Чернецовъ, который, своими молодецкими набѣгами на раіоны, занятые большевистскими отрядами и рядомъ геройскихъ дѣлъ, скоро пріобрѣлъ громадную популярность.

Недостатокъ финансовыхъ средствъ крайне затруднялъ работу по формированію Добровольческой арміи.

Какъ я уже, отмѣтилъ, изъ за недостатка денегъ, генералъ Алексѣевъ затруднялся обратиться ко всему офицерству съ призывомъ идти на Донъ. Это было имъ сдѣлано только въ декабрѣ; но, къ этому времени, сообщеніе съ различными раіонами Россіи стало гораздо труднѣй, офицерамъ стало опаснѣй пробираться по желѣзнымъ дорогамъ.

Первоначальныя средства на формированіе Добровольческой арміи складывались изъ пожертвованій, получавшихся генераломъ Алексѣевымъ, а затѣмъ и генераломъ Корниловымъ, въ Новочеркасскѣ и въ Ростовѣ и изъ присылокъ изъ Москвы; но этого было слишкомъ недостаточно.

По соглашенію съ Донскимъ атаманомъ Калединымъ и представителями Государственнаго Банка, было выяснено, какая сумма можетъ быть взята изъ отдѣленій Государственнаго Банка и казначействъ на нужды арміи.

Если мнѣ память не измѣняетъ, всего было получено этимъ путемъ тридцать милліоновъ рублей, изъ коихъ пятнадцать пошли на нужды Дона, а пятнадцать были переданы въ распоряженіе генерала Алексѣева.

Затѣмъ были составлены рисунки новыхъ денежныхъ знаковъ. Но машины были установлены и клише для печатанія были готовы только въ началѣ/серединѣ февраля 1918 года, когда обстановка заставила Добровольческую армію оставить Ростовъ.

Въ концѣ декабря 1917 (въ первой половинѣ января 1918 г. по н. с.) въ Новочеркасскъ пріѣхали изъ Москвы два представителя великобританской и французской военныхъ миссій.

Эти представители интересовались тѣмъ, что сдѣлано и что предполагается дѣлать впредь и заявили, что пока союзники могутъ помочь намъ только деньгами. Они сказали, что есть полная надежда получить сто милліоновъ рублей, которые будутъ передаваться въ распоряженіе генерала Алексѣева по десяти милліоновъ въ мѣсяцъ.

Первая получка ожидалась въ январѣ 1918 года, но запоздала и, отъ союзниковъ, въ этотъ періодъ мы ничего не получили.

Къ концу декабря/началу января былъ пополненъ Корниловскій полкъ, который былъ проведенъ на Донъ съ юго-западнаго фронта командиромъ полка, капитаномъ Нѣженцовымъ; были сформированы офицерскій, юнкерскій и георгіевскій батальоны, четыре батареи артиллеріи, инже-

нерная рота, офицерскій эскадронъ и рота изъ гвардейскихъ офицеровъ.

Къ серединѣ января составилась небольшая (всего около пяти тысячъ человѣкъ), но очень сильная въ моральномъ отношеніи Добровольческая армія.

Большевики, которые до декабря никакихъ силъ на югѣ Россіи, въ раіонѣ Дона, не имѣли, въ декабрѣ начали стягивать для ликвидаціи «контръ-революціонеровъ» части съ западнаго фронта и формировать, въ раіонахъ Царицына, Ставропольской губерніи и Терскаго казачьяго войска, части войскъ изъ состава войсковыхъ частей бывшаго кавказскаго фронта.

Большевики стали угрожать со стороны Донецкаго бассейна вдоль желѣзныхъ дорогъ, ведущихъ на Таганрогъ, на станціи Звѣрево и Лихая; со стороны Воронежа, и со стороны Торговой и Тихорѣцкой.

Если казачье населеніе еще колебалось и въ части станицъ благоразумный голосъ стариковъ бралъ перевѣсъ, то иногородное (не казачье населеніе) цѣликомъ стало на сторону большевиковъ.

Иногороднее населеніе въ казачьихъ областяхъ всегда завидывало казачеству, владѣвшему большимъ количествомъ земли, и, становясь на сторону большевиковъ, оно, прежде всего, надѣялось наравнѣ съ казачествомъ, принять участіе въ дѣлежѣ офицерскихъ и помѣщичьихъ земель.

Ростовъ и Новочеркасскъ были переполнены большевиками.

Тѣми небольшими силами, которыя находились въ распоряженіи генераловъ Корнилова и Каледина, приходилось не только отбивать наступательныя попытки большевиковъ, но и поддерживать порядокъ въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ.

Алексѣевъ и Корниловъ считали, что необходимо довести численность арміи до десяти тысячъ человѣкъ, а затѣмъ только начать расширяться и приступить къ выполненію болѣе крупныхъ задачъ.

По соглашенію съ Калединымъ было рѣшено, что Алексѣевъ и Корниловъ перейдутъ въ Ростовъ, который

станетъ центромъ формированія Добровольческой арміи. *)

Генералъ Калединъ принималъ на себя охрану Дона съ сѣвера, но просилъ, чтобы, какъ ядро для формируемыхъ имъ частей, въ его распоряженіи была оставлена часть Добровольческой арміи.

Генералъ Корниловъ согласился и офицерскій батальонъ съ одной батареей, былъ оставленъ для прикрытія Новочеркасска съ сѣвера.

Около середины/конца января 1918 года генералы Алексѣевъ, Корниловъ и штабъ Добровольческой арміи перешли въ Ростовъ.

Положеніе, между тѣмъ, стало труднымъ.

Всѣ желѣзныя дороги ведущія изъ Европейской Россіи къ Новочеркасску и Ростову, были въ рукахъ большевиковъ; притокъ пополненія въ армію почти прекратился — просачивались только отдѣльные смѣльчаки.

Большевики стали насѣдать съ запада и востока, и наши части начали нести крупныя потери.

Думать о какой нибудь наступательной операціи было трудно. Оставаясь же на мѣстѣ и только отбивая насѣдавшихъ большевиковъ, мы рисковали, что скоро будемъ совершенно окружены и истечемъ кровью.

У Корнилова еще была надежда получить помощь отъ горцевъ Кавказа; туда были посланы офицеры съ порученіемъ войти въ связь съ лицами, стоявшими во главѣ горскихъ народовъ, и набирать добрвольцевъ.

Эта же задача была дана генералу Эрдели, находившемуся въ Екатеринодарѣ для связи съ Кубанскимъ правительствомъ и Атаманомъ.

Около 20 января/2 февраля генералъ Эрдели прислалъ телеграмму, что онъ пріѣзжаетъ въ Ростовъ вмѣстѣ съ княземъ Девлетъ Гиреемъ, который обѣщаетъ выставить до десяти тысячъ черкесовъ.

---

*) На рѣшеніе перейти со штабомъ въ Ростовъ, въ извѣстной степени, повліяло стремленіе генерала Корнилова отдѣлаться отъ постояннаго вмѣшательства въ дѣла представителей Національнаго центра.

Онъ думалъ, что въ Ростовъ, находившійся въ болѣе опасной зонѣ, общественные дѣятели не переѣдутъ.

Кн. Девлетъ Гирей, пріѣхавъ въ Ростовъ, подтвердилъ генералу Корнилову предложеніе имъ сдѣланное генералу Эрдели, указавъ, что въ теченіе двухъ недѣль, онъ обязуется выставить двѣ тысячи черкесовъ, а остальные будутъ имъ выставлены въ теченіе $1^1/_2$ —2 мѣсяцевъ. Но за это, кромѣ вооруженія и довольно значительнаго денежнаго содержанія для выставляемыхъ черкесовъ, онъ просилъ выдать ему единовременно около милліона рублей.

Было очень сомнительно, чтобы кн. Гирей былъ въ состояніи выполнить свое обѣщаніе, но генералъ Корниловъ считалъ, что рискнуть надо.

Генералъ Алексѣевъ категорически отказалъ въ выдачѣ столь значительной суммы денегъ; онъ сказалъ, что совершенно не вѣритъ въ выполнимость этого проекта, но, что если генералъ Корниловъ все же хочетъ рискнуть, то онъ на это можетъ дать всего двѣсти тысячъ рублей.

Кн. Гирей не согласился и обиженный уѣхалъ въ Екатеринодаръ.

Какъ показали послѣдующія событія, этотъ проектъ не былъ бы осуществленъ и привелъ бы не къ усиленію черкесами Добровольческой арміи, а, въ лучшемъ случаѣ, только къ тому, что вооруженные черкесы, оставаясь въ раіонахъ своихъ ауловъ, оказали бы на мѣстахъ у себя болѣе упорное сопротивленіе большевикамъ.

Но этотъ случай вновь повелъ къ очень рѣзкому столкновенію между генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ и къ еще большему обостренію ихъ отношеній.

Къ концу января/началу февраля большевики заняли Батайскъ *), угрожая этимъ непосредственно Ростову, а на западѣ ими былъ занятъ Таганрогъ и они стали и съ этой стороны продвигаться къ Ростову.

Съ сѣвера нажимъ большевиковъ вдоль желѣзной дороги отъ Воронежа въ направленіи на Новочеркасскъ сталъ также увеличиваться. Появились конныя части большевиковъ со стороны Донецкаго бассейна и опредѣлилась угроза въ направленіи на Новочеркасскъ и Ростовъ.

*) Противъ Ростова — на лѣвомъ берегу Дона.

Положеніе становилось все болѣе и болѣе серьезнымъ; кругъ замыкался.

Генералъ Корниловъ считалъ, что дальнѣйшее нахожденіе Добровольческой арміи въ Ростовскомъ раіонѣ безполезно; что развалившееся Донское казачество не можетъ оказать серьезной поддержки, а мы не въ силахъ спасти его отъ большевиковъ; что необходимо двинуться къ Екатеринодару на соединеніе съ Добровольческими частями, тамъ формировавшимися и съ Кубанскими частями, не перешедшими на сторону большевиковъ. Казалось, что Кубань можетъ избѣгнуть поголовной большевистской заразы.

Донской Атаманъ, генералъ Калединъ, чувствуя всю серьезность положенія и сознавая, что безъ Добровольческой арміи онъ не въ силахъ отстоять Донъ отъ большевиковъ, проектировалъ сосредоточить главныя силы Добровольческой арміи къ Новочеркасску.

Генералы Алексѣевъ и Корниловъ противъ этого возражали, указывая, что тогда мы потеряемъ Ростовъ и Добровольческая армія попадетъ подъ Новочеркасскомъ въ ловушку; что этимъ мы не поможемъ Дону, а начатое дѣло погибнетъ.

26 января/8 февраля генералъ Калединъ прислалъ телеграмму, прося генераловъ Алексѣева и Корнилова немедленно пріѣхать въ Новочеркасскъ, чтобы присутствовать на засѣданіи, которое онъ устраиваетъ, вечеромъ того-же дня, съ членами Донского правительства и Донского круга, вернувшимися послѣ объѣзда станицъ.

Генералъ Калединъ указалъ въ телеграммѣ, что этому совѣщанію онъ придаетъ чрезвычайное значеніе и что на немъ долженъ быть принятъ планъ дальнѣйшей борьбы съ большевиками.

Но положеніе подъ Ростовымъ было настолько серьезно, что ни генералъ Корниловъ, ни генералъ Алексѣевъ не сочли возможнымъ выѣхать въ Новочеркасскъ.

Поѣхалъ я — какъ ихъ представитель.

На засѣданіе были приглашены и Московскіе общественные дѣятели.

Доклады, сдѣланные на засѣданіи предсѣдателемъ Донского правительства и членами Донского круга, обрисовали очень тяжелую картину. Донъ окончательно развяливался и спасти положеніе было трудно.

Послѣ моего заявленія о невозможности что либо дать изъ состава Добровольческой арміи для непосредственной обороны Новочеркасска, а что, наоборотъ, генералъ Корниловъ проситъ возможно скорѣй вернуть ему офицерскій батальонъ, большинство присутствовавшихъ на засѣданіи высказалось въ томъ, смыслѣ, что удержать Новочеркасскъ будетъ невозможно и что Атаману, съ правительствомъ и войсковымъ кругомъ, надо переѣхать немедленно въ раіонъ еще крѣпкихъ и стойкихъ станицъ, расположенныхъ по р. Дону, и тамъ постараться заставить казачество откликнуться на призывъ Атамана.

Указывалось на то, что Новочеркасскъ слишкомъ на отлетѣ, что непосредственное общеніе атамана съ станицами можетъ исправить дѣло.

Генералъ Калединъ выслушалъ всѣхъ говорившихъ, а затѣмъ опредѣленно заявилъ, что оставлять Новочеркасскъ онъ не можетъ; что онъ считаетъ недопустимымъ атаману бѣжать изъ столицы Донского края и скитаться по станицамъ; если ничего не выйдетъ, то онъ погибнетъ здѣсь въ Новочеркасскѣ.

Послѣ этого онъ закрылъ засѣданіе и мы разошлись по домамъ.

Вернувшись на другой день въ Ростовъ я доложилъ генералу Корнилову, что, по моему впечатлѣнію, генералъ Калединъ потерялъ вѣру въ возможность что либо сдѣлать для спасенія положенія.

29 января/11 февраля была получена телеграмма что генералъ Калединъ застрѣлился.

Не выдержалъ старый и честный Донской атаманъ, такъ горячо любившій Россію и свой Донъ, и такъ вѣрившій прежде донцамъ!

Смерть атамана встрепенула на нѣкоторое время Донъ.

Старики казаки громко заявили, что они повинны въ смерти любимаго атамана и что долгъ всѣхъ казаковъ, хоть

послѣ смерти атамана, выполнить его призывъ и стать на защиту Дона отъ большевиковъ.

Примолкла временно и молодежь.

Въ Новочеркасскъ тысячами стали стекаться донцы для формированія новыхъ частей.

Казалось, что Донъ ожилъ.

Но, въ значительной степени, вслѣдствіе того, что штабъ Донского войска оказался въ это время не на должной высотѣ (не давали помѣщеній для размѣщенія прибывающихъ казаковъ; не наладили довольствіе горячей пищей; не сумѣли наладить вопросы организаціонные), скоро подъемъ прошелъ и казаки стали опять расходиться и разъѣзжаться по станицамъ.

2/15 февраля я сдалъ должность начальника штаба Добровольческой арміи генералу Романовскому и былъ командированъ генераломъ Корниловымъ въ Новочеркасскъ быть, въ качествѣ его представителя, при новомъ Донскомъ атаманѣ Назаровѣ. Главная задача, которая была на меня возложена, состояла въ томъ, чтобы настаивать на болѣе энергичномъ формированіи новыхъ частей и продолженіи самой упорной борьбы съ большевиками.

4/17 февраля въ Новочеркасскъ пришелъ походнымъ порядкомъ отъ Екатеринодара, въ блестящемъ видѣ, 6-й Донской полкъ.

Просто не вѣрилось глазамъ.

Всѣ офицеры на мѣстахъ, полная дисциплина, никакихъ комитетовъ.

Полкъ заявилъ, что онъ хочетъ сейчасъ же идти на фронтъ.

Полку была устроена торжественная встрѣча.

Послѣ молебствія на соборной площади, атаманъ и предсѣдатель донского правительства благодарили полкъ, прибывшій въ такомъ блестящемъ видѣ.

Трогательно было видѣть какъ глубокіе старики — донцы подходили къ полку и, кланяясь до земли, благодарили славныхъ станичниковъ за то, что они поддержали честь и славу Дона и не поддались искушенію большевистской пропаганды.

6/19 февраля полкъ былъ отправленъ на фронтъ, а 8/21 февраля подъ вліяніемъ агитаторовъ, отказался сражаться....

Къ сѣверу отъ Новочеркасска, кромѣ небольшихъ казачьихъ и партизанскихъ частей, ничего не было. Большевики насѣдали и было ясно, что дни Новочеркасска сочтены.

Въ ночь съ 8/21 на 9/22 февраля 1918 года, генералъ Корниловъ, увидя, что для Дона уже все кончено и что дальнѣйшая оборона Ростовскаго раіона, не приведя ни къ чему, погубитъ армію вышелъ съ Добровольцами изъ Ростова на Аксай, а затѣмъ, переправившись черезъ Донъ, сосредоточилъ 10/23 февраля Добровольческую армію въ раіонѣ станицы Ольгинской.

* * *

10/23 февраля на лошадяхъ, съ цѣлью пробраться къ желѣзной дорогѣ, а затѣмъ проѣхать въ Москву, выѣхали изъ Новочеркасска П. Б. Струве, кн. Гр. Н. Трубецкой, въ этотъ же день, съ той же цѣлью, выѣхали изъ Новочеркасска на лошадяхъ моя жена и генералъ Ванновскій.

* * *

11/24 февраля большевики были уже совсѣмъ близко отъ Новочеркасска и было ясно, что 12/2 февраля они займутъ городъ.

Я, съ вечера, заказалъ себѣ сани, чтобы ѣхать рано утромъ 12/25 февраля на соединеніе съ арміей.

Въ ночь съ 11 на 12/24 на 25 февраля я, въ послѣдній разъ говорилъ по телефону съ Донскимъ войсковымъ атаманомъ генераломъ Назаровымъ.

Онъ мнѣ сказалъ, что рѣшилъ, вмѣстѣ съ войсковымъ кругомъ, не уѣзжать изъ Новочеркасска; что, оставаясь, онъ этимъ спасетъ городъ отъ разграбленія.

Я ему совѣтовалъ ѣхать въ армію генерала Корнилова; сказалъ, что, оставаясь въ Новочеркасскѣ, онъ обрекаетъ себя на напрасную гибель.

Генералъ Назаровъ мнѣ отвѣтилъ, что большевики не посмѣютъ тронуть выборнаго атамана и войсковой кругъ; что, по его свѣдѣніямъ, первыми войдутъ въ Новочеркасскъ

присоединившіеся къ большевикамъ донскіе казаки подъ начальствомъ Голубова; что этотъ Голубовъ, хотя и мерзавецъ, убившій Чернецова, но его, Назарова, не тронетъ, такъ какъ онъ за него какъ то заступился и освободилъ изъ тюрьмы.

Я убѣждалъ генерала Назарова не быть такимъ оптимистомъ и уѣхать. Закончилъ я такъ: «Если Вы останетесь, то Васъ растерзаютъ. Я понимаю, что можно было бы на это идти, если бы Вы этимъ что нибудь спасали. А такъ гибнуть — совершенно безцѣльно».

Но мои уговоры были напрасны; генералъ Назаровъ еще разъ сказалъ, что онъ убѣжденъ, что его не посмѣютъ тронуть, а затѣмъ добавилъ, что если онъ ошибается и погибнетъ, то погибнетъ такъ-какъ завѣщалъ покойный атаманъ Калединъ, сказавшій, что выборный атаманъ не смѣетъ покидать свой постъ.

* * *

Во время моего пребыванія въ Новочеркасскѣ меня безпокоилъ вопросъ о томъ, какъ поступить съ ранеными добровольцами, находившимися въ лазаретахъ. Увозить ихъ было некуда, а оставлять въ лазаретахъ на растерзаніе большевиковъ было невозможно.

Снесясь съ генераломъ Алексѣевымъ, я получилъ отъ него деньги, которыя мною были переданы образовавшейся въ Новочеркасскѣ организаціи. Было рѣшено, передъ приходомъ большевиковъ, тѣмъ добровольцамъ, которые могутъ сами передвигаться, выдать на руки нѣкоторую сумму денегъ и предоставить имъ самимъ какъ нибудь устроиться въ городѣ или сосѣднихъ станицахъ.

Тяжело же раненыхъ и больныхъ, частью размѣстить на окраинахъ города у надежныхъ жителей, а частью, подъ видомъ простыхъ солдатъ, оставить въ лазаретахъ.

Такъ и было сдѣлано.

Впослѣдствіи выяснилось, что часть раненыхъ офицеровъ, изъ числа оставшихся въ Новочеркасскѣ, была большевиками убита.

* * *

Послѣ оставленія Ростова, Добровольческая армія, насчитывая въ своихъ рядахъ всего 2500 бойцевъ, совершенно оторвалась отъ внѣшняго міра.

Во время похода къ Екатеринодару, армія, перенеся всѣ трудности зимней кампаніи, прозванной впослѣдствіи «ледянымъ походомъ», непрерывно, не только вела бои съ преграждавшими ей путь большевиками, но отбивала атаки насѣдавшихъ на нее бандъ и съ фланговъ и съ тыла.

Послѣ смерти генерала Корнилова, убитаго подъ Екатеринодаромъ 31 марта/13 апрѣля 1918 года, армія, опять послѣ ряда боевъ, пробилась обратно на территорію Дона, гдѣ, къ тому времени, возставшее противъ большевиковъ казачество очистило отъ нихъ значительную часть своей территоріи.

Армія только къ маю 1918 года попала въ условія, позволившія ей отдохнуть и пополниться для продолженія борьбы съ большевиками.

Маленькая армія генерала Корнилова могла совершить этотъ трехмѣсячный, легендарный по своей трудности, походъ, при чемъ въ ея рядахъ, при полной вѣрѣ въ своего вождя, не было ни разу ни ропота, ни колебаній — только благодаря высокому духовному подъему, который былъ въ сердцахъ всѣхъ чиновъ арміи отъ командующаго — до послѣдняго солдата.

Этотъ первый періодъ существованія Добровольческой арміи — былъ чисто Добровольческимъ періодомъ.

Въ арміи не было ни одного человѣка, который попалъ бы въ ея ряды по набору, или по принужденію.

Надо было видѣть все это юношество, составлявшее армію; юношество, горѣвшее любовью къ Родинѣ, мечтавшее положить свою жизнь за ея возрожденіе и отомстить предателямъ и насильникамъ за разрушеніе Россіи и за поруганные идеалы — чтобы понять всю моральную силу, которую они представляли.

Весь Новочеркасско — Ростовскій періодъ былъ одновременно періодомъ формированія арміи и періодомъ безпощадной борьбы.

Непрерывная борьба на фронтѣ съ насѣдавшими большевиками, почти безъ смѣны, протекала въ крайне тяжелыхъ условіяхъ: приходилось быть почти все время безъ крова, не имѣя по цѣлымъ недѣлямъ горячей пищи, почти безъ теплой одежды.

Денежное содержаніе выдавалось ничтожное, едва хватавшее на прокормленіе.

Но и при этихъ условіяхъ, настроеніе въ рядахъ арміи всегда было бодрое.

Офицеровъ, изрѣдка, дня на два, на три, командиры частей отпускали передохнуть въ Новочеркасскъ или въ Ростовъ.

Помывшись въ банѣ, переодѣвъ чистое бѣлье и разъ — два хорошо пообѣдавъ, офицеры, обыкновенно, возвращались въ части раньше срока, на который ихъ отпускали.

За этотъ періодъ не поступало жалобъ отъ населенія на какія либо насилія или грабежи войсковыхъ частей.

Тѣ части, которыя, послѣ смѣны, отводились на короткіе сроки въ резервъ, въ Ростовъ, несли и тамъ непрерывную службу по охранѣ и поддержанію порядка.

За періодъ отъ начала формированія арміи до выхода изъ Ростова поступило въ ея ряды свыше шести тысячъ человѣкъ; при оставленіи Ростова, какъ я уже отмѣтилъ, число бойцевъ не превышало 2500 человѣкъ.

Размѣръ общей потери говоритъ о той работѣ, которую дѣлала армія.

Былъ, конечно, небольшой % добровольцевъ, которые стремились устроиться въ тылу на болѣе спокойныхъ мѣстахъ, но такихъ было мало.

Помню, что, отыскивая себѣ надежнаго адъютанта, я остановился на штабсъ-капитанѣ Л. Гв. Преображенскаго полка Владимірѣ Ратьковѣ-Рожновѣ.

Въ отвѣтъ на мою телеграмму на имя командира части, я получилъ увѣдомленіе, что Ратьковъ-Рожновъ командируется въ Ростовъ.

Пріѣхавшій офицеръ явился ко мнѣ и, поблагодаривъ за предложеніе, просилъ его оставить въ строю на томъ основаніи, что ему будетъ совѣстно передъ товарищами, что

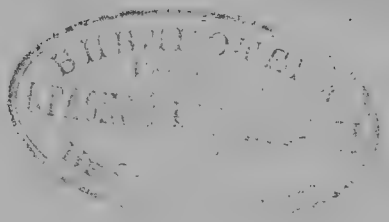
онъ не будетъ раздѣлять съ ними лишеній и опасностей боевой жизни, занимая должность адъютанта.

Вскорѣ послѣ этого онъ былъ убитъ, спасая въ бою раненаго товарища.

Узнавъ о его смерти пошелъ въ ряды Добровольческой арміи его братъ, тяжело контуженный во время Европейской войны и безусловно подлежавшій освобожденію отъ службы. Онъ также былъ убитъ.

Третій ихъ братъ, и послѣдній, былъ убитъ во время Европейской войны.

Изъ такихъ честныхъ и доблестныхъ бойцовъ была сформирована маленькая армія генерала Корнилова.



Оглавленіе.

стр.

Предисловіе 7

Часть первая. Періодъ, предшествовавшій европейской войнѣ и подготовка къ ней 9

Часть вторая. Періодъ европейской войны и государственный переворотъ 47

Часть третья. Корниловское выступленіе и начало Добровольческой арміи 215